

# Никки Френч

## Убей меня нежно

Посвящается Керсти и Филиппу

### Пролог

Он понимал, что умирает. Смутно, где-то в глубине души он понимал, что не следует желать смерти. Он должен был сделать что-нибудь для собственного спасения. Но не мог придумать, что именно. Возможно, придумал бы, если бы ему удалось осознать, что произошло. Если бы только не ветер и снег. Они терзали его так долго, что он едва чувствовал, как лицо жгло от холода. Безумно трудно было вздохнуть, сделать глоток воздуха на высоте восемь тысяч метров над уровнем моря, где человеческие существа вообще не должны жить. Баллоны с кислородом давно были пусты, клапаны обледенели, маска только мешала.

Остались минуты, быть может, часы. В любом случае он умрет еще до того, как наступит утро. Что ж, пусть так. Он пребывал в полусне и покое. Под слоями ветронепроницаемого нейлона, гортекса, шерсти, полипропилена он чувствовал, как сердце бьется вдвое быстрее обычного, словно узник, который стремится вырваться из темницы груди на волю. А мозг при этом вялый, сонный. Но это неправильно, — им всем необходимо бодрствовать, непрерывно двигаться, пока их не спасут. Он понимал, что должен сесть, встать, что есть сил хлопать руками, не давать спать спутникам. Ему было слишком уютно. Как хорошо вот так лежать, наконец дать себе отдых. Он так давно не отдыхал...

Холода он больше не ощущал, и это было облегчением. Он посмотрел туда, где была одна его рука, которая выскользнула из рукавицы и лежала под странным углом. Сначала она была багрово-красной, а теперь — он удивленно подался вперед — восково-белой. Странно, что он чувствовал такую жажду. В куртке лежала бутылка, которая замерзла и совершенно бесполезна. Вокруг снег, который столь же бесполезен. Почти смешно. Какое счастье, что он не врач, как Франсуаза.

Где она? Когда они достигли границы вечных снегов, то должны были остановиться в лагере «Три перевала». Она ушла вперед, и больше они ее не видели. Остальные держались вместе, бродили кругами, утратив всякое ощущение направления, совершенно не представляя, на какой части горы находятся, и безнадежно засели в этом желобе. И все же он что-то должен вспомнить, что-то потерявшееся где-то в мозгу. Только он не знал где, он не знал, что это такое.

Он не видел даже собственных ног. Сегодня утром, когда началось восхождение, горы словно мерцали в разреженном воздухе, а они дюйм за дюймом продвигались вверх по наклонному морю льда по направлению к вершине. Они шли в жестких лучах солнца, бьющего из-за хребта гор, и твердый как сталь лед вспыхивал бело-голубым огнем, который сжигал их тяжелые головы. Лишь несколько кучевых облаков плыло в их сторону, а потом эта внезапная лавина спрессованного в камень снега.

Рядом с собой он почувствовал движение. Кто-то еще был в сознании. Он с трудом перевернулся на другой бок. Красная куртка — значит, это Питер. Его лицо было напрочь скрыто толстым слоем серого льда. Он ничего не мог поделать. Хотя все они своего рода команда, сейчас каждый пребывает в своем отдельном мире.

Интересно, кто еще в данный момент умирает на склоне горы? Как неудачно все получилось. Однако ничего не поделаешь. У него в пуховике в футляре из-под зубной щетки лежал целый шприц дексаметазона, но сейчас добраться до шприца было выше его сил. Он не мог даже пошевелить руками, чтобы развязать рюкзак. Да и что

бы он сделал? Куда отсюда идти? Лучше ждать. Их найдут. Они знают, где искать. Почему они до сих пор не пришли?

Мир вокруг, прежняя жизнь, эти горы — все уже погрузилось в пучины его вялого сознания, остались лишь следы. Он понимал, что каждую минуту, пока он лежит здесь, в лишенной кислорода мертвой зоне, в его мозгу умирают миллионы клеток. Крошечный кусочек разума наблюдал за тем, как он умирает, и ужасался, преисполненный жалости и страха. Ему хотелось, чтобы все закончилось. Ему просто хотелось уснуть.

Он знал этапы наступления смерти. Он наблюдал почти с любопытством, как его тело на последних подступах к вершине горы Чунгават реагирует на ее приближение: головная боль, диарея, затрудненное дыхание, распухшие руки и ноги. Он понимал, что более не в состоянии ясно мыслить. Возможно, перед смертью начнутся галлюцинации. Он понимал, что руки и ноги у него обморожены. Он вообще не чувствовал своего тела, за исключением пылающих легких. Казалось, все, что от него осталось, — это разум, который все еще слабо теплился в своей умершей оболочке. Он ждал, когда его разум мигнет и погаснет.

Жаль, что так и не удалось побывать на вершине. Снег под его щекой создавал впечатление подушки. Томасу было тепло. Покойно. В чем ошибка? Все должно было пройти так гладко. Он что-то должен вспомнить, что-то неправильное. Во всем была какая-то фальшивая нота. Кусочек головоломки оказался не на своем месте. Он закрыл глаза. Темнота казалась целительной. Жизнь такая суматошная... Все эти потуги. Ради чего? Да ничего. Просто нужно вспомнить. Когда он вспомнит, все остальное перестанет что-либо значить. Если бы только прекратился вой ветра. Если бы только он был в силах думать. Да, вот оно. Это так глупо, так просто, но он понял. Он улыбнулся. Почувствовал, как холод распространяется по телу, приглашая его во тьму.

\* \* \*

Я неподвижно сидела на стуле с жесткой спинкой. Болело горло. Люминесцентная лампа помаргивала, от чего кружилась голова. Я положила руки на стол между нами, сведя кончики пальцев, и попыталась дышать ровно. Неплохое место для того, чтобы все закончилось именно здесь.

Вокруг звенели телефоны, в воздухе висел непрерывный гул разговоров, это напоминало звуковое сопровождение спектакля. На заднем плане тоже были люди, мужчины и женщины в униформе деловито сновали мимо. Временами они бросали на нас взгляды, но казалось, их ничто не удивляет. С чего бы им удивляться? Они здесь насмотрелись всякого, а я всего лишь обычная женщина с румянцем на щеках и спустившейся петлей на колготках. Кто бы мог сказать? У меня болели ноги в этих нелепых башмаках. Я не хотела умирать.

Инспектор Бирн взял ручку. Я постаралась ему улыбнуться, призвав на помощь последнюю надежду. Он терпеливо посмотрел на меня через стол, брови сдвинуты, и мне захотелось заплакать и попросить, чтобы он спас меня. Ну пожалуйста. Я так давно по-настоящему не плакала. И если сейчас начну, то зачем вообще останавливаться?

— Так на чем мы остановились, помните? — спросил он.

О да, я помнила. Я помнила все.

## Глава 1

— Элис! Элис! Ты опаздываешь. Давай скорее.

Я услышала неприветливое бурчание и поняла, что оно исходит от меня. На

улице было холодно, темно. Я поглубже заползла под пуховое одеяло, зажмурилась от тусклого зимнего света.

— Вставай, Элис.

Джейк пах пеной для бритья. Галстук свободно свисал с ворота. Еще один день. Скорее мелкие бытовые привычки, чем крупные решения и поступки делают вас настоящей парой. Вы сами сползаете в обыденность, привыкаете к дополнительным семейным обязанностям, не принимая в этой связи никаких решений. Мы с Джейком были экспертами по вселенским пустякам друг в друге. Я знала, что он предпочитает наливать в кофе больше молока, чем в чай, ему было известно, что я люблю всего каплю в чай, а кофе вообще без молока. Он нашел у меня уплотнение в районе левой лопатки, образовавшееся после долгого сидения в офисе. Я не клала в салаты фрукты — он этого не любил, а он не приправлял их сыром — я этого не любила. Чего еще можно желать от романа? Мы были просто сбиты в пару.

Я никогда прежде не жила с мужчиной — я имею в виду мужчину, с которым у меня любовные отношения, — и считала, что набираюсь опыта по вступлению в обязанности по дому. Джейк был инженером и в совершенстве справлялся со всеми проводами и трубами, что проходят в стенах и под полом. Однажды я сказала ему: единственное, что его возмущает в нашей квартире, — это то, что не он сам построил ее на какой-нибудь лужайке. И он на это не обиделся.

Моей специальностью была биохимия, это означало, что я меняю постельное белье и выношу мусорное ведро. Он чинил пылесос, а я чистила. Я мыла ванну, за исключением тех случаев, когда он в ней брился. Здесь я провела черту.

Странная вещь: Джейк свою одежду гладил сам. И мою. Говорил, что люди больше не знают, как гладить рубашки. Я думала, что это страшно глупо, и должна бы обижаться, если бы не было так трудно чувствовать себя обиженной, когда лежишь перед телевизором, а кто-то другой гладит белье. Он покупал газету, а я читала через его плечо, и он при этом раздражался. Мы оба ходили по магазинам, хотя я всегда составляла списки и отмечала покупки галочками, он же покупал бессистемно и был экстравагантнее меня. Он размораживал холодильник. Я поливала цветы. Еще он каждое утро приносил мне в постель чашку чая.

— Ты опаздываешь, — сказал он. — Вот твой чай, я уйду ровно через три минуты.

— Ненавижу январь, — сказала я.

— Ты говорила так про декабрь.

— Январь похож на декабрь. Только без Рождества.

Но он уже вышел из комнаты. Я быстро приняла душ и надела брючный костюм цвета овсянки с жакетом, который доходил мне до колен. Расчесала волосы, свернула их в свободный пучок.

— Классно выглядишь, — сказал Джейк, когда я вышла в кухню. — Костюм новый?

— Он у меня уже лет сто, — солгала я, наливая себе еще чашку чаю, на этот раз едва теплого.

К метро мы шли вместе, прячась под одним зонтом и обегая лужи. У турникета он меня поцеловал, взяв зонтик под мышку и крепко держа меня за плечи.

— До свидания, дорогая, — сказал он, и я в тот момент подумала: «Он хочет быть женатым. Он хочет, чтобы мы были женатой парой». Занятая этой захватывающей идеей, я позабыла, что неплохо бы что-нибудь ответить. Он ничего не заметил и взошел на эскалатор, присоединившись к толпе мужчин в плащах, спускавшихся вниз. Он не оглянулся. Все выглядело почти так, словно мы уже женаты.

Мне не хотелось идти на совещание. Я чувствовала себя почти физически неспособной к этому. Накануне вечером мы с Джейком припозднились с обедом и

закончили есть после полуночи. Я добралась до кровати только в час ночи, а потом не могла заснуть, наверное, до полтретьего. Была годовщина — наша первая годовщина. Не очень-то важная это была дата, но у нас с Джейком их не хватает. Мы время от времени пытались, но никогда не могли вспомнить нашу первую встречу. Мы долго вращались в одном и том же окружении, словно пчелы вокруг улья. Мы не в силах припомнить, когда подружились. Люди вокруг нас постоянно менялись, и через какое-то время мы дошли до того, что если бы кто-нибудь попросил меня составить список трех-четырех или четырех-пяти моих ближайших друзей, Джейк обязательно бы в него попал. Но никто никогда меня об этом не просил. Мы знали все о родителях друг друга, школьных днях, любовных похождениях. Однажды, когда его бросила подруга, мы вместе жутко напились, прикончив вдвоем полбутылки виски под деревом в Риджентс-парк, при этом мы то утирали сопли, то хохотали — в общем, пребывали в сентиментальном настроении. Я сказала, что это ей даром не пройдет, он икнул и погладил меня по щеке. Мы смеялись шуткам друг друга, танцевали на вечеринках, но не под медленную музыку, по очереди одалживали деньги, платили друг за друга и выдавали советы. Мы были приятелями.

Мы оба запомнили день, когда впервые спали вместе: 17 января прошлого года. В среду. Наша компания собралась в кино на последний сеанс, но кто-то не смог, кто-то не захотел пойти, и в кинотеатре оказались только мы с Джейком. В какой-то момент во время сеанса мы посмотрели друг на друга, довольно глупо улыбнулись, и я догадалась, что мы оба осознаем, что это своего рода свидание, и, видимо, обоим было интересно узнать, насколько это хорошая идея.

После кино он пригласил меня к себе чего-нибудь выпить. Был почти час ночи. У него в холодильнике оказался копченый лосось и — это была мелочь, которая меня рассмешила, — хлеб, испеченный им самим. По крайней мере потом я над этим подсмеивалась, так как с тех пор он не испек ни булки, ни чего-то другого. Мы парочка, которая берет еду в ресторане или покупает полуфабрикаты. Однако в тот вечер я едва не рассмеялась, когда он впервые меня поцеловал, настолько это казалось необычным, почти неприличным для таких добрых старых друзей. Я увидела, как его лицо приближается к моему, знакомые черты расплываются в какое-то странное выражение, и мне захотелось хихикнуть или отстраниться — все, что угодно, только бы сломать внезапную серьезность, непонятную тишину. Но все тут же показалось правильным, возникло ощущение, что я вернулась домой. И если порой я не хотела чувства устроенности (как быть с моими планами работать за границей, искать приключений, стать совсем другим человеком?), или меня посещали тревожные мысли (мне уже почти тридцать, и, значит, это и есть моя жизнь?), то я с легкостью отбросила их прочь.

Я знаю, что парочки, как считается, должны принять некое особое решение, чтобы жить вместе. Это определенный этап вашей жизни, вроде обмена кольцами или смерти. У нас такого никогда не было. Я стала оставаться у него. Джейк выделил мне ящик в комоде для трусиков и колготок. Потом появилась еще одежда. Я стала оставлять в ванной кондиционер для волос и карандаши для глаз. Спустя несколько недель я заметила, что примерно на половине видеокассет красуются сделанные мной надписи. Просто если не надписать записанные вами программы, даже очень мелким почерком, то их ни за что не найти, когда хочется просмотреть.

В один прекрасный день Джейк спросил, а есть ли смысл в том, что я плачу за свою комнату, хотя там не бываю. Я что-то промямлила, посомневалась, но так и не пришла ни к какому твердому решению. Моя двоюродная сестра Джулия приехала на лето поработать перед началом учебного года в колледже, и я предложила ей остановиться в моей квартире. Мне пришлось перевезти еще кое-какие вещи, чтобы освободить ей место. Потом, в конце августа — был жаркий ранний вечер, воскресенье, и мы сидели в пабе, глядя на реку у собора Святого Павла, — Джулия

стала нудить, что ей нужен какой-нибудь постоянный угол, и я предложила ей жить в моей квартире. Итак, мы с Джейком оказались вместе, и единственной нашей датой была годовщина с того момента, когда мы впервые переспали.

Но после празднования наступила расплата. Если вам не хочется идти на какое-нибудь заседание и вы озабочены тем, чтобы воздать себе по заслугам или пережить несправедливость, с которой с вами обошлись, то удостоверьтесь, что ваш наряд отутюжен, и вовремя отправляйтесь на совещание. На самом деле в десяти административных заповедях ничего подобного нет, но пасмурным утром, когда я, кроме как на чай, ни на что не могла смотреть, это казалось стратегией выживания. В подземке я попыталась собраться с мыслями. Следовало бы подготовиться получше, сделать какие-нибудь записи и так далее. Я ехала стоя, в надежде что таким образом не помну свой новый костюм. Двое вежливых мужчин предложили мне место и смутились, когда я отказалась сесть. Видимо, решили, что я сделала это из идейных соображений.

Чем они собираются заняться, мои товарищи по подземке? Я заключила пари сама с собой, что наверняка ничем столь же странным, как я. Я ехала в офис маленького подразделения очень крупной международной фармакологической компании на совещание по поводу крошечного предмета из пластика и меди, который с виду напоминал брошь в стиле модерн, а на самом деле являлся неудачным опытным образцом внутриматочного устройства.

Мой босс Майк бы неизменно сбит с толку, разъярен, расстроен и смущен тем, что у нас ничего не получалось с «Дрэг-спиралью III», ВМУ фармакологической компании «Дрэг», которое должно было совершить революционный переворот в контрацепции, если, конечно, когда-нибудь выйдет из стадии лабораторных исследований. Меня подключили к проекту шесть месяцев назад, но постепенно меня засосала бюрократическая трясина бюджетных планов, маркетинговых задач, дефицита, клинических испытаний, спецификаций, совещаний в департаменте, региональных совещаний, совещаний о совещаниях и всей невообразимой иерархии процесса принятия решений. Я почти забыла о том, что я ученый, который работает над неким проектом, связанным с проблемой деторождения. На эту работу я согласилась потому, что сама идея создания какого-нибудь продукта и его продажи показалась мне праздником на фоне всей моей остальной жизни.

В этот четверг утром Майк казался просто угрюмым, но я видела, что это его настроение чревато опасностью. Он напоминал проржавевшую морскую мину времен Первой мировой войны, которую волной выбросило на берег. Железяка кажется неопасной, но всякий, кто тронет ее, может взлететь на воздух. Я не стану этого делать, во всяком случае, сегодня.

Люди заполняли зал заседаний. Я уселась спиной к двери так, чтобы можно было смотреть в окно. Офис находился к югу от Темзы в лабиринте узких улочек, получивших имена по названиям специй и далеких стран, откуда их привозили. Позади наших кабинетов располагался заводик по переработке мусора, территорию которого городские власти постоянно собирались перекупить и застроить. Мусорная свалка. В одном углу находилась гигантская гора бутылок. В солнечные дни битое стекло сверкало волшебным светом, но даже в такой противный день, как сегодня, может появиться шанс увидеть экскаватор, который будет сгребать бутылки в еще большую кучу. Это было интереснее всего, что могло произойти внутри комнаты для заседаний под литерой "С". Я огляделась. Здесь были трое мужчин, которые явно чувствовали себя не в своей тарелке, — они приехали из лаборатории в Нортбридже и возмущались, что теряют время. Были Филипп Инголс с верхнего этажа, моя так называемая ассистентка Клаудиа и ассистентка Майка Фиона. Несколько человек отсутствовали. Хмурое выражение на лице Майка стало еще мрачнее, и он принялся яростно дергать себя за мочки ушей. Я выглянула в окно. Экскаватор подъезжал к

бутылочной горе. От этого мне стало лучше.

— Джованна собирается прийти? — спросил Майк.

— Нет, — отозвался один из исследователей, мне кажется, его имя Нил. — Она попросила меня побыть вместо нее.

Майк зловеще пожал плечами. Я выпрямилась на стуле, изобразила на лице внимание и оптимистически взялась за ручку. Совещание началось с упоминаний о прошлом совещании и прочей рутины. Я что-то машинально чертила в блокноте, потом попыталась изобразить лицо Нила, которое благодаря печальным глазам довольно сильно смахивало на морду бладхаунда. Потом я забросила это занятие и посмотрела на экскаватор, который вовсю занимался своим делом.

Окна, к сожалению, не пропускали звуки бьющегося стекла, но все равно было приятно. Я не без труда снова переключилась на совещание, когда Майк спросил о планах на февраль. Нил начал что-то говорить об овуляционном кровотечении, а меня внезапно — и это было ужасно глупо — стала раздражать мысль о том, что мужчина-ученый рассказывает мужчине-менеджеру о процессах, протекающих в женском организме. Я набрала в грудь воздуха, чтобы сказать это вслух, передумала и перевела взгляд на свалку. Экскаватор уже отъезжал, закончив работу.

— Теперь что касается тебя... — Меня словно внезапно разбудили. Майк устремил взгляд на меня, все остальные тоже повернулись ко мне в ожидании приближающейся грозы. — Тебе, Элис, придется этим заняться. В департаменте не все благополучно.

Нужно мне было лезть в спор? Нет.

— Хорошо, Майк, — ласково сказала я. И подмигнула, просто для того, чтобы дать ему понять, что не позволю себя задирать. Его лицо покраснело.

— И может кто-нибудь починить этот чертов свет? — заорал он.

Я взглянула вверх. Одна из люминесцентных трубок едва заметно моргала. Когда это замечаешь, сразу кажется, будто кто-то скребется у тебя в мозгу. Скребется, скребется, скребется.

— Я почию, — сказала я. — В смысле найду кого-нибудь, кто починит.

\* \* \*

Я была занята составлением доклада, который Майк собирался отослать в Питсбург только в конце месяца, так что времени хватало, и я могла позволить себе не особенно утруждаться в оставшуюся часть дня. Полчаса я провела за просмотром двух присланных мне каталогов одежды для заказа по почте. Я вернулась на ту страницу, где предлагались изящные высокие башмаки и длинная бархатная рубашка, которую называли «необходимой», и серо-сизая короткая атласная юбка. Эта покупка загонит меня в долги еще на 137 фунтов. После ленча с сотрудницей пресс-службы — приятной женщиной в узких прямоугольных очках в черной оправе, которые особенно выделялись на ее маленьком бледном лице, — я заперлась в своем кабинете и надела наушники.

— Je suis dans la salle de bains<sup>1</sup>, — очень отчетливо проговорил голос в наушниках.

— Je suis dans la salle de bains, — послушно повторила я.

— Je suis en haut!<sup>2</sup>

Что значит «en haut»? Вспомнить я не смогла.

— Je suis en haut! — сказала я.

---

<sup>1</sup> Я в ванной комнате (фр.).

<sup>2</sup> Что значит наверху! (фр.)

Зазвонил телефон, я сняла наушники. Вернулась из мира солнца, полей лаванды и открытых кафе в январские доки. Это была Джулия с какой-то квартирной проблемой. Я предложила ей встретиться после работы и выпить чего-нибудь. У нее уже было назначено несколько встреч, поэтому я позвонила Джейку на мобильник и предложила ему тоже прийти в «Вайн». Нет. Он был не в городе. Отправился посмотреть, как идут работы по прокладке туннеля через красивое и священное для верующих сразу нескольких конфессий место. Мой день был практически завершен.

Когда я пришла, Джулия и Сильвия сидели за угловым столиком с Клайвом. У них за спиной на стене висело несколько кашпо с растениями. «Вайн» был украшен орнаментом в виде виноградных гроздевых листьев.

— Выглядишь ужасно, — сочувственно заметила Сильвия. — Похмелье?

— Не уверена, — сказала я осторожно. — Но в любом случае не помешало бы принять лекарство от похмелья. С тобой тоже поделюсь.

Клайв рассказывал о женщине, которую встретил накануне на вечеринке.

— Очень интересная женщина, — говорил Клайв. — Она физиотерапевт. Я пожаловался ей на свой локоть, вы знаете...

— Знаем.

— Она таким особым способом подержала его, и локоть тут же стал меньше болеть. Разве не удивительно?

— Как она выглядит?

— В каком смысле?

— Как она выглядит? — настойчиво повторила я.

Принесли напитки. Он сделал глоток.

— Довольно высокая, — сказал он. — Выше тебя. Каштановые волосы примерно по плечи. Симпатичная, загорелая, у нее сногшибательные голубые глаза.

— Неудивительно, что твой локоть почувствовал себя лучше. Ты ее куда-нибудь пригласил?

Клайв посмотрел возмущенно, но с некоторой надеждой.

— Конечно, нет.

— Но наверняка хотел.

— Нельзя же вот так взять и пригласить девушку.

— Вот и можно, — вступила Сильвия. — Она трогала твой локоть.

— Ну и что? Я не верю. Она трогала мой локоть как физиотерапевт, а это значит, что она сама этого захотела, разве нет?

— Не совсем. — Сильвия покачала головой. — Спроси-ка ее. Позвони. Мне кажется, она душечка.

— Конечно, она... привлекательная, но тут две проблемы. Во-первых, как вы знаете, я не думаю, что должным образом оправился после Кристины. А во-вторых, я так не привык. Мне нужен предлог.

— Ты знаешь, как ее зовут? — спросила я.

— Гэйл. Гэйл Стивенсон.

Я задумчиво отхлебнула «Кровавую Мэри».

— Позвони ей.

По лицу Клайва смешно пробежала тень тревоги.

— А что сказать?

— Все равно, что ты скажешь. Если ты ей понравился — а то, что на вечеринке она потрогала тебя за локоть, вполне может означать, что так и есть, — она пойдет с тобой, что бы ты ей ни сказал. Если нет, что ни скажи, она с тобой не пойдет. — Клайв выглядел смущенным. — Просто позвони ей, — посоветовала я. — Скажи: «Я тот самый обладатель локтя, с которым вы позавчера поработали на такой-то вечеринке, не хотите ли пройти со мной куда-нибудь?» Такое может ей понравиться.

Клайв выглядел ошарашенным.

— Вот так просто?

— Абсолютно.

— А куда мне ее пригласить?

Я засмеялась:

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я еще и комнату вам подыскала?

Я заказала еще выпивку. Когда я вернулась, Сильвия курила и разглагольствовала. Я устала и слушала ее вполуха. На другой стороне стола — я не уверена, так как до меня долетали лишь фрагменты — Клайв, кажется, посвящал Джулию в значение тайных символов, запрятанных в рисунке на пачке из-под «Мальборо». Интересно, подумала я, он пьян или сбрендил? Я медленно тянула свою последнюю порцию, ощущая, как сглаживаются все острые грани. Это была часть команды, группы людей, большинство из которых познакомились в колледже, да так и остались вместе, присматривая друг за другом, проводя время. Они больше походили на мою семью, чем сама семья.

Когда я вернулась домой, Джейк открыл дверь, едва я вставила в замок ключ. Он уже переоделся в джинсы и клетчатую рубашку.

— Думала, ты придешь поздно.

— Проблема рассосалась, — пояснил он. — Я готовлю тебе обед.

Я посмотрела на стол. Там стояли пакеты. Цыпленок в пряном соусе. Хлеб-пита. Крошечный пудинг. Упаковка сливок. Бутылка вина. Видеокассета. Я поцеловала его.

— Микроволновка, телевизор и ты, — сказала я. — Чудесно.

— А потом я собираюсь всю ночь заниматься с тобой любовью.

— Как, опять? Ну, ты и туннелекопатель.

## Глава 2

На следующее утро подземка была переполнена больше обычного. Мне было ужасно жарко, и я, пока стояла, покачиваясь вместе с другими телами, а поезд тарахтел сквозь темноту, старалась отвлекать себя мыслями о чем-нибудь другом. Подумала о том, что пора бы подстричь волосы. Можно было бы записаться на время ленча. Я попыталась вспомнить, достаточно ли на сегодня в доме еды или стоило заказать что-нибудь в ресторане. Или пойти потанцевать. Вспомнила, что утром не приняла свои таблетки и должна это сделать сразу же, добравшись до работы. Мысль о таблетках заставила меня думать о ВМУ и вчерашнем совещании, воспоминания о котором были такими, что этим утром мне больше, чем обычно, не хотелось вылезать из кровати.

Тощая молодая женщина с огромным краснолицым младенцем на руках протискивалась по поезду. Никто не уступил ей место, и она стояла, держа ребенка на костлявом бедре, а ее в свою очередь удерживали окружавшие тела. Наружу выглядывало лишь разгоряченное, страдальческое лицо ребенка. Понятно, что вскоре он начал орать, издавая хриплый протяжный вой, от которого красные щеки сделались багровыми, но женщина не обращала на это никакого внимания, словно она была выше всего. На ее бледном лице застыло безучастное выражение. Хотя ее ребенок был одет словно для экспедиции на полюс, на ней самой лишь тонкое платье и расстегнутая куртка с капюшоном. Я проверила себя на материнский инстинкт. Результат был отрицательный.

Затем оглядела всех мужчин и женщин, одетых в костюмы. Я наклонилась к мужчине в прекрасном кашемировом пальто достаточно близко, чтобы можно было разглядеть мельчайшие прыщики, и мягко проговорила ему на ухо: «Простите. Вы не могли бы уступить место этой женщине? — Он выглядел озадаченным и упрямым. — Ей нужно сесть».

Пассажир встал, мамаша протиснулась вперед и приземлилась между двумя



развернутыми «Гардиан». Ребенок продолжал нить, а она смотреть перед собой. Мужчина же мог ощутить себя добрым дядей.

Я с радостью вышла на своей станции, хотя не ждала ничего хорошего от предстоящего дня. При мысли о работе меня тут же охватила летаргия, казалось, конечности стали тяжелыми, а мозги заплесневели. На улице стоял ледяной холод, дыхание облачком вылетало изо рта. Я поплотнее закутала шею шарфом. Следовало бы надеть шапку. Быть может, удастся урвать минуту во время перерыва на кофе и купить что-нибудь подходящее на ноги. Повсюду вокруг меня люди с опущенными головами торопились в свои офисы. Нам с Джейком следует уехать в феврале куда-нибудь, где жарко и безлюдно. Куда угодно, только чтобы это был не Лондон. Я представила пляж с белым песком, голубое небо и себя, стройную, загорелую, в бикини. Я смотрю слишком много рекламы. Я всегда носила закрытый купальник. Ох. Джейк всегда ругает меня за экономию.

Я остановилась у пешеходной зебры. Мимо проревел грузовик. Я и какая-то шляпа разом отскочили. Мельком увидела водителя, сидящего высоко в своей кабине и не обращающего внимания на бредущих на работу людей внизу. Другая машина, скрипнув тормозами, остановилась, и я шагнула на дорогу.

Какой-то мужчина пересекал улицу с другой стороны. Я заметила, что на нем черные джинсы и черная кожаная куртка. Потом взглянула ему в лицо. Я не знаю, кто из нас остановился первым, он или я. Мы оба стояли посреди проезжей части и смотрели друг на друга. Думаю, я слышала, как гудит клаксон, но не могла сдвинуться с места. Видимо, прошла всего секунда, но казалось, что это длилось сто лет. У меня в животе возникло ощущение пустоты и голода, я не могла вздохнуть полной грудью. Машина опять загудела. Кто-то что-то прокричал. Его глаза были удивительного голубого цвета. Я снова двинулась через дорогу, он тоже, навстречу, мы не спускали глаз друг с друга. Если бы он протянул руку и дотронулся до меня, думаю, что я повернулась бы и пошла за ним, но он этого не сделал, и я вышла на тротуар одна.

Я прошла немного в сторону здания, в котором располагались офисы «Дрэга», остановилась и оглянулась. Он все еще был там, наблюдая за мной. Он не улыбнулся, не сделал никакого жеста. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвернуться, так как взглядом он словно притягивал меня к себе. Войдя сквозь вращающиеся двери здания «Дрэга», я оглянулась в последний раз. Он, человек с голубыми глазами, ушел. Что ж, ушел так ушел.

Я сразу же прошла в туалет, закрылась в кабинке и прислонилась к двери. У меня кружилась голова, дрожали колени, было ощущение, будто на глаза давят непролитые слезы. Может, я простудилась. Может, вот-вот должны начаться месячные. Я подумала о человеке в кожаной куртке и о том, как он смотрел на меня, потом закрыла глаза, словно это могло как-то помочь отгородиться от него. В туалет вошел кто-то еще, открыл кран. Я стояла неподвижно, тихо и слышала, как сердце колотится под блузкой. Я приложила руку к пылающей щеке, потом к груди.

Через несколько минут дыхание восстановилось. Я побрызгала на лицо холодной водой, расчесалась, вспомнила, что нужно принять таблетку. Боль стихала, и теперь я чувствовала себя хрупкой и беспокойной. Слава Богу, никто ничего не заметил. На втором этаже в автомате я купила кофе и плитку шоколада, так как внезапно почувствовала страшный голод, и пошла к себе в кабинет. Непослушными пальцами сняла обертку, развернула фольгу и жадно съела шоколад. Рабочий день начался. Я просмотрела почту, большую ее часть бросила в корзину для бумаг, написала памятку для Майка, потом позвонила Джейку на работу.

— Как твои дела?

— День только начался.

А мне казалось, что после выхода из дома прошли часы. Если бы я откинулась и закрыла глаза, то могла бы надолго уснуть.

— Прошлой ночью было очень мило, — тихо проговорил он. Наверно, там вокруг были люди.

— М-м-м. Однако утром я чувствовала себя как-то странно, Джейк.

— Теперь все в порядке? — В его голосе звучала забота. Ведь я никогда не болела.

— Да. Все чудесно. Просто прекрасно. А у тебя все в порядке?

Мне нечего было больше сказать, но не хотелось класть трубку. Голос Джейка вдруг зазвучал так, словно он очень занят. Я услышала, что он что-то неразборчиво проговорил кому-то другому.

— Да, любимая. Знаешь, мне пора идти. Пока.

\* \* \*

Утро прошло. Я побывала на очередном совещании, на этот раз в отделе маркетинга, умудрилась опрокинуть на стол кувшин воды и не сказать ни слова. Просмотрела материал об исследованиях, который мне по электронной почте сбросила Джованна. Она должна была прийти ко мне в три тридцать. Я позвонила парикмахерше и договорилась с ней на час дня. За это время я выпила огромное количество горького, чуть теплого кофе в пластмассовых стаканчиках. Полила цветы, научилась говорить «*je voudrais quatre petits pains*»<sup>3</sup> и «*Ca fait combien?*»<sup>4</sup>.

За несколько минут до часа я надела пальто, оставила записку ассистентке, что ухожу на час или около того, и по ступеням сбегала на улицу. Как раз начал накрапывать дождь, а у меня не было зонта. Я взглянула на тучи, пожала плечами и поспешила по Кадеме-стрит, где можно было поймать такси до парикмахерской. Я остановилась на полушаге, и мир вокруг поплыл. В животе что-то оборвалось, я почувствовала, что вот-вот согнусь пополам.

Он стоял в нескольких футах от меня. Будто с самого утра так и не сходил с места. По-прежнему в черной куртке и джинсах; по-прежнему неулыбчивый. Просто стоял и смотрел на меня. Я почувствовала, что никто никогда не смотрел на меня так, как надо, и вдруг отчетливо ощутила всю себя — стук сердца, дыхание, при котором поднимается и опускается грудь; тело, по которому от страха и возбуждения бегают мурашки.

Он был примерно моего возраста, где-то тридцать с небольшим. Думаю, он был красив, со светло-голубыми глазами, взъерошенными каштановыми волосами, высокими широкими скулами. Но тогда я знала лишь одно: он смотрит на меня так внимательно, что я не в силах под его взглядом сделать ни шагу. Я слышала свое прерывистое дыхание, но не пошевелилась, просто была не в силах отвернуться.

Не знаю, кто сделал первый шаг. Может, я поплелась к нему или, может, просто ждала, но, когда мы оказались рядом, не касаясь друг друга, он тихо сказал: «Я ждал тебя».

Мне следовало расхохотаться. Это не я, со мной такого не может произойти. Ведь я всего лишь Элис Лаудон, которая сырым январским днем собиралась подстричь волосы. Но я не могла ни рассмеяться, ни даже улыбнуться. Я могла только не отрываясь глазеть на него, его широко расставленные голубые глаза, его рот, который был чуть приоткрыт, нежные губы. У него были ровные белые зубы с единственной щербинкой впереди. Подбородок покрыт щетиной. На шее виднелась царапина. Волосы довольно длинные, нечесанные. О да, он был красив. Мне

---

<sup>3</sup> Четыре булочки, пожалуйста (фр.).

<sup>4</sup> Сколько это стоит? (фр.)

захотелось протянуть руку и дотронуться до его губ, слегка, большим пальцем. Захотелось ощутить его небритый подбородок ложбинкой на шее. Я попыталась что-нибудь сказать, но смогла выдать лишь сдвоенное «ох».

— Прошу тебя, — проговорил он, не спуская глаз с моего лица. — Пойдем со мной.

Он мог быть кем угодно: грабителем, насильником, сумасшедшим. Я молча кивнула, и он, выйдя на проезжую часть, остановил такси. Открыл дверь, но по-прежнему даже не прикоснулся ко мне. Сев в машину, он назвал водителю адрес, а потом повернулся ко мне. Я увидела, что под кожаным пиджаком у него была только темно-зеленая тенниска. На шее на кожаном шнурке висела серебряная спиралька. На руках не было перчаток. Я посмотрела на его руки с чистыми, аккуратными ногтями. На одном из больших пальцев виднелся белый извилистый шрам. Это были настоящие мужские руки, сильные, опасные.

— Скажи, как тебя зовут?

— Элис, — ответила я и не узнала своего голоса.

— Элис, — повторил он. — Элис. — Когда он произнес это слово, оно зазвучало незнакомо. Он поднял руки и очень нежно, стараясь не прикоснуться к моему телу, развязал мне шарф. От него пахло мылом и потом.

Такси остановилось, и, выглянув наружу, я увидела, что мы в Сохо. Рядом был магазин канцелярских товаров, лавка с деликатесами, рестораны. В воздухе витали запахи кофе и чеснока. Он вышел из машины и снова открыл мне дверь. Я чувствовала, как у меня во всем теле пульсирует кровь. Он толкнул хлипкую дверь сбоку от магазина одежды, и я последовала за ним на узкую лестницу. Он вытащил из кармана связку ключей, отпер два замка. За дверью была не комната, а целая маленькая квартирка. Я увидела полки, книги, картины и ковер. Я в нерешительности топталась на пороге. Это был мой последний шанс. Уличный шум просачивался через окно: то приближающиеся, то удаляющиеся голоса людей, рокот проезжавших автомобилей. Он закрыл дверь и запер ее изнутри.

Мне следовало испугаться, и я испугалась, но не его, этого незнакомого мужчины. Я испугалась себя — ту, кого больше не узнавала. Я растворялась в желании, мое тело словно становилось иллюзорным. Я начала снимать пальто, руки неловко теребили бархатные пуговицы.

— Подожди, — сказал он. — Дай мне.

Сначала он снял с меня шарф и аккуратно повесил на вешалку. Затем занялся моим пальто. Он опустился на колени и осторожно разул меня. Я положила руку ему на плечо, чтобы удержать равновесие. Он поднялся и принялся расстегивать мой кардиган, и я увидела, что его пальцы слегка подрагивают. Он справился с крючками юбки и спустил ее по бедрам вниз; она прошелестела по колготкам. Потом стянул с меня колготки, смял их в комок и положил рядом с туфлями. Он по-прежнему едва касался моего тела. Он снял мою блузку, спустил трусики, и я оказалась совершенно голой в этой незнакомой комнате. Я слегка поежилась.

— Элис, — произнес он со стоном. Затем: — О Боже, ты прекрасна, Элис.

Я сняла с него пиджак. Его руки были сильными, смуглыми, еще один неровный шрам шел от локтя к запястью. Я, как и он, опустилась на колени, чтобы снять его ботинки и носки. На правой ноге у него было только три пальца, и я наклонилась и поцеловала то место, где должны были быть два остальных. Он тихо вздохнул. Я вытащила тенниску из джинсов, и он, словно маленький мальчик, поднял руки, когда я стягивала ее через голову. У него был плоский живот с полоской волос, уходящей вниз. Я расстегнула его джинсы и аккуратно спустила их с ягодиц. Его ноги были мускулистыми, довольно загорелыми. Я сняла с него трусы и бросила их на пол. Кто-то застонал, но я не знаю кто: я или он. Он поднял руку и поправил мне прядь волос за ухом, затем указательным пальцем медленно провел по моим губам. Я

закрыла глаза.

— Нет, — прошептал он. — Смотри на меня.

— Пожалуйста, — сказала я. — Пожалуйста.

Он расстегнул мои сережки, они упали. Я слышала, как они звякнули на досках пола.

— Поцелуй меня, Элис, — сказал он.

Ничего подобного со мной прежде не случилось. Занятия любовью никогда не были такими. Секс бывал безразличным, обременительным, противным, приятным, продолжительным. Этот же больше походил на стирающий все грани акт. Мы набросились друг на друга, пытаюсь уничтожить разделявшие нас барьеры из кожи и плоти. Сцепились, будто тонули. Мы кусались, словно обезумели от голода. И все время он смотрел на меня. Смотрел так, будто я была самая прекрасная вещь, какую он когда-либо видел, а я, лежа на твердом пыльном полу, чувствовала себя красивой, бесстыдной и совершенно опустошенной.

Потом он поднял меня на ноги, отвел в душ и вымыл с ног до головы. Он намыливал мне грудь и между ног. Он даже вымыл мне голову, умело втирая в волосы шампунь и следя, чтобы мыло не попало в глаза. Потом вытер меня, проверив, чтобы под мышками и между пальцами на ногах было сухо. Работая полотенцем, он изучал мое тело. Я чувствовала себя произведением искусства и одновременно проституткой.

— Мне нужно возвращаться на работу, — сказала я наконец. Он одел меня, поднимая одежду с пола, продел в мочки ушей сережки, зачесал мои мокрые волосы.

— Когда ты заканчиваешь работу? — спросил он. Я подумала о Джейке, который будет ждать дома.

— В шесть.

— Я приеду, — сказал он. Я должна была сказать ему тогда, что у меня есть друг, дом и вообще целая другая жизнь. Вместо этого я притянула его лицо к себе и поцеловала истерзанные губы. Я с трудом заставила себя оторваться от него.

Оказавшись в одиночестве в такси, я рисовала в уме его образ, вспоминала его прикосновения, его вкус, его запах. Я не знала, как его зовут.

### Глава 3

В офис я вбежала, едва переводя дыхание. На бегу выхватила какие-то письма из протянутой руки Клаудии и проскочила к себе в кабинет. Там я быстро просмотрела почту. Ничего такого, чего нельзя отложить на потом. На улице уже смеркалось, и я попыталась поймать свое отражение в оконном стекле. Я чувствовала, что с моей одеждой что-то не так. Она сидела на мне как-то странно, потому что ее снимал и надевал незнакомый человек. Я боялась, что другим это будет так же заметно, как и мне. Может, он неправильно застегнул какие-нибудь пуговицы? Или какой-то предмет одежды оказался надетым поверх другого? Все, казалось, было на месте, но я не была уверена до конца. Я бросилась в туалет, прихватив с собой кое-какую косметику. При беспощадно ярком свете осмотрела себя в зеркало на предмет припухших губ или заметных синяков. Немного привела себя в порядок при помощи помады и карандаша для глаз. Рука дрожала. Мне пришлось ударить ею о раковину, чтобы унять дрожь.

Я позвонила на мобильный Джейка. У него был такой тон, словно как раз в тот момент он занимался чем-то важным. Я сказала, что у меня назначено совещание и что, возможно, задержусь. На сколько задержусь? Этого я сказать не могла, все очень непредсказуемо. Вернусь ли я к ужину? Я сказала, чтобы он ужинал без меня. Положила трубку, говоря себе, что просто стараюсь на всякий случай. Возможно, я вернусь домой раньше Джейка. Потом села и стала думать о том, что натворила. Я

вспомнила его лицо, понюхала запястье и ощутила запах мыла. Его мыла. Это заставило меня вздрогнуть, и когда я закрыла глаза, то почувствовала плитку под ногами и шуршание струй воды по занавеске. Его руки...

Произойти могло одно из двух, точнее, как я подумала, должна произойти одна из двух вещей. Я не знала ни его имени, ни его адреса, я не была уверена, что смогу найти его квартиру, даже если захочу. Значит, если я выйду в шесть, а его не будет, то все кончено в любом случае. Если же он будет ждать, то я должна буду твердо и ясно дать понять ему то же самое. Ничего не поделаешь. Потеряли голову, теперь самое лучшее — притвориться, что ничего не было. Это единственный разумный путь.

Когда я вернулась в офис, то пребывала в каком-то оцепенении, а теперь я чувствовала ясность, какой не было в течение последних недель, меня переполняла энергия. В течение следующего часа я переговорила с Джованной, а потом сделала дюжину деловых телефонных звонков. Я вернулась к людям, договаривалась, консультировала. Позвонила Сильвия, та хотела поболтать, но я сказала ей, что готова встретиться завтра или послезавтра. Занята ли я сегодня вечером? Да. У меня совещание. Я написала несколько писем, избавилась от лишних бумаг на столе. Когда-нибудь у меня вообще не будет стола и делать придется вдвое больше.

Я взглянула на настенные часы. Пять минут шестого. Когда я озиралась в поисках сумочки, вошел Майк. На следующий день перед завтраком он собирался проводить совещание по телефону, и ему нужно было подготовиться.

— Я немного спешу, Майк. У меня встреча.

— С кем?

Какое-то мгновение я хотела прикинуться, что встречаюсь с кем-нибудь из лаборатории, но некий инстинкт самосохранения подсказал, что этого делать не следует.

— Это личное.

Он поднял бровь:

— Собеседование по поводу приема на работу?

— Я что, соответствующим образом одета?

— Ты и в самом деле немного помятая. — Больше он ничего не сказал. Видимо, решил, что это по женской части, что-нибудь гинекологическое. Однако не ушел. — Это займет всего секунду.

Он расселся со своими записями, которые нужно было разобрать пункт за пунктом. Мне пришлось проверить одну-две записи и позвонить кое-кому по поводу третьей. Я пообещала себе не смотреть на часы каждую минуту. Да и какое это имеет значение? Наконец наступила пауза, и я сказала, что мне действительно нужно идти. Майк кивнул. Я взглянула на часы. Двадцать четыре минуты седьмого. Двадцать пять. Я не стала торопиться, даже когда Майк ушел. Пошла к лифту, чувствуя облегчение оттого, что все решилось само собой. Так даже лучше, все забыто.

Я лежала поперек кровати головой на животе Адама. Его так звали — Адам. Он сказал это в такси по дороге. Это было почти единственное, что он сказал. Мое лицо было все в поту. Я ощущала пот везде: на спине, на ногах. Волосы тоже были влажными. И я чувствовала пот на его коже. В комнате было ужасно жарко. Как вообще в январе может быть так жарко? Во рту не исчезал меловой привкус. Я приподняла голову и посмотрела на него. Его глаза были полузакрыты.

— Здесь нечего попить? — спросила я.

— Не знаю, — сонно проговорил он. — Почему бы тебе не сходить посмотреть?

Я встала и посмотрела, во что бы завернуться, а потом подумала: зачем? В квартире больше почти ничего не было. Была эта просторная полупустая комната с кроватью, была ванная, где я первый раз принимала душ, и еще была крошечная кухня. Я открыла холодильник: пара наполовину выдавленных тюбиков, несколько

банок, пакет молока. Выпить нечего. Теперь я почувствовала озноб. На полке стояла банка какого-то апельсинового напитка. Я с детства не пила разведенного апельсинового сока. Я нашла стакан и развела немного сока, проглотила, развела еще и отнесла в спальню, гостиную или как там называлась та комната. Адам сидел в кровати, опираясь на спинку. Я на мгновение позволила себе вспомнить более худое, более белое тело Джейка, его выступающие ключицы и спину, на которой можно было сосчитать все позвонки. Адам смотрел на меня, когда я входила в комнату. Должно быть, он следил за дверью, поджидая меня. Он не улыбался, просто смотрел на мое обнаженное тело, словно старался запомнить его. Я улыбнулась ему, но он не ответил, и во мне поднялось чувство небывалого восторга.

Я подошла и предложила ему стакан. Он сделал маленький глоток и вернул его мне. Я немного отхлебнула и отдала стакан ему. Так мы вместе выпили сок, а потом он перегнулся через меня и поставил стакан на ковер. Одежда валялась на полу. Я натянула его на нас и оглядела комнату. На фотографиях, стоявших на комод и каминной доске, были только пейзажи. На полке — несколько книг, я прочла названия на корешках: поваренная книга, большая, с кофейный столик, книга о Хоггарте, избранные сочинения У.Х. Одена и Сильвии Плат. Библия. «Гудящие высоты», несколько книг о путешествиях Д.Х. Лоуренса. Два справочника по диким цветам Британии. Путеводитель по Лондону и окрестностям. Дюжины справочников на полках и сваленных на пол. Кое-какая одежда на металлической вешалке или аккуратно свернутая на плетеном стуле у кровати: джинсы, шелковая рубашка, еще одна кожаная куртка, тенниски.

— Пытаюсь отгадать, кто ты такой, — сказала я, — по твоим вещам.

— Это все не мое. Квартира принадлежит одному моему другу.

— А-а.

Я взглянула на него. Он по-прежнему не улыбался. Это встревожило меня. Я начала было говорить, но он слегка улыбнулся, покачал головой и прикоснулся пальцем к моим губам. Наши тела почти соприкасались, и он, подавшись вперед на пару дюймов, поцеловал меня.

— О чем ты думаешь? — спросила я, запустив руку в его мягкие длинные волосы. — Поговори со мной. Расскажи что-нибудь.

Он ответил не сразу. Стащил с меня одеяло и перевернул на спину, потом взял мои руки и поднял их над головой, прижав их одной рукой к простыне. Я почувствовала себя как насекомое на предметном стекле под микроскопом. Он нежно дотронулся до моего лба, а затем провел пальцами по лицу, шее, дальше вниз и остановился на пупке. Я вздрогнула и выгнулась.

— Прости, — сказала я.

Он наклонился надо мной и дотронулся до пупка языком.

— Я как раз думал, — заговорил он, — что волосы у тебя под мышками очень похожи на волосы на лобке. Здесь. Но не похожи на твои прекрасные волосы на голове. И еще ты мне нравишься на вкус. В смысле, все твои разные вкусы. Я бы хотел облизать тебя всю. — Он осматривал все мое тело так, словно это был пейзаж. Я хихикнула, а он взглянул мне в глаза. — Ты над чем? — спросил он почти с тревогой.

Я улыбнулась ему:

— Думаю, ты обращаешься со мной, как с секс-игрушкой.

— Не говори так, — сказал он. — Не нужно шутить.

Я почувствовала, что вспыхнула. Неужели я покраснела?

— Прости, — сказала я. — Я не шутила. Мне нравится. Передо мной все как в тумане.

— А о чем ты думаешь?

— Ты ляг на место, — попросила я, и он послушался. — И закрой глаза. — Я

пробежала пальцами по его телу, которое пахло мужчиной и потом. — О чем я думаю? Я думаю, что совершенно спятила и не знаю, что делаю здесь, но это было... — Я помолчала. У меня не было слов, чтобы описать ощущения от его любви. Одного воспоминания было достаточно, чтобы по моему телу прошла волна удовольствия. Я снова затрепетала от страсти. Мое тело казалось податливым, обновленным, открытым для него. Я провела пальцами по бархатистой коже внутренней поверхности его бедра. О чем еще я думаю? Нужно было сделать над собой усилие. — Еще я думаю... думаю о том, что у меня есть друг. Больше, чем просто друг. Я с ним живу.

Не знаю, чего я ожидала. Злости, может, неискренности. Адам не пошевелился. Даже не открыл глаз.

— Но ведь ты здесь. — Это все, что он сказал.

— Да, — пробормотала я. — Боже, я и впрямь здесь.

После этого мы еще долго лежали рядом. Час, два часа.

Джейк всегда говорил, что я не могу расслабиться надолго, не умею оставаться спокойной, не умею молчать. И вот теперь мы почти не разговаривали. Мы прикасались друг к другу. Отдыхали. Смотрели друг на друга. Я лежала и прислушивалась к голосам и шороху шин автомобилей, к звукам, доносившимся снизу, с улицы. Мое тело под его руками казалось крошечным и беззащитным. Наконец я сказала, что мне пора идти. Я приняла душ, потом оделась, а он неотрывно смотрел на меня. Это вызывало во мне дрожь.

— Оставь свой телефон, — сказал он.

Я покачала головой:

— Дай мне твой.

Наклонилась и нежно поцеловала его. Он взял меня за руку и притянул к себе. У меня в груди так защемило, что я едва смогла вздохнуть, но я высвободилась.

— Нужно идти, — прошептала я.

Было уже за полночь. Когда я проскользнула в квартиру, там царил тьма. Джейк лег спать. Я на цыпочках прошмыгнула в ванную, бросила трусики и колготки в корзину для грязного белья и второй раз за последний час приняла душ. Я снова и снова мылила тело своим мылом, вымыла голову своим шампунем. Потом заползла в кровать рядом с Джейком. Он повернулся и что-то пробормотал.

— Я тебя тоже, — сказала я.

## Глава 4

Джейк разбудил меня со своим чаем. Он в махровом халате сидел на краешке кровати и осторожно убрал волосы у меня со лба, когда я всплывала из глубин сна. Я посмотрела на него, и воспоминания нахлынули на меня, губительные и непреодолимые. Губы саднило, они казались припухшими; тело ныло. Конечно, он мог обо всем догадаться по одному моему виду. Я натянула одеяло до самого подбородка и улыбнулась ему.

— Выглядишь великолепно, — сказал он. — Ты хоть представляешь, сколько сейчас времени?

Я помотала головой.

Он театральным жестом посмотрел на часы.

— Почти одиннадцать тридцать. Тебе повезло, что сегодня выходной. Ты во сколько вчера пришла?

— В полночь. Может, чуть позже.

— Они тебя заедят, — сказал он. — На-ка, выпей. Ленч у моих родителей, не забыла?

Я забыла. Помнить, казалось, могло только мое тело: руки Адама у меня на

грудь, губы Адама на моей шее, глаза Адама, глядящие в мои глаза. Джейк улыбнулся и погладил мне шею, а я лежала, до боли волея другого мужчину. Я взяла руку Джейка, поцеловала.

— Ты прекрасный человек, — сказала я.

Он поднял лицо.

— Прекрасный? — Он наклонился и поцеловал меня в губы, а во мне появилось чувство, будто я кого-то предаю. Джейка? Адама?

— Приготовить тебе ванну?

— Это было бы чудесно.

Я налила в воду добрую порцию лимонного масла и снова как следует вымылась, словно могла смыть с себя все, что произошло. Вчера я ничего не ела, но сама мысль о еде внушала отвращение. Я, закрыв глаза, лежала в горячей душистой воде и думала об Адаме. Я больше никогда, никогда не должна с ним встречаться, это было ясно. Я любила Джейка. Мне нравилась моя жизнь. Я поступила ужасно и потеряю все, что имею. Я должна увидеть его снова, немедленно. Ничто не имеет значения, кроме прикосновений его рук, истомы в моей плоти, того, как он произносит мое имя. Я встречу с ним еще раз, только один раз, чтобы сказать, что все кончено. По крайней мере это я сделать обязана. Что за ерунда. Я лгала и себе, как лгала Джейку. Если я увижу его, посмотрю ему в лицо, это красивое лицо, то немедленно наброшусь на него. Нет, единственное, что остается, это отказаться от всего, что произошло вчера. Сосредоточиться на Джейке, на работе. Но всего разочек, последний раз.

— Еще десять минут, Элис. Договорились?

Голос Джейка вернул меня к действительности. Конечно, я останусь с ним. Мы, может быть, поженимся, заведем детей, и когда-нибудь это превратится в воспоминание, в один из тех нелепых поступков, которые совершаешь до того, как становишься взрослым человеком. Я ополоснулась в последний раз, глядя, как пена стекает по телу, которое вдруг показалось мне незнакомым, и вылезла из ванны. Вытираясь, я ощущала на себе его взгляд.

— В конце концов, мы вполне можем немного опоздать, — сказал он. — Иди ко мне.

Итак, я отдалась Джейку и позволила ему говорить, что он любит меня, а сама лежала под ним мокрая и неподвижная. Я постонала от притворного удовольствия, а он ничего не понял, ни о чем не догадался. Это будет моей тайной.

\* \* \*

На ленч у нас была запеканка из шпината с чесночным хлебом и зеленым салатом. Мать у Джейка отменная кулинарка. Я подцепила на вилку свернутый в трубочку лист салата, отправила его в рот и принялась медленно жевать. Его было трудно проглотить. Я отпила воды и попыталась снова. Никогда не могла есть такое.

— С тобой все в порядке, Элис? — Мать Джейка посмотрела на меня с раздражением. Ей страшно не нравилось, когда я не доедала приготовленные ею блюда. Обычно я старалась не ударить в грязь лицом. Я нравилась ей больше, чем прежние подружки Джейка, так как у меня обычно неплохой аппетит и я съедала несколько кусков ее шоколадного торта.

Я отрезала изрядный кусок запеканки, засунула в рот и стала решительно жевать.

— У меня все прекрасно, — сообщила я, проглотив запеканку. — Я должна кое-что сделать.

— К вечеру-то ты освободишься? — спросил Джейк. Я смутилась. — Глупенькая, мы же идем с компанией на карри в «Стоук-Ньюингтон». Потом, если захотим,



останемся на вечеринку. Потанцуем.

— Прекрасно, — сказала я.

Откусила немного чесночного хлеба. Мать Джейка не сводила с меня глаз.

После ленча мы все вместе пошли в Ричмонд-парк полюбоваться на ручных оленей, а потом, когда начало смеркаться, мы с Джейком отправились домой. Он решил зайти в магазин за молоком и хлебом, а я вытащила из сумочки старую карточку «Интерфлоры», на обороте которой был записан телефон Адама. Подошла к телефону, подняла трубку и набрала первые три цифры. Потом бросила трубку и, тяжело дыша, постояла над телефоном. Я порвала карточку на мелкие кусочки и спустила их в унитаз. Несколько клочков остались плавать. В панике я слила воду. Вообще-то это не имело значения, я и без того помнила номер. Потом вернулся Джейк, он насвистывал, когда поднимался с покупками по лестнице. Хуже, чем сейчас, уже не будет, сказала я себе. С каждым последующим днем будет немного лучше, Просто нужно подождать.

\* \* \*

Когда мы приехали, все трое уже были в карри-ресторане. На столе стояла бутылка вина и стаканы с пивом. Лица в свете свечей казались веселыми, их черты мягкими.

— Джейк, Элис! — закричал Клайв с конца стола. Джейк подталкивал меня бедром к другому концу стола, но Клайв махнул мне рукой. — Я позвонил ей, — сообщил он.

— Кому?

— Гэйл, — пояснил он, слегка раздраженный моей непонятливостью. — Она сказала «да». На следующей неделе мы встречаемся, чтобы где-нибудь посидеть.

— Ну вот, — сказала я, изображая, что получаю удовольствие. — Становлюсь профессиональной сводней.

— Я подумывал о том, чтобы пригласить ее сегодня сюда. Потом решил, что компания для первой встречи — это слишком.

Я осмотрела стол.

— Компания и для меня порой слишком.

— Брось, ты сама — жизнь и душа вечеринки.

— Интересно, почему это звучит так уныло?

Я сидела рядом с Сильвией. Напротив оказалась Джулия с мужчиной, который мне был не знаком. По другую сторону от Сильвии сидела сестра Джейка, Полин, которая пришла с Томом — своим сравнительно новым мужем. Полин поймала мой взгляд и приветливо улыбнулась. Она, вероятно, моя самая близкая подруга, последние два дня я старалась по возможности о ней не думать. Я улыбнулась в ответ.

Я потянулась к чьей-то тарелке за луковым бхайи и сосредоточилась на том, что мне рассказывала Сильвия. А говорила она о мужчине, с которым встречается, точнее, о том, что они проделывают в кровати или на полу. Она зажгла очередную сигарету и глубоко затянулась.

— Чего большинство мужчин, похоже, не понимают, так это того, что, когда они закидывают ваши ноги себе на плечи, чтобы войти глубже, то могут причинить довольно сильную боль. Когда Фрэнк проделал это прошлой ночью, мне показалось, что он вот-вот вырвет из меня спираль! Ты же специалист по спиральям, — добавила она с видом маститого аналитика.

Сильвия была единственным человеком, кто удовлетворял мой интерес к тому, что на самом деле творят другие люди, занимаясь любовью. Я обычно старалась не отвечать собственными исповедями. Особенно теперь.

— Видимо, мне стоит познакомить тебя с нашими дизайнерами, — сказала я. — Ты могла бы провести полевые испытания нашего нового ВМУ.

— Полевые испытания? — Сильвия как-то по-волчьи усмехнулась, у нее были белые зубы и ярко-красные губы. — Ночь с Фрэнком напоминает гонки в Монте-Карло. У меня сегодня все так болело, что я на работе едва могла сидеть. Я как-то сказала об этом Фрэнку, а он воспринял это как комплимент. Уверена, тебе гораздо успешнее, чем мне, удастся добиться того, чего хочется. Я имею в виду в постели.

— Ну, не знаю, — ответила я, оглянувшись, чтобы посмотреть, не слушает ли кто-нибудь наш разговор.

За столиками, да и во всех ресторанах разговоры обычно смолкали, когда Сильвия начинала рассуждать на эту тему. Я предпочитала встречаться с ней с глазу на глаз в обстановке, где не было риска, что нас подслушают. Я налила себе еще стакан красного вина и наполовину осушила его одним глотком. Такими темпами и практически на пустой желудок я скоро опьянею. Может, тогда буду себя чувствовать не так плохо. Я взглянула в меню.

— Хочу, э-э... — Я замолчала. Мне показалось, что за окном мелькнул кто-то в черной кожаной куртке. Но когда я посмотрела туда снова, никого не было. Конечно же, никого. — Может, что-нибудь овощное, — пробормотала я.

Я почувствовала, как на мое плечо опустилась рука Джейка, он перебрался на наш конец стола. Ему хотелось быть поближе ко мне, но именно в эту минуту для меня это было почти невыносимо. У меня появилось дурацкое желание рассказать ему обо всем. Я положила голову ему на плечо, потом отпила еще вина и смеялась, когда все смеялись, и кивала, когда интонация фразы предусматривала ответ. Если мне удастся увидеть Адама еще один раз, то я смогу это выдержать, сказала я себе. Там на улице кто-то стоит. Это наверняка не он, но кто-то в черной куртке ждет на морозе. Я взглянула на Джейка. Он был занят тем, что оживленно обсуждал с Сильвией фильм, который они оба смотрели на прошлой неделе.

— Нет, он лишь притворялся, что делает это, — говорил он.

Я встала, стул громко скрипнул.

— Простите, просто нужно зайти в дамскую комнату. Вернусь через минуту.

Я прошла в конец ресторана к лестнице, ведущей к туалетам, оглянулась. На меня никто не смотрел: все были заняты собой, пили, болтали. Они смотрелись такой счастливой компашкой. Я выскользнула наружу. Там был такой холод, что я задохнулась, глотнув воздуха. Огляделась по сторонам. Он стоял в нескольких ярдах ниже по улице у телефонной будки. Ждал.

Я подбежала к нему.

— Как ты смеешь преследовать меня? — прошипела я. — Как ты смеешь? — Потом поцеловала его. Зарылась в него лицом, припала к его губам, обхватила за шею и всем телом прижалась к нему. Он провел ладонью по моим волосам, откинул мне голову так, чтобы я смотрела ему в глаза, и сказал:

— Ты не собиралась мне звонить, не так ли?

Он припер меня к стене и не выпускал, целуя.

— Нет, — сказала я. — Нет, я не могу. Не могу сделать этого. — Ах, но ведь могу. Могу.

— Тебе придется, — тихо сказал он. Потом затолкнул меня в тень телефонной будки, расстегнул пальто и нащупал под блузкой грудь. Я застонала и откинула голову, он поцеловал меня в шею. Щетина на его подбородке царапала мне кожу.

— Мне нужно возвращаться, — сказала я, по-прежнему прижимаясь к нему. — Я приду к тебе, обещаю.

Он убрал руку с моей груди и передвинул ее на ногу, провел по ноге вверх, к трусикам, и я почувствовала в себе его палец.

— Когда? — спросил он, глядя на меня.

— В понедельник, — выдохнула я. — Я приду в понедельник в девять утра.

Он отпустил меня и поднял руку. Специально, чтобы я видела, он поднес влажный палец к своим губам и облизнул.

В воскресенье мы занимались покраской комнаты, которой предстояло стать моим кабинетом. Я заколола волосы и замотала их шарфом, надела какие-то старые джинсы Джейка и все-таки умудрилась измазать руки и лицо ядовито-зеленой краской. Мы поздно устроили ленч, а днем посмотрели по телевизору какой-то старый фильм, сидя на диване рука об руку. После часовой ванны я рано отправилась спать, сказав, что у меня все еще побаливает живот. Когда позже Джейк улегся рядом со мной, я притворилась, что сплю, хотя просто лежала несколько часов в темноте и думала. Я думала о том, что надену. О том, как стану обнимать его, рассматривать его тело, ощущать под ладонью его грудную клетку, живот, трогать пальцем его полные мягкие губы. Мне было страшно.

На следующее утро я проснулась первой, снова приняла ванну и сказала Джейку, что, наверное, задержусь на работе допоздна, что у меня может наметиться встреча с клиентами в Эдгуэйре. От станции метро я позвонила в «Дрэг» и оставила Клаудии сообщение, что лежу в постели больная и прошу ни под каким предлогом меня не беспокоить. Потом поймала такси — мне не пришло в голову доехать на метро — и сказала водителю адрес Адама. Я старалась не думать о том, что делаю. Я старалась не думать о Джейке, его худом лице, которое светилось от радости, когда он смотрел на меня, его чувствах ко мне. Я смотрела в окно, пока такси пробиравлось по забитым — час пик — улицам. Я снова распустила волосы и принялась теребить бархатные пуговицы на пальто, которое Джейк купил мне на Рождество. Я попыталась вспомнить свой старый телефонный номер, но не смогла. Если бы кто-нибудь заглянул в салон такси, то увидел бы женщину в строгом черном пальто, которая спешила на работу. Я еще могла передумать.

Я позвонила в дверь, и Адам тут же открыл, я даже не успела приготовить улыбку и шутливое приветствие. Мы едва не занялись любовью на лестничной клетке, однако все-таки смогли перебраться в квартиру. Мы не стали снимать одежду и ложиться. Адам распахнул на мне пальто, задрал юбку и вошел в меня прямо стоя. Все закончилось через минуту.

Потом он снял с меня пальто, поправил юбку и поцеловал сначала в глаза, затем в губы. Исцеляя меня.

— Нам нужно поговорить, — сказала я. — Нам надо подумать о...

— Знаю. Подожди. — Он пошел на кухню, и я услышала, что он включил кофейную мельницу. — Вот. — Адам поставил на маленький столик кофейник и пару миндальных круассанов. — Купил внизу.

Я вдруг поняла, что голодна. Адам смотрел, как я ем, словно происходило что-то значительное. Один раз он подался вперед и снял у меня с нижней губы крошку от круассана. Потом налил мне вторую чашку кофе.

— Нам надо поговорить, — повторила я. Он ждал. — Я имею в виду, что не знаю, кто ты такой. Не знаю твоей фамилии, вообще ничего о тебе.

Он пожал плечами.

— Меня зовут Адам Таллис, — просто сказал он, словно отвечая разом на все мои вопросы.

— Чем ты занимаешься?

— Занимаюсь? — переспросил он, словно все это было в далеком прошлом. — Разными вещами в разных местах, зарабатываю. Но по-настоящему я занимаюсь тем, что, когда могу, лазаю по горам.

— Что? По горам? — Я почти вскрикнула, пискливо и изумленно.

Он рассмеялся.

— Да, по горам. Я занимаюсь этим в одиночку или вожу группы.

— Водишь группы? — Я превращалась в эхо.

— Разбиваю палатки, таскаю богатых туристов на веревочке на знаменитые вершины, чтобы они могли потом всем рассказывать, что побывали там. Такими вот вещами я занимаюсь...

Я вспомнила его шрамы, сильные руки. Альпинист. Что ж, прежде мне не доводилось встречаться с альпинистами.

— Звучит... — я чуть было не ляпнула «заманчиво», но вовремя остановилась, чтобы не сболтнуть очередную глупость, и вместо этого договорила, — как что-то, о чем я ничего не знаю. — Я улыбнулась ему, ощущая легкую эйфорию от полной новизны происходящего. У меня кружилась голова.

— Это ничего, — сказал он.

— А я Элис Лаудон, — чувствуя себя идиоткой, представилась я. Несколько минут назад мы занимались любовью и смотрели друг на друга с восхищением. Что я могла сказать о себе такого, чтобы здесь, в маленькой комнате, это имело хоть какой-то смысл? — Я как бы ученая, исследователь, хотя сейчас работаю в компании под названием «Дрэг». Это очень известная компания. Руководжу там проектом. Я приехала из Вустершира. У меня есть друг, и я живу у него в квартире. Здесь же я не должна была оказаться. Это неправильно. Вот, почти все.

— Нет, не все, — сказал Адам. Он взял чашку у меня из рук. — Нет, не все. У тебя светлые волосы, темно-серые глаза и вздернутый нос, а когда ты улыбаешься, у тебя морщинки. Я увидел тебя и не смог отвести взгляда. Ты колдунья, очаровала меня. Ты не знаешь, что делаешь здесь. Ты потратила весь уик-энд, решая, должна ли снова встречаться со мной. А я потратил целый уик-энд на то, чтобы осознать: мы должны быть вместе. И чего тебе хочется, так это раздеться передо мной, прямо сейчас.

— Но вся моя жизнь... — начала я. И не смогла продолжить, потому что уже не знала, чего стоила вся моя жизнь. Вот они мы, в маленькой комнате в Сохо, прошлое стерто, и будущее тоже, только я и он, и я не имею ни малейшего представления, как быть.

\* \* \*

Я провела там весь день. Мы занимались любовью, разговаривали, хотя позднее я не могла вспомнить, о чем, просто какие-то мелочи, разрозненные воспоминания. В одиннадцать он надел джинсы, майку и спортивную куртку и сходил на рынок. Вернулся и скормил мне арбуз, холодный, сочный. В час он сделал нам омлет, нарезал помидоры и открыл бутылку шампанского. Это было настоящее шампанское, не простое белое игристое вино. Он держал бокал, пока я пила. Потом сам выпил и напоил меня изо рта. Он уложил меня на кровать и стал рассказывать о моем теле, перечисляя его достоинства, словно по каталогу. Он вслушивался в каждое произнесенное мной слово, по-настоящему вслушивался, словно складывая его в голове, чтобы вспоминать позже. Занятия любовью, разговоры и еда перетекали одно в другое. Мы поглощали еду, словно поедали друг друга, и трогали друг друга, когда разговаривали. Мы занимались любовью в душе, на кровати, на полу. Мне хотелось, чтобы этот день длился вечно. Я чувствовала себя до боли счастливой, такой обновленной, что едва узнавала себя. Каждый раз, когда он отнимал от меня свои руки, я ощущала холод, одиночество.

— Мне нужно идти, — проговорила я наконец. На улице было темно.

— Я хочу тебе кое-что подарить, — сказал он и снял с шеи кожаный шнурок со спиралькой.

— Но я не смогу носить это.

— Дотрагивайся до нее иногда. Положи ее в бюстгальтер, в трусики.

- Ты безумец.
- Я без ума от тебя.

Я взяла шнурок и пообещала, что позвоню, и на этот раз он знал, что я говорю правду. Потом направилась домой. К Джейку.

## Глава 5

Последующие дни превратились в череду обеденных перерывов, ранних вечеров, была одна целая ночь, когда Джейк уехал на конференцию, череду занятий любовью и еды, которую легко купить и просто есть: хлеб, фрукты, сыр, помидоры, вино. А я лгала, лгала, лгала, как никогда в жизни, — Джейку, друзьям, коллегам по работе... Я была вынуждена придумать целую серию параллельных миров встреч, совещаний и визитов, под прикрытием которых шла тайная жизнь с Адамом. Требовались невероятные усилия, чтобы поддерживать состоятельность обмана, помнить, кому и что я наговорила. Поможет ли при защите то обстоятельство, что я была одурманена чем-то, что сама едва понимала?

Как-то раз Адам оделся, чтобы пойти купить что-нибудь поесть. Когда его ботинки простучали по лестнице, я завернулась в одеяло, подошла к окну и стала смотреть, как он пересекает улицу, обегая машины, и направляется к рынку на Бервик-стрит. После того как он скрылся из виду, я стала рассматривать других людей, которые шли по улице, куда-то спешили или неспешно брели, заглядывая в окна. Как они могут жить без страсти, которую чувствую я? Как они могут думать, что важно добраться на работу, спланировать отпуск или что-то купить, когда значение в жизни имеет только то, что чувствую я?

Все в моей жизни, что находилось за стенами этой комнаты в Сохо, казалось малозначительным. Работа была шарадой, которую я загадывала коллегам. Я была живым воплощением амбициозного администратора. Я по-прежнему помнила о друзьях, просто мне не хотелось их видеть. Собственный дом казался офисом или прачечной, где я появлялась время от времени, чтобы выполнить свои обязанности. И Джейк. Джейк. С этим обстояло неважно. Я ощущала себя человеком, который едет на потерявшем управление поезде. Где-то впереди, через милю или через пять тысяч миль, находится конечная станция, но на какое-то время все, что я чувствовала, сосредоточилось в самом процессе лихорадочной гонки. Адам появился из-за угла. Он посмотрел на окно и увидел меня. Он не улыбнулся и не помахал рукой, но ускорил шаги. Я была его магнитом, его собственностью.

\* \* \*

Когда мы закончили есть, я слизнула с его пальцев мякоть помидора.

— Знаешь, что мне нравится в тебе?

— Что?

— Во-первых... Все остальные знакомые облачены в своего рода униформу и носят вещи, которые к ней прилагаются: ключи, кошельки, кредитные карточки. Ты же словно только что свалился голый с другой планеты, нашел какую-то одежду и просто натянул ее на себя.

— Хочешь, чтобы я оделся?

— Нет, но...

— Но что?

— Когда ты только что шел по улице, я наблюдала за тобой. И главным образом думала о том, что все это великолепно.

— Правильно, — сказал Адам.

— Да, но, мне кажется, была еще одна тайная мысль — что однажды нам

придется пойти туда, в мир. Я имею в виду, нам обоим придется, так или иначе. Встречаться с людьми, что-то делать, ну, ты понимаешь. — Когда я произносила эти слова, они звучали как-то странно, словно я говорила об Адаме и Еве, которых изгоняют из райского сада. Я встревожилась. — Все, конечно, зависит от того, что ты хочешь.

Адам нахмурился:

— Я хочу тебя.

— Да, — сказала я, сама не понимая, что означает это «да».

Мы долго молчали, потом я сказала:

— Ты так мало знаешь обо мне, а я так мало знаю о тебе. Мы принадлежим разным мирам.

Адам пожал плечами. Он не считал, что это хоть что-то значит; ни мои обстоятельства, ни моя работа, ни мои друзья, ни мои политические взгляды, ни мои нравственные устои, ни мое прошлое — ничто не имело значения. Он признавал лишь некую Элис-сущность. В моей другой жизни я бы с пеной у рта спорила с ним по поводу его мистического восприятия абсолютной любви, так как я всегда считала, что любовь — это биологическая категория, связанная с дарвинизмом, что она прагматична, случайна, требует усилий, что она хрупкая. Теперь же, одурманенная и безразличная, я уже не могла вспомнить, во что верила, и словно вернулась к детскому восприятию любви как чего-то такого, что спасает от реального мира. Поэтому теперь я лишь сказала:

— Не могу в это поверить. Я имею в виду, что даже не знаю, о чем тебя спросить.

Адам погладил меня по голове, от чего я вся задрожала.

— А зачем меня о чем-то спрашивать? — сказал он.

— Разве тебе не хочется узнать обо мне? Не хочется узнать, чем именно я занимаюсь на работе?

— Расскажи мне, чем именно ты занимаешься на работе.

— На самом деле ты не хочешь этого знать.

— Хочу. Если ты считаешь, что то, что ты делаешь, — важно, тогда хочу.

— Я тебе уже говорила, что работаю в крупной фармакологической компании. В прошлом году меня прикомандировали к группе, которая разрабатывает новую модель внутриматочного устройства. Вот.

— Ты не рассказала о себе, — возразил Адам. — Ты разрабатываешь это устройство?

— Нет.

— Занимаешься научными исследованиями?

— Нет.

— Занимаешься сбытом?

— Нет.

— Ну так какого же черта ты делаешь?

Я рассмеялась:

— Это напоминает мне урок в воскресной школе, куда я ходила в детстве. Я поднимаю руку и говорю, что знаю, что Отец — это Бог, что Сын — это Иисус, а чем же занят Святой Дух?

— И что сказал учитель?

— Он вызвал мать. А в разработке «Дрэг-спирали III» я выступаю в роли Святого Духа. Я связываю, организую, выдаю идеи, встречаюсь с людьми. Короче, я администратор.

Адам улыбнулся, потом снова сделался серьезным.

— Тебе это нравится? Я немного подумала.

— Не знаю, не думаю, что говорила это вслух, даже самой себе. Дело в том, что

я привыкла любить рутинную часть бытия ученого, которую другие считают скучной. Я полюбила работать над протоколами, устанавливать оборудование, заниматься наблюдениями, выстраивать колонки цифр, записывать результаты.

— И что случилось дальше?

— Кажется, я была слишком хороша на своем месте. Меня двигали вверх. Но мне не следовало говорить все это. Если я буду неосторожной, ты поймешь, какую скучную женщину завлек к себе в постель. — Адам не засмеялся и ничего не сказал, поэтому я смутилась и неуклюже попыталась сменить тему. — Я мало где бывала. Тебе приходилось лазить на высокие горы?

— Иногда.

— По-настоящему высокие? Вроде Эвереста?

— Иногда.

— Удивительно.

Он покачал головой.

— Ничего удивительного. Эверест не... — он искал подходящее слово, — технически неинтересная вершина.

— Хочешь сказать, что на него легко подняться?

— Нет, все, что выше восьми тысяч метров, не бывает легким. Но если посчастливится с погодой, то восхождение на Эверест станет простой пешей прогулкой. Туда тянет тех, кто не является настоящим альпинистом. Просто они достаточно богаты, чтобы нанять настоящих.

— А ты бывал на вершине Эвереста?

Адам выглядел смущенным, словно ему было трудно объяснить тому, кто едва ли поймет.

— Несколько раз. Я вел коммерческую экспедицию в девяносто четвертом и поднимался на вершину.

— На что это было похоже?

— Мне не понравилось. Я стоял на вершине среди десятка других людей, которые фотографировались. А горы... Эверест должен быть чем-то священным. Когда я пришел туда, местность показалась объектом туристского паломничества, превращенным в свалку мусора — старые баллоны из-под кислорода, обрывки палаток, веревок, замерзшие трупы. На Килиманджаро еще хуже.

— Когда ты был в горах последний раз?

— Ни разу с прошлой весны.

— Это был Эверест?

— Нет. Я был одним из наемных проводников на горе под названием Чунгават.

— Я о такой никогда не слышала. Это неподалеку от Эвереста?

— Довольно близко.

— Она опаснее Эвереста?

— Да.

— Ты дошел до вершины?

— Нет.

Настроение у Адама испортилось. Глаза сузились, взгляд стал мрачным.

— Что случилось, Адам?

Он не ответил.

— Это?... — Я провела ладонью по его ноге до изуродованной ступни.

— Да, — сказал он.

Я поцеловала его ступню.

— Наверное, было страшно?

— Ты о пальцах? Не особенно.

— Я имею в виду вообще.

— Да, страшно.

— Расскажешь мне когда-нибудь?

— Когда-нибудь. Не сейчас.

Я поцеловала его ступню, щиколотку, провела губами выше. Когда-нибудь, пообещала я себе.

\* \* \*

— У тебя усталый вид.

— Заработалась, — солгала я.

Единственный человек, которому я была не в силах дать отставку. Я привыкла встречаться с Полин почти каждую неделю, чтобы пообедать, обычно вместе заскакивали в один-другой магазин, где она снисходительно наблюдала, как я примеряю непрактичную одежду: летние платья зимой; бархат и шерсть летом; одежду для другой жизни. Сегодня я сопровождала ее, когда она делала покупки. Мы купили пару сэндвичей в баре в конце Ковент-Гардена, потом постояли в очереди за кофе, затем за сыром.

Я сразу же поняла, что сказала что-то не так. Мы никогда не говорили друг другу вещи вроде «заработалась». Я вдруг ощутила себя двойным агентом.

— Как Джейк? — спросила она.

— Очень хорошо, — сказала я. — Его туннель почти... Джейк молодец. На самом деле молодец.

Полин снова с тревогой посмотрела на меня:

— Все в порядке, Элис? Не забывай, ты говоришь о моем старшем брате. Если кто-то называет Джейка молодцом, видимо, что-то тут не так.

Я засмеялась, она засмеялась вслед за мной, и секундная неловкость миновала. Она купила себе большой пакет кофе в зернах и два пластмассовых стаканчика с этим напитком, и мы не спеша направились в сторону Ковент-Гардена, где нашли свободную скамейку. Так было чуть лучше. День стоял солнечный, ясный и очень холодный, кофе приятно обжигал губы.

— Как живется замужем? — спросила я.

Полин очень серьезно посмотрела на меня. Она была поразительной женщиной. Прямые темные волосы могли бы свидетельствовать о суровом нраве, если бы не были знакомы с ней близко.

— Я прекратила принимать таблетки, — сказала она.

— Испугалась? — спросила я. — На самом деле они совершенно...

— Нет, — улыбнулась она. — Просто прекратила и все. Я вовсе не перешла на другой контрацептив.

— О Господи, — почти вскрикнула я и крепко ее обняла. — А ты к этому готова? Не слишком ли рано?

— Мне кажется, это всегда слишком рано, — сказала Полин. — Однако, как бы там ни было, еще ничего не случилось.

— Значит, ты еще не начала стоять после секса на голове или что там еще нужно будет делать.

Так мы и болтали о зачатии, беременности и декретном отпуске, и чем дальше углублялись в эти темы, тем хуже я себя чувствовала. До этого момента я думала об Адаме как о мрачной, сугубо личной измене. Я понимала, что ужасно поступаю с Джейком, но теперь, когда я глядела на Полин, на ее щеки, пылающие и от холода, и от волнения, быть может, по поводу грядущей беременности, на пальцы, обнимающие стакан, и на парок, клубящийся у ее узких губ, у меня внезапно возникло сумасшедшее чувство, что все это чистое недоразумение. Мир не таков, как она думала, и в этом была моя вина.

Мы обе посмотрели в свои пустые стаканы, рассмеялись и поднялись со



скамейки. Я крепко обняла ее и прижалась лицом к ее лицу.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— Большинство людей не рассказывают о том, что стараются зачать ребенка, пока их срок не перевалит за три месяца.

— Ах, Элис, — с упреком проговорила она. — Разве я могла не рассказать тебе об этом?

— Мне нужно идти, — вдруг сказала я. — У меня встреча.

— Где?

— Э-э, — ошеломленно проговорила я. — В... э-э... Сохо.

— Я пройду с тобой. Мне по пути.

— Здорово, — вымученно произнесла я.

По дороге Полин рассказала про Гая, который порвал с нею неожиданно и жестоко чуть больше восемнадцати месяцев назад.

— Помнишь, какой я была тогда? — спросила она, на ее лице появилась легкая гримаса, сделавшая ее похожей на брата. Я кивнула, лихорадочно соображая, как быть. Может, притвориться, что иду в офис? Не сработает. Может, сказать, что забыла адрес? — Конечно, ты помнишь. Ты спасла мне жизнь. Вряд ли я смогу когда-либо отплатить тебе за то, что ты сделала тогда для меня. — Она взяла свой пакет с кофе. — Наверное, я выпила не меньше кофе у тебя на квартире, пока плакалась тебе в жилетку. Боже, я думала, что больше никогда не смогу сама перейти дорогу, не говоря уже о том, чтобы нормально жить и быть счастливой.

Я жала ей руку. Говорят, что лучшие друзья — те, кто может просто слушать, и если это правда, то я во время той ужасной прогулки была лучшей в мире подругой. Вот оно, говорила я себе, страшное наказание за всю мою ложь. Когда мы свернули на Олд-Комптон-стрит, впереди я увидела знакомую фигуру. Адам. В голове у меня помутилось, даже показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Я повернулась и увидела открытую дверь магазина. Говорить я не могла, поэтому молча схватила Полин за руку и втащила внутрь.

— Что такое? — забеспокоилась она.

— Мне нужно немного... — Я посмотрела на стеклянный ящичек на кассе. — Немного...

В голову ничего не лезло.

— Пармезана? — предположила Полин.

— Пармезана, — согласилась я. — И еще кое-чего.

Полин осмотрелась.

— Но тут такая очередь. Ведь пятница.

— Я за этим и шла.

Полин потопталась в нерешительности. Посмотрела на часы.

— Извини, — сказала она. — Тогда я лучше пойду.

— Да, — с облегчением выдохнула я.

— Что?

— Прекрасно, — сказала я. — Иди. Я тебе позвоню.

Мы расцеловались, и она ушла. Я сосчитала до десяти, потом выглянула на улицу. Ушла. Я взглянула на свои руки. Они не дрожали, но в голове все вертелось.

\* \* \*

В ту ночь мне приснилось, что кто-то отрезает мне ноги кухонным ножом, а я спокойно на это смотрю. Я знала, что не должна кричать или протестовать, потому что заслужила это. Я проснулась очень рано, вся в поту и смятении, и какое-то время не могла понять, рядом с кем лежу, протянула руку и ощутила теплое тело. Джейк

раскрыл глаза.

— Привет, Элис, — сказал он и снова спокойно заснул.

Так больше не могло продолжаться. Я всегда считала себя честным человеком.

## Глава 6

Я опоздала на работу, так как пришлось ждать, когда откроется сувенирная лавка, которая находилась за углом офиса. Я немного постояла, глядя на реку, загипнотизированная силой течения, которое петляло то так, то эдак. Потом я слишком долго выбирала на крутящемся стенде открытку. Все казались неподходящими. Ни репродукции с картин старых мастеров, ни черно-белые фотографии городских улиц и колоритных детей бедняков, ни дорогие открытки с блестками, раковинами и перьями, прицепленными в качестве украшений. В конце концов я купила пару: одну с приглушенным японским пейзажем, на котором были изображены серебристые деревья на фоне темного неба, другую с аппликацией в стиле Матисса в веселых голубых тонах. Еще я купила перьевую ручку, хотя в моем столе ручками был забит целый ящик.

Что я должна сказать? Я захлопнула дверь в кабинет и выложила перед собой на столе обе открытки. Должно быть, я просидела несколько минут, просто уставившись на них. Время от времени я вызывала в воображении его лицо. Такое красивое. Представляла, как он смотрит мне в глаза. Никто прежде еще не смотрел на меня так. Я не видела его целый уик-энд с той самой пятницы, и теперь...

И теперь я выбрала японскую открытку и отвернула колпачок ручки. Я не знала, как начать. Конечно, не «милый Адам», «любимый Адам» или «моя самая нежная любовь». Ничто из этого не годилось. И не «дорогой Адам» — слишком холодно. Тогда — просто писать.

«Я не могу больше с тобой встречаться, — написала я, стараясь не смазать черные чернила. Остановилась. Что еще сказать? — Пожалуйста, не пытайся заставить меня изменить решение. Это было...» Было чем? Удовольствием? Мукой? Странностью? Ошибкой? Самым великим чудом, когда-либо приключавшимся со мной? Тем, что перевернуло всю мою жизнь?

Я порвала картинку с японскими деревьями и бросила клочки в корзину. Потом взяла открытку с яркой аппликацией. «Я не могу больше встречаться с тобой».

Чтобы не добавить еще чего-нибудь, я быстро положила открытку в конверт и убористыми прописными буквами написала на нем имя и адрес Адама. Затем с конвертом в руках вышла из кабинета и спустилась на лифте к столику регистратуры, где среди бланков пропусков службы безопасности со своей газетой «Сан» сидел Дерек.

— Не мог бы ты кое-что для меня сделать, Дерек? Это очень срочное письмо, поэтому мне хотелось бы, чтобы ты направил его с посыльным велосипедистом. Я бы попросила Клаудиу, но... — Я не договорила, фраза повисла в воздухе. Дерек взял конверт и посмотрел на адрес.

— Сохо. Деловое, да?

— Да.

Он положил конверт рядом с собой.

— Тогда ладно. Но чтоб это было в последний раз.

— Я тебе очень благодарна. Проследишь, чтобы оно ушло прямо сейчас?

Я сказала Клаудии, что у меня уйма работы, и попросила не соединять ни с кем, кроме Майка, Джованны и Джейка. Она удивленно посмотрела на меня, но не стала ничего говорить. Было половина одиннадцатого. Он пока еще уверен, что во время перерыва на ленч я буду с ним в его затемненной комнате, послав весь мир к черту. К одиннадцати он получит письмо. Сбежит по лестнице, поднимет конверт, оторвет

край и прочтет то единственное предложение. Мне следовало хотя бы выразить сожаление. Или сказать, что я люблю его. Я закрыла глаза, чувствуя себя как рыба на берегу. Меня мучило удушье, каждый вздох отдавался болью.

Когда Джейк несколько месяцев назад бросил курить, он сказал мне, что вся проблема заключается в том, чтобы не думать о сигаретах: то, в чем ты себе отказываешь, пояснил он, становится желанным вдвойне и тогда превращается в манию. Я притронулась к щеке и представила, что это меня тронул Адам. Я не должна рисовать его в своем воображении. Не должна говорить с ним по телефону. Не должна встречаться. Порвать.

В одиннадцать часов я задернула жалюзи, за которыми серел дождливый день, на тот случай, если он придет к офису и будет стоять под окнами, поджидая меня. Клаудиа передала мне список людей, которые звонили и оставили мне сообщение. Адам не пытался позвонить. Возможно, его не было дома и он пока ничего не знает. Возможно, он не получит письмо до тех пор, пока не придет к себе, чтобы встретиться со мной...

Я не пошла обедать, осталась в своем сумрачном кабинете, уставившись в экран компьютера. Если бы кто-нибудь вошел, то решил бы, что я занята работой.

В три позвонил Джейк и сказал, что в пятницу, возможно, поедет по делам на пару дней в Эдинбург.

— Можно мне с тобой? — спросила я. Но это была дурацкая идея. Он целый день будет занят; да и я сейчас не могла просто взять и уехать из «Дрэга».

— Скоро мы поедем вместе, — пообещал он. — Давай спланируем это сегодня вечером. Мы могли бы для разнообразия провести вечер дома. Я куплю в ресторане что-нибудь. Китайскую или индийскую еду?

— Индийскую, — повторила я. Меня чуть не стошнило.

Я пошла на наше еженедельное совещание, которое прервала Клаудиа, сказав, что какой-то мужчина, не назвавший своего имени, хочет срочно переговорить со мной. Я ответила, что сейчас не могу. Она ушла с заинтересованным видом.

В пять я решила пораньше уйти домой. Вышла из здания через заднюю дверь и приехала домой на такси в самый разгар часа пик. Когда такси проезжало мимо главного входа в офис, я прикрыла лицо руками. Домой приехала первой, прошла в свою спальню — нашу спальню — и бросилась на кровать, где свернулась калачиком и стала ждать. Зазвонил телефон, я не стала снимать трубку. Потом услышала, как хлопнула крышка почтового ящика, что-то упало на коврик, и я вскочила с кровати. Я должна поднять это раньше Джейка. Но это была обычная реклама. Не хочу ли я, чтобы все мои ковры были вычищены особым способом? Я вернулась на кровать, легла и попыталась дышать ровно. Скоро придет Джейк. Джейк. Я стала думать о Джейке. Я представляла, как он сдвигает брови, когда улыбается. Или как высовывает кончик языка, когда сосредоточивается на чем-то. И как он гыкает, когда смеется. На улице было темно, фонари горели оранжевым. Я слышала, как проезжают машины, голоса людей, детский смех. И не заметила, как уснула.

\* \* \*

В темноте я притянула Джейка к себе.

— Карри может подождать, — сказала я.

Я сказала, что люблю его, он сказал, что любит меня. Мне хотелось повторять это снова и снова, но я сдержалась. На улице моросило. Потом мы ели остывшую взятую на дом еду из коробочек, точнее, он ел, а я клевала по крошке, запивая большими глотками дешевого красного вина. Когда зазвонил телефон, я позволила Джейку взять трубку, хотя сердце у меня в груди забилось сильнее.

— Кто бы это ни был, он положил трубку, — сказал он мне. — Наверное,

какой-нибудь тайный воздыхатель.

Мы вместе рассмеялись. Я представила Адама сидящим в одиночестве на кровати в пустой комнате и сделала еще большой глоток вина. Джейк предложил поехать на уик-энд в Париж. В это время года на «Евростар» есть шанс получить хорошие заказы.

— Еще на один туннель, — сказала я. Я ждала, когда телефон зазвонит снова. На этот раз трубку придется поднять мне. Что делать? Я пыталась придумать способ, как сказать «Не звони мне больше», чтобы Джейк ни о чем не догадался. Но телефон не звонил. Наверное, я просто струсилась, нужно было все сказать ему лично. Но я не смогла бы сказать ему в лицо. Каждый раз, когда я смотрю ему в лицо, то оказываюсь у него в руках.

Я взглянула на Джейка, он улыбнулся и зевнул.

— Пора баиньки, — протянул он.

\* \* \*

Я пыталась. Следующие несколько дней я по-настоящему, по-настоящему пыталась. Не отвечала на его звонки в офис. Он прислал мне туда письмо, которое я, не читая, порвала на мелкие кусочки и выбросила в высокую металлическую урну возле кофейного аппарата. Несколько часов спустя, когда все ушли на ленч, я пошла достать его, но урну уже очистили. На дне остался лишь один маленький кусочек бумаги, на котором виднелись написанные его стремительным почерком слова «...на несколько...». Я смотрела на написанные чернилами буквы, трогала клочок бумаги, словно на нем была частица его, незабываемого его. Я попыталась восстановить на основе двух ничего не значащих слов весь текст.

Я уходила с работы в неурочное время через заднюю дверь, иногда скрывалась в толпе людей. На всякий случай я избегала центра Лондона и вообще старалась не выходить на улицу. Я сидела дома с Джейком, отгородившись от отвратительной погоды шторами, смотрела видео и пила немного больше положенного, отчего каждый вечер незаметно для себя засыпала. Джейк был очень внимательным. Он сказал мне, что в последние несколько дней я кажусь более удовлетворенной, «не мечусь от одного дела к другому». Я ответила, что чувствую себя прекрасно, великолепно.

В четверг, через три дня после письма, зашла вся компания: Клайв, Джулия, Полин и Том с другом Тома по имени Дункан, и Сильвия. Клайв привел с собой Гэйл, ту женщину, которая на одной вечеринке щупала его локоть. Она и сейчас по-прежнему держалась за его локоть и выглядела чуть-чуть пришибленной, что было вполне объяснимо, так как это было всего лишь второе их свидание и слегка походило на знакомство сразу со всей огромной семьей.

— Вы все так много говорите, — сказала она, когда я спросила, как она себя чувствует в компании. Я огляделась. Она была права: все в нашей гостиной, казалось, говорили разом. И тут вдруг мне стало душно и тесно. Комната показалась слишком маленькой, слишком переполненной, слишком шумной. Я схватилась за голову. Звонил телефон.

— Ответь, пожалуйста! — крикнул Джейк, он доставал из холодильника пиво. Я взялась за трубку:

— Алло.

Тишина.

Я ожидала услышать его голос, но была только тишина. Я положила трубку и побрела в комнату. Я посмотрела вокруг. Это мои лучшие и самые старинные друзья. Мы знакомы уже десять лет и не собираемся расставаться. Мы по-прежнему будем собираться вместе и рассказывать друг другу все те же старые истории. Я

понаблюдала за Полин, которая разговаривала с Гэйл, объясняя той что-то. Она положила руку на руку Гэйл. К ним подошел Клайв, который выглядел робким от волнения, и обе женщины улыбнулись ему; улыбки были добрые. Подошел Джейк и вручил мне банку пива. Он крепко обнял меня за плечи. Завтра утром он уезжает в Эдинбург.

В конце концов, подумала я, мне уже лучше. Я могу жить без него. Проходят дни. Скоро уже неделя. Потом месяц...

Мы играли в покер: Гэйл выигрывала, а Клайв проигрывал. Он всячески паясничал, а она над ним посмеивалась. Она милая, подумала я. Лучше девиц, с которыми обычно бывал Клайв. Он сбежит от нее, потому что она не будет достаточно жестокой, чтобы заставляя его себя обожать.

\* \* \*

На следующий день я ушла с работы в обычное время и через главный вход. Не могла же я прятаться от него всю оставшуюся жизнь. Я прошла через двери, ощущая легкое головокружение, и огляделась по сторонам. Адама не было. Я была уверена, что он будет стоять на улице. Быть может, и в другие разы, когда я ускользала через заднюю дверь, его тут не было. Я ощутила ужасное разочарование, которое захватило меня врасплох. Ведь я собиралась избегать встречи, если увижу его. Разве нет?

Мне не хотелось идти домой, не хотелось и брести в «Вайн» и встречаться со всеми. Я вдруг поняла, как устала. Даже чтобы просто передвигать ноги, требовались невероятные усилия. В голове между глаз пульсировала тупая боль. Я плелась по улице и заглядывала в витрины магазинов, подталкиваемая спешащей с работы толпой. Уже сто лет не покупала себе ничего из одежды. Я купила ярко-синюю блузку на распродаже, но это походило на насилие над собой. Потом я бесцельно бродила в постепенно тающей толпе. Обувной магазин. Канцтовары. Магазин игрушек, в центре витрины сидел громадный розовый плюшевый медведь. Магазин изделий из шерсти. Книжный, хотя в витрине виднелись и другие вещи: топорик, моток тонкой веревки. Из открытой двери повеяло теплом, и я вошла внутрь.

На самом деле это не был книжный магазин, хотя в нем продавались и книги. Это был магазин альпинистского снаряжения. Видимо, я знала это всегда. Здесь было всего несколько посетителей, все мужчины. Я стала озираться, замечая нейлоновые куртки, перчатки, сделанные из какого-то таинственного современного материала, спальные мешки, сложенные на большой полке у задней стены. С потолка свисали фонари и маленькие походные печки. Палатки. Большие тяжелые ботинки, сверкающие и твердые. Рюкзаки с многочисленными кармашками. Острые на вид ножи. Молотки. Полка с клейкими бинтами, йодными тампонами, резиновыми перчатками. Были здесь и пакеты с едой, высококалорийные брикеты. Все это походило на снаряжение для людей, собравшихся выйти в открытый космос.

— Вам помочь? — Молодой человек с ежиком на голове и курносый носом остановился возле меня. Видимо, он сам был альпинистом. Я почувствовала себя виноватой, словно оказалась в магазине под фальшивым предлогом.

— Э-э, нет, не нужно.

Я бочком передвинулась к книжным полкам и пробежала глазами по корешкам: «Эверест без кислорода», «Яростные высоты», «В одной связке», «Третий полюс», «Альпинизм: от А до Я», «Первая помощь при восхождении», «Вершина в облаках», «Род благодати», «На вершине мира», «Влияние высоты», «К-2: трагедия», «К-2: страшное лето», «Подниматься, чтобы выжить», «На краю», «Бездна»...

Я взяла наугад пару книг и просмотрела на список имен. Вот и он, в книге «На вершине мира». Книга большого формата о восхождениях на гималайские вершины.

Даже взгляда на его набранное петитом имя было достаточно, чтобы я задрожала и ощутила тошноту. Словно я могла притворяться, что он не существует вне стен своей комнаты в Сохо, что у него нет другой жизни, кроме той, которую он проводил со мной, на мне, внутри меня. Тот факт, что он альпинист — занятие, о котором мне ничего не известно, — облегчал мне возможность относиться к нему как к своего рода фантастической личности; исключительно как к объекту страсти только тогда, когда я была с ним. Но он был в этой книге, существовал в виде черных букв на белой бумаге. Таллис, Адам, на страницах 12 — 14, 89 — 92, 168.

Я открыла раздел с цветными фотографиями и посмотрела на третью. В камеру улыбалась группа, состоящая из мужчин и нескольких женщин в нейлоновых или дубленых куртках на фоне снега и камней. Только он не улыбался, он пристально смотрел вперед. Он не знал меня тогда; у него была совсем другая жизнь. Может быть, он тогда любил кого-то другого, хотя мы не говорили с ним о других женщинах. Он выглядел моложе и не казался таким суровым. Волосы короче и сильнее вились. Я перевернула несколько страниц, и опять он, один, смотрел в сторону от камеры. Он был в солнцезащитных очках, поэтому трудно разобрать выражение его лица или понять, на что он смотрит. У него за спиной вдалеке виднелась маленькая зеленая палатка, а за ней склон горы. На нем были ботинки на толстой подошве, волосы раздувал ветер. Я подумала, что он выглядит встревоженным, и хотя это было очень давно, в другой жизни, еще до меня, у меня возникло страстное и нелепое желание его утешить. Внезапная вспышка нового желания поразила меня до глубины души.

Я захлопнула книгу и поставила назад на полку. Потом я взяла другую и опять просмотрела список имен. Здесь никаких Таллисов не было.

— Простите, мы уже закрываемся. — Молодой человек опять подошел ко мне. — Хотите что-нибудь купить?

— Простите, я еще не решила. Нет, думаю, что не хочу.

Я двинулась к двери. Но я не могла так поступить. Я вернулась, схватила книгу «На вершине мира» и отнесла к кассе.

— Я еще успеваю ее купить?

— Конечно.

Я заплатила и положила книгу в сумку. Завернула ее в новую блузку, так что она оказалась довольно надежно спрятана.

## Глава 7

— Вот так, потяни левую нитку вниз, осторожно, не дай ей перехлестнуться с другой. Правда, здорово?

В каждой руке я держала по катушке ниток, которые дрожали и натягивались при порывах ветра. Над нами парил воздушный змей — Джейк привез его мне из Эдинбурга. Это был роскошный красно-желтый спортивный змей с длинным хвостом, который хлопал при перемене ветра.

— Осторожней, Элис, он падает. Тяни.

У Джейка на голове была дурацкая шапочка с кисточкой. Нос покраснел от холода. Он выглядел лет на шестнадцать, радовался как мальчишка, который выехал на загородную прогулку. Я дергала без разбора за обе нитки, змей метался, спускаясь вниз. Натяжение ниток ослабло, и он еще быстрее полетел к земле.

— Не двигайся. Я его достану! — закричал Джейк.

Он побежал под горку, поднял змея, нес его до тех пор, пока нитки не натянулись, а потом снова запустил в низкое белесое небо, где змей снова воспарил на своих поводках. Я подумала: хорошо бы объяснить Джейку, что красивые мгновения полета змея — когда он на короткое время парит в воздухе — не компенсируют, как я считала, тех мгновений, когда он лежит в траве и приходится окоченевшими

пальцами распутывать нитки. Потом решила помолчать.

— Если выпадет снег, — проговорил, отдуваясь, стоявший позади меня Джейк, — можно будет покататься с горы.

— Что это на тебя нашло? Из тебя энергия бьет ключом, да?

Он обнял меня сзади. Я сосредоточилась на управлении змеем.

— Можно сесть на большой кухонный поднос, — сказал он, — или даже на большой мешок для мусора. А может, купим сани. Они обойдутся недорого, а служить будут много лет.

— В данный момент, — сказала я, — я умираю от голода. И не чувствую пальцев.

— Вот, возьми — сказал он, отбирая у меня змея. — У меня в кармане перчатки. Надень. Который сейчас час?

Я взглянула на часы.

— Почти три. Вот-вот начнет смеркаться.

— Давай купим несколько лепешек. Я их люблю.

— Правда?

— Ты еще многого обо мне не знаешь. — Он принялся сматывать змея. — Например, известно ли тебе, что, когда мне было пятнадцать лет, я втрескался в девчонку по имени Элис? Она училась в школе на класс старше меня. Для нее я, конечно, был просто прыщавым мальчишкой. Чудовищные мучения. — Он засмеялся. — Ни за какие коврижки я не захотел бы снова быть молодым. Все эти мытарства. Я не мог дождаться, когда вырасту.

Джейк встал на колени, аккуратно сложил змея и положил в узкий нейлоновый чехол. Я промолчала. Он поднял голову и улыбнулся.

— Конечно, и во взрослой жизни есть свои проблемы. Но по крайней мере постоянно не чувствуешь себя неуклюжим и застенчивым.

Я присела рядом с ним:

— Какие же у тебя сейчас проблемы, Джейк?

— Сейчас? — Он нахмурился, потом сделал удивленное лицо. — По правде говоря, никаких. — Он положил руки мне на плечи, чуть не свалив меня. Я чмокнула его в кончик носа. — Когда я был с Эри, то всегда ощущал непрочность своего положения, но никак не мог решиться от нее сбежать. Никогда не чувствовал себя так с тобой. Ты всегда говоришь то, что думаешь. Ты можешь с чем-то не соглашаться, но никогда не будешь пользоваться слабостями других. С тобой мне спокойно.

Эри, его прежняя подружка, высокая, крупная в кости, красивая русоволосая женщина, которая изобретала фасоны туфель, всегда казавшиеся мне похожими на корнуоллские пироги, ушла от Джейка к человеку, который работал в нефтяной компании и по полгода отсутствовал.

— А как у тебя?

— Что?

— Какие взрослые проблемы у тебя?

Я встала и потянула его, чтобы он тоже встал.

— Давай подумаем. Работа, которая сводит меня с ума. Боязнь мух, муравьев и всяких ползающих гадов. Неважное кровообращение. Ну, пойдем же, я замерзаю.

\* \* \*

Мы и в самом деле поели лепешек, которые были просто жуткими — масло сочилось отовсюду и пачкало все вокруг. Потом сходили в кино на ранний вечерний сеанс — там в конце был такой печальный эпизод, что я даже всплакнула. Впервые мы не пошли вместе со всеми ни в «Вайн», ни в индийский ресторан, а просто вдвоем отправились в недорогой итальянский ресторанчик возле дома и поели спагетти с

моллюсками, которые запили плохим красным вином. Джейк пребывал в ностальгическом настроении. Он еще немного поговорил об Эри, о женщинах, которые были до нее, затем мы вновь прокрутили тему о-том-как-мы-впер-вые-встретились — тему, которая считается лучшей у всех счастливых парочек. Никто из нас не мог вспомнить, когда мы впервые положили глаз друг на друга.

— Говорят, что первые несколько секунд знакомства являются самыми важными, — сказал он.

Я вспомнила Адама, как он смотрел на меня через дорогу, его голубые глаза обнимали меня. Сказала:

— Пойдем домой, — и резко поднялась из-за стола.

— А кофе не будешь?

— Дома можем приготовить.

Он воспринял это как любовный призыв, и в определенной мере так оно и было. Я хотела где-нибудь спрятаться — а где это лучше сделать, как не в постели, в его объятиях, в темноте, с закрытыми глазами, без всяких вопросов, без объяснений? Мы так хорошо изучили тела друг друга, что любовь казалась безымянной: просто обнаженная плоть к обнаженной плоти.

— Что, черт возьми, это такое? — сказал он после, когда мы, потные, лежали в кровати. Он держал в руках том «На вершине мира». Прошлой ночью, когда он еще был в Эдинбурге, я засунула книгу под подушку.

— Это? — Я старалась, чтобы мой голос звучал как обычно. — Кто-то на работе дал мне почитать. Сказали, прекрасно написанная книга.

Джейк пошелестел страницами. Я затаила дыхание. Вот. Фотографии. Он смотрел на фотографию Адама.

— Я и не предполагал, что тебе такое нравится.

— Да в общем-то нет, я, видимо, не буду ее читать.

— Нужно быть сумасшедшим, чтобы лазить по горам, — сказал Джейк. — Помнишь, сколько этих людей погибло в прошлом году в Гималаях?

— М-м-м.

— И все, чтобы постоять на вершине, а потом снова спускаться.

Я ничего не ответила.

\* \* \*

На следующее утро выпал снег, но не так много, чтобы идти кататься с горы. Мы включили обогреватели, почитали воскресные газеты и выпили по несколько чашек кофе. Я выучила, как попросить двухкомнатный номер по-французски, и научилась произносить «Janvier est le premier mois de l'annee»<sup>5</sup> и «fevrier est le deuxieme mois»<sup>6</sup>, потом покопалась в накопившихся у меня технических журналах, а Джейк продолжал читать книгу об альпинистах. Он одолел уже почти половину.

— Знаешь, тебе следует ее прочесть.

— Я собираюсь пробежаться по магазинам, купить чего-нибудь к ленчу. Хочешь спагетти?

— Мы вчера ели макароны. Давай сделаем настоящее жаркое. Я приготовлю, а ты помоешь посуду.

— Но ты никогда не занимался готовкой, — запротестовала я.

---

<sup>5</sup> Январь — первый месяц года (фр.).

<sup>6</sup> Февраль — второй месяц (фр.).



— Я меняюсь.

\* \* \*

После ленча к нам заглянули Клайв и Гэйл. Они явно провели все утро в постели. Они просто светились, как всегда бывает после секса, и время от времени улыбались друг другу, словно знали что-то такое, чего нам знать было не дано. Они сказали, что собираются в кегельбан, и спросили, не пойдём ли мы тоже и не стоит ли пригласить Полин и Тома.

Таким образом, я провела день, катая тяжёлые шары в сторону кегель и каждый раз промахиваясь. Все посмеялись вдоволь: Клайв и Гэйл — так как знали, что, как только это закончится, они отправятся прямо в кровать, Полин — потому, что планировала завести ребенка и не могла поверить, насколько изменилась ее жизнь, Том и Джейк — оттого, что были хорошими людьми, и было проще посмеяться со всеми, чем не смеяться вообще. И я смеялась, так как все от меня этого ожидали. У меня болела грудь. Ныло горло. От гулко-яркого освещенного зала кружилась голова. Я смеялась до тех пор, пока на глазах не выступили слезы.

\* \* \*

— Элис, — сказал Джейк именно в тот момент, когда я произнесла: «Джейк».

— Прости, говори ты, — сказала я.

— Нет, сначала ты.

Мы сидели на диване с кружками чая в руках в нескольких дюймах друг от друга. На улице было темно, шторы задернуты. Было очень тихо, так бывает, когда идет снег, который заглушает все звуки. На нем был старый пятнистый джемпер и выцветшие джинсы, ноги босые. Волосы взъерошены. Он очень внимательно смотрел на меня. Мне он нравился таким. Я набрала полную грудь воздуха.

— Я больше так не могу, Джейк.

Сначала выражение его лица не изменилось. Я заставила себя продолжать, глядя ему прямо в глаза, добрые карие глаза.

— Что?

Я взяла его ладонь, она безвольно покоилась у меня в руке.

— Я должна уйти от тебя.

Как я смогла это выговорить? Каждое слово было тяжелым, как кирпич. У Джейка стало такое лицо, словно я отвесила ему пощечину, ошеломленное и страдающее. Мне хотелось взять свои слова обратно, вернуться туда, где мы были мгновение назад, сидя на диване со своим чаем. Он ничего не сказал.

— Я встретила другого человека. Все это так... — Я замолчала.

— Что ты имеешь в виду? — Он смотрел на меня, словно через густую пелену тумана. — Что значит уйти? Ты хочешь сказать, что больше не хочешь быть со мной?

— Да.

Усилие, которое потребовалось, чтобы произнести это слово, было невероятным. Я в изнеможении замолкла. Немо смотрела на него, все еще держа его руку, которая казалась безжизненной. Я не знала, как с ней быть.

— Кто он? — Его голос слегка дрогнул. Он прокашлялся. — Прости. Кого ты встретила?

— Просто... ты его не знаешь. Это просто... Боже, прости меня, Джейк.

Он провел рукой по лицу:

— Но это не укладывается в голове. Мы в последнее время были так счастливы. Я имею в виду этот уик-энд... — Я кивнула. Все оказалось ужаснее, чем я себе представляла. — Я думал... я... как ты с ним познакомилась? Когда?

На этот раз я не выдержала его взгляда.

— Не важно, дело не в этом.

— Он так хорош в постели? Нет, прости, прости. Я не хотел этого сказать, Элис. Я не могу понять... Ты бросаешь все? Вот просто так? — Он осмотрел комнату, вещи, весь мирок, который мы построили вместе. — Зачем?

— Не знаю.

— Все так плохо, да?

Его тело обмякло на диване. Мне хотелось, чтобы он накричал на меня, разозлился или что-нибудь в этом духе, но вместо этого он улыбнулся мне и сказал:

— Знаешь, что я собирался сказать?

— Нет.

— Хотел сказать — думаю, нам следует завести ребенка.

— О Джейк.

— Я был счастлив. — Его голос стал глуховатым. — И все это время ты, ты...

— Нет, Джейк, — взмолилась я. — Я тоже была счастлива. Ты сделал меня счастливой.

— Как давно это продолжается?

— Несколько недель.

Я наблюдала за ним, пока он обдумывал, вспоминал недавнее прошлое. Его лицо исказилось. Он отвернулся от меня, посмотрел на зашторенное окно и официальным тоном проговорил:

— Что-нибудь изменится, если я попрошу тебя остаться, Элис? Дать нам еще один шанс? Пожалуйста...

Он не смотрел на меня. Мы оба смотрели прямо перед собой, рука в руке. У меня на сердце лежал огромный камень.

— Пожалуйста, Элис, — повторил он.

— Нет.

Он убрал руку из моей ладони. Мы сидели в полной тишине, я думала, что будет дальше. Стоит ли мне сказать, что я заберу свои вещи позже? По его щекам катились слезы, но он не двигался и не пытался их смахнуть. Я никогда не видела его плачущим. Я подняла руку, чтобы вытереть ему слезы, но он резко отпрянул, наконец разозлившись.

— Господи, Элис, что тебе нужно? Хочешь меня утешить или что? Посмотреть, как я реву? Если собралась уходить, то уходи.

Я оставила все. Оставила свою одежду, компакт-диски, косметику, украшения. Свои книги и журналы. Свои фотографии. Портфель, полный документов с работы. Свою телефонную книжку и дневник. Свой будильник, связку ключей.

Свои тетрадки по французскому, кассеты. Я взяла с собой сумочку, зубную щетку, контрацептивы, плотное черное пальто, которое Джейк подарил мне на Рождество, и вышла в непогоду в неподходящих туфлях.

## Глава 8

Считается, что потребность в друзьях появляется именно в такой ситуации. Я не хотела никого видеть. Мне не нужна была семья. В голову приходили дикие мысли о том, чтобы спать где-нибудь на улице, под мостом, но даже самобичевание имеет свои границы. Где можно найти какой-нибудь недорогой ночлег? Я никогда прежде не жила в Лондоне в гостиницах. Мне припомнилась целая улица отелей, которую я заметила накануне из окошка такси. К югу от Бейкер-стрит. То, что надо. Я проехала на метро, прошла мимо планетария, пересекла дорогу и прошагала еще квартал. Вот и она, длинная улица белых оштукатуренных домов, превращенных в гостиницы. Я выбрала наугад «Девоншир» и вошла.

За стойкой сидела очень полная женщина, которая бросила мне какую-то фразу, которую я не поняла из-за ее ужасного акцента. Но я увидела многочисленные ключи, висевшие на доске у нее за спиной. Сейчас не сезон для туристов.

— Мне нужна комната.

Она покачала головой и продолжала говорить. Я даже не была уверена, говорит ли она со мной или кричит на кого-то в задней комнате. Мне подумалось, уж не принимает ли она меня за проститутку, хотя проститутки не одеваются так плохо или по крайней мере уныло, как была одета я. Однако у меня не было багажа. Крошечному уголку моего сознания было любопытно узнать, за кого все-таки она меня принимает. Я извлекла из сумочки кредитную карточку и выложила ее перед ней. Она взяла карточку и проверила. Я поставила подпись на клочке бумаги, даже не взглянув на сумму. Она вручила мне ключ.

— Я могу заказать что-нибудь попить? — спросила я. — Чаю или чего-нибудь еще?

— Ничего нет! — прокричала она.

Я почувствовала себя так, словно попросила что-то невообразимое. Подумала, не стоит ли поискать чего-нибудь на улице, но сама мысль о том, чтобы еще куда-то идти, была невыносимой. Я взяла ключ и поднялась к себе в номер на втором этаже. Он был не так уж плох. Там был таз для умывания и окно, выходящее на каменный двор. Я задернула штору. Я находилась в гостиничном номере в Лондоне сама по себе и совершенно без ничего. Я разделась до нижнего белья и легла в кровать. Потом встала, заперла дверь и снова нырнула под одеяло. Я не плакала. Не лежала всю ночь без сна, размышляя о своей жизни. Я немедленно заснула, но оставила включенным свет.

\* \* \*

Я проснулась поздно, в голове был туман, но это было терпимо. Я встала, сняла с себя бюстгалтер и трусики, вымылась в тазу. Потом оделась, почистила зубы без пасты. На завтрак я приняла свою таблетку, запив ее водой из пластикового стаканчика, и спустилась вниз. Казалось, что вокруг никого нет. Я заглянула в столовую с сияющим полом под мрамор, где вокруг столов стояли пластиковые стулья. Откуда-то доносились голоса, пахло жарящимся беконом. Я прошла через комнату и отдернула занавеску. Вокруг кухонного стола сидели женщина, которую я видела прошлой ночью, мужчина примерно ее возраста и габаритов, явно супруг, и несколько маленьких жирных детишек. Все посмотрели на меня.

— Я собралась уходить, — сказала я.

— Хотите позавтракать? — с улыбкой спросил мужчина. — У нас есть яйца, мясо, помидоры, грибы, бобы и каша.

Я слабо покачала головой.

— Это входит в стоимость.

Я согласилась на кофе и стояла у двери в кухню, наблюдая, как они собирают детей в школу. Прежде чем я ушла, мужчина озабоченно взглянул на меня:

— С вами все в порядке?

— Все в порядке.

— Вы остаетесь на следующую ночь?

Я снова покачала головой и ушла. На улице было холодно, но по крайней мере сухо. Я остановилась и стала соображать, где нахожусь. Отсюда можно было дойти пешком. По пути на Эдгуэйр-роуд я купила в аптеке несколько освежающих салфеток, они пахли лимоном, зубную пасту, тушь для ресниц, помаду, а потом еще несколько пар простых белых трусиков. На Оксфорд-стрит я нашла магазин повседневной одежды. Захватила в примерочную черную юбку и пиджак. Там я надела также новые

трусики, терла лицо и шею салфетками, пока кожа не загорелась, потом чуть-чуть подкрасилась. Достаточно, чтобы выглядеть более или менее сносно. По крайней мере я не выглядела так, словно меня готовят к вскрытию. Сразу после десяти я позвонила Клаудии. Я намеревалась выдумать что-нибудь насчет того, что занята бумагами, но поскольку она сама взяла трубку, какой-то странный порыв заставил меня частично объясниться. Я сказала ей, что у меня кризис в личной жизни, который мне нужно урегулировать, и что я не в том состоянии, чтобы появиться в офисе. Мне едва удалось от нее отделаться.

— Я что-нибудь придумаю для Майка, — заключила она.

— Только не забудь меня предупредить до того, как я с ним встречусь.

Квартира Адама находилась всего в нескольких минутах ходьбы от Оксфорд-стрит. Когда я подошла к двери дома, то поняла, что не имею никакого представления о том, что ему скажу. Я простояла несколько минут, но так ничего и не придумала. Дверь в подъезд была не заперта, поэтому я поднялась по лестнице и постучалась. Дверь открылась. Я шагнула вперед, начала говорить, потом замолчала. В дверях стояла женщина. Пугающе привлекательная. У нее были темные волосы, видимо, длинные, наспех забранные вверх. На ней были джинсы и клетчатая рубашка поверх черной спортивной майки. Она казалась усталой, лицо было такое, будто ее отвлекли от важного занятия.

— Да? — спросила она.

Я почувствовала, как у меня забурчало в животе, а лицо вспыхнуло от огорчения. У меня возникло ощущение, что я разрушила свою жизнь только для того, чтобы оказаться в дураках.

— Адам дома? — тупо спросила я.

— Нет, — живо отозвалась она. — Он переехал.

Она была американкой.

— Вы знаете куда?

— Боже, вот это вопрос. Заходите. — Я прошла за ней в комнату, потому что не знала, что еще сделать. Прямо у двери стоял большой, туго набитый рюкзак и открытый чемодан. На полу была разбросана одежда.

— Простите, — сказала она. — Я только утром прилетела из Лимы. Чувствую себя как кусок дерьма. У меня в кофейнике есть немного кофе. — Она протянула руку. — Дебора.

— Элис.

Я взглянула на кровать. Дебора пододвинула мне знакомый стул, налила мне и себе кофе в знакомые кружки. Она предложила мне сигарету. Я отказалась, тогда она прикурила ее для себя.

— Вы подруга Адама, — бросила я пробный шар.

Она выпустила густую струю дыма и пожала плечами.

— Пару раз участвовала вместе с ним в восхождениях. Да, подруга. — Она еще раз глубоко затянулась и сделала гримасу. — Боже. Мой самолет намного опоздал. И этот жуткий воздух. Я полтора месяца не опускалась ниже пяти тысяч футов.

Вы тоже подруга Адама? — продолжала она.

— Ну, — сказала я, — мы недавно познакомились. Но да, я его подруга.

— Ага, — кивнула она, как я подумала, с понимающей улыбкой, которая довольно сильно смутила меня, но я не отводила взгляда, пока улыбка не смягчилась и стала более дружелюбной и менее насмешливой.

— Вы были с ним на Чунга-или-как-там-ее-называют? Или у тебя был с ним роман? Ты тоже его любовница?

— Чунгават. Вы имеете в виду прошлый год? Боже, нет. Я не занимаюсь такими вещами.

— Почему?

Она рассмеялась:

— Если бы Бог предназначал нас для восхождения выше восьми тысяч метров, то создал бы другими.

— Я знаю, что Адам связан с той ужасной прошлогодней экспедицией. — Я старалась быть спокойной, словно постучалась в эту дверь только за тем, чтобы выпить этот кофе и мило поболтать. Где он? Моя душа вопила. Я должна была увидеть его сейчас... пока не слишком поздно, хотя, возможно, уже слишком поздно.

— Связан? Разве вы не знаете, что произошло?

— Знаю, что несколько человек погибли.

Дебора закурила новую сигарету.

— Пятеро. Врач экспедиции, которая была э-э... — она взглянула на меня, — близким другом Адама. Четверо клиентов.

— Кошмар.

— Я не об этом. — Она глубоко затянулась. — Хотите услышать об этом? — Я кивнула. Где он? Она не спеша начала говорить, время во всем мире остановилось. — Когда разразилась буря, руководитель экспедиции Грег Маклафлин, один из лучших в мире знатоков Гималаев, который считал, что изобрел надежный и безопасный метод таскать в горы новичков, оказался вне игры. С ним приключился острый приступ гипоксии или что-то в этом роде. Адам спустил его вниз и принял руководство. Другой профессиональный проводник, француз по имени Клод Брессон, прекрасный спортсмен-альпинист, тоже сломался, у него начались галлюцинации. — Дебора постучала себя по груди. — У него был отек легкого. Адам отнес этого ублюдка вниз, в лагерь. А на склоне осталось одиннадцать клиентов. Было темно, почти пятьдесят градусов мороза. Адам вернулся с кислородом и группами спустил их с горы. Ходил несколько раз. Это не человек, а гребаный бык. Однако одна группа потерялась. Он не смог их найти. Они не выдержали.

— Почему люди этим занимаются?

Дебора потеряла глаза, она выглядела жутко усталой. Сделала жест рукой с сигаретой.

— Вы имеете в виду, почему Адам этим занимается? Могу сказать, почему я делаю это. Когда я училась в медицинском колледже, у меня был парень — альпинист. Я начала ходить с ним в горы. Им там нужен врач. И я время от времени участвую в восхождениях. Иногда остаюсь в базовом лагере. Иногда поднималась вместе со всеми.

— Со своим парнем?

— Он погиб.

— О, простите.

— Это случилось давно.

В комнате повисла тишина. Я старалась придумать, что сказать.

— Вы американка.

— Канадка. Я из Виннипега. Вы бывали в Виннипеге?

— К сожалению, нет.

— Там осенью выкапывают могилы на зиму. — Должно быть, у меня был озадаченный вид. — Земля промерзает. Они рассчитывают, сколько, по их мнению, людей умрет за зиму, и выкапывают нужное количество ям. Есть свои неудобства в том, чтобы родиться и вырасти в Виннипеге, однако он приучает вас уважать холод. — Она засунула сигарету в рот и протянула руки. — Посмотрите. Что вы видите?

— Не знаю...

— Десять пальцев. Все на месте и не изуродованы.

— У Адама нет пальцев на ноге, — сказала я. Дебора с осуждением взглянула на меня, я в ответ с сочувствием улыбнулась ей. — Он мог просто рассказать мне об

этом.

— Да, конечно. Это совсем другое. То было его решением. Я так скажу, Элис, тем людям повезло, что он был с ними. Вам доводилось бывать на склоне во время бури?

— Я вообще никогда не была в горах.

— Вы ничего не видите, ничего не слышите, не понимаете, куда идти. Необходимо иметь снаряжение и опыт, но и этого недостаточно. Даже не знаю, как это назвать. Некоторые остаются спокойными и сохраняют способность мыслить рационально. Адам из таких.

— Да, — сказала я и выдержала паузу, чтобы не казаться уж слишком заинтересованной. — Не знаете, где его найти?

Она подумала немного.

— Он из мужчин, которых трудно застать. Кажется, он собирался с кем-то встретиться в одном из кафе у Ноттинг-Хиллгейт. Как же оно называется? Подождите. — Дебора прошла по комнате и вернулась с телефонным справочником. — Вот. — Она написала название и адрес на старом конверте.

— Когда он там будет?

Она взглянула на часы.

— Полагаю, уже сейчас.

— Тогда я пойду.

Она проводила меня до двери.

— Если его там не будет, я знаю еще кое-кого, у кого можно поспрашивать. Запишите номер моего телефона. — Тут она усмехнулась. — Да ведь он у вас уже есть, верно?

\* \* \*

Всю дорогу в такси я размышляла, придет ли он. Разрабатывала в голове разные сценарии. Его там не будет, а я следующие несколько дней живу в отелях и шатаюсь по улицам. Он придет, но с девушкой, и мне придется шпионить за ними издали, чтобы выяснить, что происходит, а потом ходить за ним, пока он не окажется один. Я попросила водителя проехать за кафе на Олд-Сэйнтс-роуд и осторожно прошла назад. Я увидела его мгновенно, он сидел у окна. И он был не с девушкой. Он был с темнокожим человеком с длинными волосами, которые были заплетены в многочисленные косички и собраны на затылке в хвост. В такси я еще пыталась придумать какой-нибудь вариант, чтобы выглядело, будто набрела на Адама случайно, однако в голову ничего не приходило. Между тем все это оказалось совершенно бессмысленно — в тот момент, когда я заметила Адама, он тоже увидел меня. Все произошло как в кино. Стоя со всем своим имуществом — старыми трусиками, старой блузкой, несколькими предметами купленной косметики, — уложенным в пакет из универмага «Гэп», я чувствовала себя брошенным ребенком викторианской эпохи. Я увидела, как он что-то сказал своему спутнику, поднялся и вышел на улицу. Прошло несколько странных секунд или около того, когда темнокожий повернулся и стал смотреть на меня, очевидно, раздумывая, кто, черт побери, она такая?

Потом около меня возник Адам. Я пыталась представить, что мы скажем друг другу, но он не произнес ни слова. Взял мое лицо в свои большие ладони и поцеловал в губы. Я уронила пакет и обняла его так крепко, как только могла, ощущая старый свитер и сильное тело под ним. Наконец мы отстранились друг от друга, и он изучающе посмотрел на меня.

— Дебора сказала, что ты сюда придешь. — Потом я заплакала. Я отпустила его, достала из кармана платок и высморкалась. Адам не стал меня успокаивать. Вместо

этого он смотрел на меня как на экзотическое животное, которое привлекло его внимание, и ему было любопытно, как оно поведет себя дальше. Я привела в порядок свои растрепанные чувства, чтобы сказать то, что должна была сказать.

— Я хочу поговорить с тобой, Адам. Прости меня за ту открытку. Лучше бы мне ее вообще не посылать. — Адам не произнес ни слова. — И, — я помедлила, прежде чем продолжать, — я ушла от Джейка. Эту ночь я провела в гостинице. Я просто так это говорю. Не для того, чтобы оказывать на тебя давление. Тебе достаточно сказать, я уйду, и мы больше никогда не увидимся.

Мое сердце бешено колотилось в груди. Лицо Адама было так близко, что я ощущала его дыхание.

— Хочешь, чтобы я попросил тебя уйти?

— Нет, не хочу.

— Значит, теперь ты моя.

Я судорожно втянула в себя воздух.

— Да.

— Хорошо, — сказал Адам. Это прозвучало, словно он не был удивлен или обрадован, просто констатировал очевидный факт. Видимо, так и было. Он оглянулся на окно, потом посмотрел на меня. — Это Стэнли, — сказал он, — повернись и помаши ему. — Я нервно взмахнула рукой. В ответ Стэнли поднял два больших пальца. — Мы проживем в квартире за углом, которая принадлежит его приятелю.

«Мы проживем...» При этих словах я ощутила, как во мне прокатилась волна сладострастия. Адам кивнул приятелю.

— Стэнли видит, что мы разговариваем, но он не умеет читать по губам. Сейчас зайдем на несколько минут в кафе, а потом я отвезу тебя на квартиру и оттрахаю. Как следует.

— Договорились, — сказала я. — Можешь делать со мной все, что хочешь.

Он наклонился и поцеловал меня еще раз. Он положил руку мне на спину, забрался под блузку. Я почувствовала его пальцы под полоской бюстгалтера, они пробежали по позвоночнику. Потом он зажал кусочек кожи между пальцами и сильно ущипнул.

— Больно, — сказала я.

Адам провел губами у меня возле уха.

— Ты сделала больно мне, — прошептал он.

## Глава 9

Меня разбудил телефонный звонок. Свет болью резанул по глазам. Он возле кровати, кажется, так. Я ощупью нашла телефонный аппарат.

— Алло?

В трубке слышался какой-то шум, быть может, уличный, но никто не говорил, потом трубку повесили. Я поставила телефон на пол. Через несколько секунд он зазвонил снова. И опять никого. Был ли слышен с того конца хоть звук? Дыхание, очень тихое? Точно я сказать не могла. Опять раздался длинный гудок.

Я посмотрела в открытые, но еще сонные глаза Адама.

— Старая история, — сказала я. — Если женщина отвечает, вешают трубку. — Я нажала четыре кнопки на панели телефона.

— Что ты делаешь? — зевнув, спросил Адам.

— Хочу узнать, кто звонил. — Я подождала.

— Ну и кто? — спросил он.

— Из телефонной будки, — наконец ответила я.

— Может, они не успевают вовремя опустить в автомат монету, — сказал он.

— Может, и так, — сказала я. — Мне нечего надеть.

— А зачем тебе что-то надевать? — Лицо Адама было всего в нескольких дюймах от моего. Он заложил пряди волос мне за ухо, потом провел пальцами по шее. — Так ты выглядишь великолепно. Когда я сегодня утром проснулся, то подумал, что это сон. Я лежу и смотрю на тебя спящую. — Он сдернул простыню с моей груди и прикрыл ее своими руками. Он поцеловал мне лоб, веки, потом губы, сначала нежно, а затем крепко. Я почувствовала во рту металлический привкус крови. Провела руками по его мускулистой спине, положила ладони ему на ягодицы и притянула к себе. Мы оба сделали глубокий вдох и слегка потерлись друг о друга; мое сердце колотилось против его сердца или наоборот? В комнате пахло любовью, простыни еще были немного влажными.

— Для работы, Адам, — сказала я. — Мне нужна одежда, чтобы пойти на работу. Я не могу целый день просто валяться в кровати.

— Почему? — Он поцеловал мне шею. — Почему не можешь? Нам нужно наверстать упущенное.

— Я не могу просто взять и не пойти на работу.

— Почему?

— Ну просто не могу. Я не такой человек. Тебе никогда не приходилось ходить на службу?

Он нахмурился, но не ответил. Потом облизнул указательный палец и ввел его в меня.

— Побудь со мной еще, Элис.

— Десять минут. О Боже, Адам...

\* \* \*

Но и потом мне нечего было надеть. Одежда, которая вчера была на мне, потной кучей валялась на полу, а ничего другого у меня не было.

— Вот, надень это, — сказал Адам и бросил на кровать пару выцветших джинсов. — Можно прикрыть ноги. И еще кое-что. Этим придется обойтись сегодня утром. В двенадцать тридцать я за тобой зайду и пойдем по магазинам.

— Но я могла бы забрать свои вещи с квартиры...

— Нет. Пусть пока полежат там. Не ходи туда. Я куплю тебе что-нибудь из одежды. Тебе много и не нужно.

Я не стала возиться с нижним бельем, натянула джинсы, которые были свободными и длинноватыми, но с ремнем смотрелись не так уж плохо. Потом черную шелковую рубашку, которая ласкала мою чувствительную кожу и пахла Адамом. Я достала из сумочки кожаный шнурок и надела на шею.

— Вот так.

— Прекрасно.

Он взял щетку, расчесал мои спутанные волосы. Он настоял на том, чтобы смотреть, как я писаю, чищу зубы, крашу ресницы. Он не спускал с меня глаз.

— Я распалась на кусочки, — сказала я ему в зеркало, стараясь улыбнуться.

— Думай обо мне все утро.

— Чем ты собираешься заняться?

— Буду думать о тебе.

\* \* \*

Я и в самом деле все утро думала об Адаме. Мое тело трепетало при воспоминании о нем. Но еще я думала о Джейке и том мире, к которому мы с Джейком принадлежали. Какая-то часть меня так и не могла понять, как случилось, что я все еще здесь, в своем знакомом кабинете, связываю порядком затертые



фразы о ВМУ и женской фертильности после того, как бросила бомбу в свою прежнюю жизнь и наблюдала за взрывом. Я пыталась представить все, что произошло после того, как я ушла. Видимо, Джейк рассказал об этом по крайней мере Полин. А уже она скажет всем остальным. Компания соберется за выпивкой, все станут обсуждать эту новость, удивляться и стараться утешить Джейка. А я, которая была у истоков нашей компании, стану объектом шушуканья, всякого рода пересудов. У всех обо мне будет свое мнение, своя версия.

Если я покинула тот мир — а я считала, что так и есть, — то стала ли я частью мира Адама, заполненного мужчинами, которые уходят в горы, и женщинами, которые их ждут? Сидя у себя за столом в ожидании перерыва на ленч, я думала, как мало знаю об Адаме, о его прошлом, настоящем и планах на будущее. И чем больше я понимала, что он для меня посторонний, тем сильнее меня тянуло к нему.

\* \* \*

Он купил мне несколько бюстгальтеров и трусиков. Мы стояли наполовину скрытые полками с одеждой и улыбались друг другу, гладили друг другу руки. Это было наше первое настоящее свидание за стенами квартиры.

— Здесь все невыносимо дорого, — заметила я.

— Примерь это, — сказал он.

Он выбрал прямое черное платье, потом пару обтягивающих брюк. Я надела это в специальной комнате на новое нижнее белье и взглянула в зеркало. Дорогая одежда — это совсем другое дело. Когда я вышла, прижимая к груди новые наряды, он приложил ко мне бархатное платье шоколадного цвета с низким вырезом, длинными рукавами и косо обрезанным подолом, который сзади шлейфом спускался на пол. Оно выглядело средневековым и сногсшибательным, а цифра на ценнике подсказала мне почему.

— Я не могу.

Он нахмурился:

— Я так хочу.

Мы вышли из магазина с двумя пакетами, набитыми одеждой, которая стоила больше моей месячной зарплаты. На мне были черные брюки и кремовая атласная блузка. Я подумала о Джейке, который накопил на пальто. Каким взволнованным и гордым было его лицо, когда он вручил его мне.

— Я чувствую себя содержанкой.

— Послушай. — Адам остановился на середине тротуара, и людям пришлось нас обходить. — Я хочу содержать тебя всегда.

Он умел сделать так, чтобы игривые фразы звучали страшно серьезно. Я вспыхнула и засмеялась, а он не отрываясь смотрел на меня, почти сердито.

— Могу я пригласить тебя где-нибудь пообедать? — спросила я. — Хочу, чтобы ты рассказал о своей жизни.

\* \* \*

Но сначала мне было нужно забрать из квартиры кое-что из моих вещей. Я оставила там телефонную книгу, дневник и все рабочие бумаги. Пока я не сделаю этого, буду чувствовать себя наполовину там. Ощущая колики в животе, я позвонила Джейку на работу, но его не было, мне сказали, что он заболел. Я позвонила домой, и он ответил после первого же гудка.

— Джейк, это Элис, — глупо выпалила я.

— Я узнал тебя по голосу, — сухо ответил он.

— Ты болен?

— Нет.

Молчание.

— Послушай, мне очень жаль, но придется приехать и забрать некоторые вещи.

— Завтра днем я буду на работе. Тогда и приезжай.

— У меня нет ключей.

Я слышала его дыхание на другом конце провода.

— Ты окончательно сожгла мосты, да, Элис?

Мы договорились, что я заеду в шесть тридцать. Опять возникла пауза. Потом мы вежливо попрощались, и я повесила трубку.

\* \* \*

Просто удивительно, до какой степени на самом деле можно ничего не делать на работе, чего только не придумаешь, когда тебе на все наплевать. Если бы я открыла это раньше. Казалось, никто не заметил, как поздно я пришла в то утро или как долго я отсутствовала во время перерыва. Днем я побывала на очередном совещании, во время которого почти ничего не говорила, зато после получила поздравления от Майка за остроту выступления.

— Оказывается, у тебя в данный момент все под контролем, Элис, — энергично заключил он. Почти то же самое утром в тот же день мне написала по электронной почте Джованна. Я сгребла бумаги на столе и большую часть сбросила в корзину, потом попросила Клаудию ни с кем меня не соединять. Ровно в пять тридцать я вышла в дамскую комнату, причесалась, умыла лицо, покрасила саднящие губы и застегнула пальто на все пуговицы, чтобы не было видно ни миллиметра моей новой роскошной одежды. Затем тронулась старой знакомой дорогой к квартире Джейка.

Я пришла немного раньше и погуляла вокруг. Я не хотела застать его врасплох и, конечно, не хотела встречаться с ним на улице. Я пыталась придумать, что скажу. То, что я ушла от него, сразу же превратило его в постороннего человека, сделало его педантичнее и обидчивее ироничного, скромного Джейка, с которым я когда-то жила. Подождав еще несколько минут после шести тридцати, я подошла к двери и позвонила. Я услышала шаги, сбегające по лестнице, и увидела тень сквозь покрытое морозным узором стекло.

— Привет, Элис.

Это была Полин.

— Полин. — Я не знала, что ей сказать. Моя лучшая подруга, та, к кому при любых других обстоятельствах я обратилась бы к первой. Она стояла в дверях. Темные волосы были собраны в тугий узел. Она выглядела усталой, под глазами лежали едва заметные тени. Она не улыбалась. Казалось, мы не виделись много месяцев, а не два дня.

— Можно войти?

Она посторонилась, я прошла мимо и поднялась по лестнице. Дорогая одежда нежно ласкала мое тело под пальто Джейка. В комнате все, казалось, было по-прежнему, конечно, по-прежнему. Мои пиджаки и шарфы, как и раньше, висели на крючках в прихожей. На каминной доске все еще стояла фотография, на которой мы с Джейком широко улыбались, держась за руки. Мои красные плетеные домашние тапочки стояли в гостиной у дивана, на котором мы сидели в воскресенье. Желтые нарциссы, которые я купила в конце прошлой недели, хоть немного подвяли, но по-прежнему стояли в вазе. На столе виднелась полупустая чашка с чаем, и я была уверена, что это именно та чашка, из которой я пила два дня назад. Я в смятении опустилась на диван. Полин осталась стоять и смотрела на меня. Она не произнесла ни слова.

— Полин, — выдавила я из себя. — Я понимаю — то, что я сделала, ужасно, но

я должна была.

— Хочешь, чтобы я тебя простила? — спросила она. Тон был язвительным.

— Нет. — Это была ложь, конечно, я хотела. — Нет, но ты моя лучшая подруга. Я думала, да, я не холодная и не бессердечная. Мне нечего сказать в оправдание, кроме того, что я просто влюбилась. Ты-то способна это понять.

Я увидела, как она вздрогнула. Конечно, она способна была это понять. Восемнадцать месяцев назад ее бросили, потому что он просто влюбился. Она присела на другой конец дивана, как можно дальше от меня.

— Дело вот в чем, Элис, — начала она, и меня поразило, насколько иначе мы даже разговариваем сейчас, более официально и сухо. — Если я позволю себе, то, конечно, смогу понять тебя. Вы ведь, в конце концов, не были женаты, у вас не было детей. Но, видишь ли, я не хочу тебя понимать. Во всяком случае, сейчас. Он мой старший брат, и его страшно обидели. — Ее голос задрожал и на какое-то мгновение стал похож на голос той Полин, которую я знала. — Положа руку на сердце, Элис, если бы ты видела его сейчас, если бы ты видела, как он страдает, то ты бы не... — Она заставила себя остановиться. — Может, когда-нибудь мы сможем снова быть подругами, но я бы сочла, что предала его, если бы стала слушать твою версию этого дела и пытаться представить, что ты должна чувствовать. — Она поднялась. — Не хочу быть справедливой к тебе. На самом деле я хочу ненавидеть тебя.

Я кивнула и тоже поднялась. Я все поняла, конечно, поняла.

— Тогда я соберу кое-какую одежду.

Она опустила голову и пошла в кухню. Я слышала, как она наливает воду в чайник.

В спальне все было как всегда. Я достала с гардероба свой чемодан и положила его открытым на пол. С моей стороны двуспальной кровати лежала наполовину прочитанная мной книга об истории часов. Со стороны Джейка — книга об альпинистах. Я взяла обе и положила в чемодан. Открыла шкаф и стала снимать с плечиков одежду. Руки дрожали, и я не могла как следует ее сворачивать. Хотя я брала немного: не могла представить, как буду носить прежнюю одежду; не могла поверить, что она будет сидеть на мне по-прежнему.

Я заглянула в гардероб, где мои вещи висели вперемешку с вещами Джейка: мои платья рядом с его единственным приличным костюмом, мои юбки и блузки — среди его повседневных рубашек, которые были выглажены и застегнуты на все пуговицы. На паре рубашек были обтрепанные рукава. У меня на глазах выступили слезы, но я яростно смахнула их. Что мне может понадобиться? Я попыталась представить жизнь с Адамом и поняла, что не могу этого сделать. Я могла представить нас только в постели. Я упаковала пару вязаных кофт, несколько пар джинсов и теннисок, два повседневных костюма и все нижнее белье. Я взяла свое лучшее платье без рукавов и пару туфель, оставив все остальное — вещей было так много, все эти походы с Полин, все эти жадные, радостные покупки.

Я сгребла все свои кремы, лосьоны и косметику в чемодан, но заколебалась над украшениями. Много подарил мне Джейк: несколько пар сережек, миленький кулон, широкий браслет. Я не знала, как будет лучше: взять их или оставить. Я представила, как он, вернувшись домой, увидит, что я забрала и что оставила, и будет размышлять о моих чувствах, основываясь на этих незначительных фактах. Я взяла сережки, которые мне оставила бабушка, и вещи, которые были у меня еще до Джейка. Потом передумала и вытащила из маленького ящичка все.

В углу было собрано белье для стирки, и я выудила оттуда пару вещей. Грязное нижнее белье, валявшееся вокруг, решила не брать. Я вспомнила о своем портфеле, лежавшем под стулом у окна, а также о записной и телефонной книжках. Не забыла и паспорт, свидетельство о рождении, водительские права, страховые полисы и сберегательную книжку, которые лежали в общей пачке с документами Джейка. Я

решила оставить картину, которая висела на стене, хотя отец подарил мне ее задолго до того, как мы познакомились с Джейком. Я не собиралась брать с собой ничего из книг и дисков. И я не собиралась торговаться с ним по поводу машины, за которую я шесть месяцев назад внесла залог, а Джейк выплачивал лишь текущие суммы.

Полин сидела на диване в гостиной и пила чай. Она смотрела, как я достала из стола три адресованных мне письма и бросила в портфель. Все, я закончила. У меня был чемодан с одеждой и пластиковый пакет со всякими мелочами.

— Это все? Путешествуешь налегке, да?

Я безнадежно пожала плечами:

— Знаю, что мне вскоре придется все отсортировать как следует. Но не сейчас.

— Значит, все это серьезно?

Я взглянула на нее. Карие глаза, как у Джейка.

— Да, серьезно.

— И Джейку не стоит надеяться, что ты вернешься. Каждый день сидеть дома и ждать, что ты вдруг объявишься?

— Нет.

Мне нужно было скорее убираться оттуда, иначе я разревелась бы. Я пошла к двери, сняв по дороге с крючка шарф. На улице было холодно и темно.

— Полин, ты сможешь сказать Джейку, что я поступлю со всем этим... — я широким жестом обвела комнату, все, что мы вместе нажили, — как он решит?

Он посмотрела на меня, но ничего не ответила.

— Ну, тогда до свидания, — сказала я.

Мы смотрели друг на друга. Я видела — она тоже хочет, чтобы я поскорее ушла. Чтобы вволю наплакаться.

— Да, — сказала она.

\* \* \*

— Должно быть, я выгляжу ужасно.

— Ничего подобного. — Он вытер мне глаза и хлюпающий нос подолом рубашки.

— Прости. Но это так больно.

— Лучшие вещи рождены болью. Конечно, это больно.

В другое время я бы это высмеяла. Я не считаю, что боль необходима и действует облагораживающе. Но я зашла слишком далеко. У меня из груди вырвался очередной всхлип.

— И я так боюсь, Адам. — Он не ответил. — Ради тебя я все бросила. О Боже.

— Я знаю, — сказал он. — Знаю, что ты все бросила.

Мы пошли в ресторанчик за углом. Я была вынуждена держаться за него, словно могла упасть, если лишусь опоры. Мы сели в темном углу и выпили по бокалу шампанского, которое сразу ударило мне в голову. Он положил под столом руку мне на бедро, а я уставилась в меню, пытаюсь сфокусировать взгляд. Мы съели филе лосося с грибами и зеленым салатом и выпили бутылку холодного зеленовато-белого вина. Не знаю, радовалась я или пребывала в отчаянии. Всего казалось слишком много. Каждый его взгляд был похож на прикосновение, от каждого глотка вина кровь во мне начинала бурлить. Когда я пыталась порезать еду на тарелке, у меня дрожали руки. Когда он под столом прикасался ко мне, мне казалось, что мое тело вот-вот рассыплется на мелкие части.

— С тобой так уже было? — спросила я, и он покачал головой.

Я спросила, кто у него был раньше, и он некоторое время молча смотрел на меня.

— Об этом трудно говорить. — Я ждала. Если я покинула весь свой мир ради него, то ему по крайней мере придется рассказать мне о своей прежней подружке. — Она погибла, — проговорил он затем.

— Ах. — Я была поражена и напугана. Как я могу соревноваться с мертвой женщиной?

— В горах, — продолжал он, глядя в свой бокал.

— Ты имеешь в виду ту гору?

— Чунгават. Да.

Он выпил еще немного вина и махнул официанту.

— Принесите, пожалуйста, две порции виски.

Их принесли, мы выпили. Я дотянулась через стол до его руки.

— Ты любил ее?

— Не как тебя, — ответил он. Я приложила его руку к своей щеке. Как можно так ревновать к кому-то, кто умер еще до того, как он вообще меня впервые увидел?

— А еще было много женщин?

— Когда я с тобой, то знаю точно, что не было ни одной, — ответил он, и это означало, что, конечно, их было много.

— Почему ты выбрал меня?

Адам, казалось, погрузился в мысли.

— Как это мог быть кто-то другой? — наконец спросил он.

## Глава 10

Неожиданно у меня перед совещанием выкроилось несколько минут, и я решила позвонить Сильвии. Она адвокат, и прежде мне было нелегко до нее дозвониться. Обычно приходилось ждать ответного звонка спустя несколько часов или на следующее утро.

На этот раз она ответила через несколько секунд.

— Элис, это ты?

— Я, — слабым голосом подтвердила я.

— Мне нужно с тобой встретиться.

— Хорошо бы. Но ты уверена?

— Ты сегодня занята? После работы?

Я задумалась. Все внезапно показалось сложным.

— У меня встреча... э-э, кое с кем в городе.

— Где? Когда?

— Звучит как-то глупо... В книжном магазине на Ковент-Гарден. В половине седьмого.

— Мы могли бы встретиться до этого.

Сильвия настаивала. Мы могли бы пораньше уйти с работы и встретиться без четверти шесть в кафе на Сент-Мартин-лейн. Это было не очень удобно. Мне пришлось по новой организовать циркулярный вызов, который был запланирован загодя, но я явилась без двадцати шесть, запыхавшаяся и взвинченная. Сильвия уже сидела за угловым столиком с кофе и сигаретой. Когда я подошла, она поднялась и обняла меня.

— Я рада, что ты мне позвонила.

Мы уселись, я заказала кофе.

— Я рада, что ты рада, — сказала я. — Я чувствую себя так, словно всех подвела.

Сильвия взглянула на меня.

— Почему?

Этого я не ожидала и оказалась к такому не готова. Я пришла, чтобы получить

взбучку, почувствовать себя виноватой.

— Но ведь Джейк...

Сильвия прикурила очередную сигарету и слегка улыбнулась.

— Да, Джейк.

— Ты видела его?

— Да.

— Как он?

— Худой. Опять курит. Иногда молчит, иногда столько говорит о тебе, что никто слова не может вставить. Плаксив. Ты это хочешь услышать? Но он придет в норму. Все приходят. Он не будет страдать всю жизнь. От сердечных ран умирают единицы.

Я сделала глоток кофе. Он был слишком горяч. Я закашлялась.

— Надеюсь. Мне жаль, Сильви, но я чувствую себя так, словно только что вернулась из-за границы и не знаю, что происходит.

Повисла тишина, которая явно смутила нас обеих.

— Как Клайв? — спросила я в отчаянии. — И... как ее?

— Гэйл, — подсказала Сильвия. — Он опять влюблен. А она премиленькая.

Снова молчание. Сильвия задумчиво смотрела на меня.

— Какой он?

Я почувствовала, что краснею, язык словно отяжелел. Я с болью осознала: прежде я не совсем понимала, что это — Адам и я — было тайной, и ни слова об этом не было сказано никому. Мы никогда вместе не появлялись на вечеринках. Никто не видел нас вместе. И вот теперь Сильвия. Сама по себе любопытная, но к тому же, как я заподозрила, посланная в качестве делегата от всей компании за информацией, которую можно обсуждать. У меня возникло желание еще на какое-то время придержать эту информацию. Спрятаться там, где будем только мы вдвоем. Не хотелось, чтобы другие перемывали мне косточки, судачили обо мне, строили предположения. Достаточно было подумать об Адаме и его теле, чтобы по коже начали бегать мурашки. Я вдруг испугалась мысли о повседневности, о том, чтобы быть просто Адамом и Элис, которые где-то живут, сообща владеют какими-то вещами, куда-то вместе ходят. И вместе с тем мне хотелось этого.

— Господи, — сказала я. — Даже не знаю, что сказать. Его зовут Адам и... ну, он совершенно не похож ни на кого, кого я встречала прежде.

— Понимаю, — сказала Сильвия. — Это изумительно вначале, не правда ли?

Я покачала головой:

— Я не о том. Смотри, всю жизнь у меня все более или менее шло по плану. В школе я училась довольно хорошо, меня любили, никогда не обижали или вроде того. С родителями я ладила, не без труда, но... ты сама все знаешь. У меня были хорошие парни, и иногда я бросала их, иногда они меня. Я окончила колледж, получила работу, встретила Джейка, переехала к нему и... Так что же я делала все эти годы?

Красиво очерченные брови Сильвии взлетели вверх. На мгновение показалось, что она разозлилась.

— Жила своей жизнью, как и все мы.

— Или просто скользила по поверхности, ни к чему не прикасаясь, да и не позволяя прикасаться к себе? Можешь не отвечать. Я просто думаю вслух.

Мы пили остывающий кофе.

— Чем он занимается? — спросила Сильвия.

— У него нет работы в том смысле, в каком мы ее себе представляем. Он зарабатывает деньги то там, то тут. На самом деле он альпинист.

Сильвия, как и следовало ожидать, выглядела пораженной.

— Правда? Ты имеешь в виду, он лазит по горам?

— Да.

— Не знаю, что и сказать. Где вы встретились? Не на горе же.

— Просто встретились, — туманно ответила я. — Просто столкнулись друг с другом.

— Когда?

— Несколько недель назад.

— И с тех пор спите вместе? — Я не ответила. — Вы уже съехались?

— Похоже на то.

Сильвия выпустила дым.

— Значит, это у вас по-настоящему.

— Это нечто. Меня это сбило с курса.

Сильвия подалась вперед с плутоватым выражением:

— Тебе следует быть поосторожней. Так всегда бывает вначале. Он становится для тебя всем, завладевает тобой. Он все время хочет трахаться, а для этого ему нужно, чтобы ты постоянно была при нем, вот такие дела...

— Сильвия! — в ужасе проговорила я. — Ради всего святого!

— Но ведь так оно и есть, — развязно заявила она, с удовольствием вступая на знакомую территорию, бесшабашная Сильвия, которая говорит грязные вещи. — Или по крайней мере примерно так. Просто тебе нужно быть осторожной, вот и все. Я не говорю, что этого не следует делать. Наслаждайся. Делай все, безумствуй до тех пор, пока не появится реальный физический риск.

— О чем ты?

Она вдруг чопорно поджала губы.

— Сама знаешь.

Мы заказали еще кофе. Сильвия продолжала меня пытаться, пока я не посмотрела на часы и не увидела, что до половины седьмого осталось всего несколько минут. Я схватила сумочку.

— Мне пора, — быстро проговорила я. После того как я расплатилась, Сильвия вместе со мной вышла на улицу.

— Так тебе в какую сторону? Я пойду с тобой, Элис, если ты не против.

— Зачем?

— Мне нужно купить одну книгу, — бесстыдно заявила она. — Ты ведь идешь в книжный магазин, не так ли?

— Прекрасно, — сказала я. — Можешь познакомиться с ним. Я не против.

— Мне просто нужна книга, — сказала она.

Магазин, специализировавшийся на продаже книг о путешествиях и карт, находился всего в двух минутах ходьбы.

— Он здесь? — спросила Сильвия, когда мы вошли.

— Я его не вижу, — сказала я. — Лучше пойдешь поищи свою книгу.

Она пробормотала что-то невразумительное, и мы стали ходить вдоль прилавков. Я остановилась перед витриной с глобусами. Если он не придет, я всегда могу вернуться в квартиру. Я почувствовала, как меня тронули сзади, а потом меня обняли чьи-то руки, и чей-то нос ткнулся мне в шею. Я обернулась. Адам. Он так меня обнял, что мне показалось, что его руки дважды обвились вокруг меня.

— Элис, — произнес он.

Он отпустил меня, и я увидела, что с ним двое мужчин, оба улыбались. Оба были высокими, как Адам. У одного очень светлые, почти белые волосы, гладкая кожа и выдающиеся скулы. На нем была тяжелая куртка из парусины, которая выглядела так, словно ее носил какой-нибудь рыбак из высоких морей. Другой был темнее, с длинными вьющимися каштановыми волосами. Он был одет в длинное серое пальто, которое доходило ему почти до щиколоток. Адам показал на блондина.

— Это Дэниел, — сказал он. — А это Клаус.

Я пожала их громадные ладони.

— Рад с вами познакомиться, Элис, — с легким поклоном проговорил Дэниел.

Он говорил с акцентом, возможно скандинавским. Адам не стал представлять меня, они знали, как меня зовут. Должно быть, он рассказывал им обо мне. Они смотрели оценивающе, еще бы — последняя девушка Адама, — и я отвечала им тем же, заставляя себя выдерживать их взгляды и планируя вскоре новый набег на магазины.

У своего плеча я ощутила чье-то присутствие. Сильвия.

— Адам, это моя подруга Сильвия.

Адам медленно оглядел ее. Взял ее за руку.

— Сильвия, — проговорил он, словно взвешивая это имя в уме.

— Да, — сказала она. — В смысле привет.

Внезапно я увидела Адама и его друзей ее глазами: высокие сильные мужчины, которые выглядели будто выходцы с другой планеты, одетые в странную одежду, красивые, непонятные и пугающие. Она зачарованно смотрела на Адама, но тот вновь перевел взгляд на меня.

— Дэниел и Клаус могут показаться немного не в себе. Они все еще живут по времени Сиэтла. — Он взял мою ладонь и прижал к своему лицу. — Мы собрались за угол. Хочешь с нами? — Последние слова были адресованы Сильвии, и он бросил на нее острый взгляд. Я могла поклясться, что та чуть не подпрыгнула.

— Нет, — проговорила она таким тоном, словно ей предлагали очень заманчивое, но опасное снадобье. — Нет-нет. Мне нужно э-э...

— Ей нужно купить книгу, — сказала я.

— Да, — нерешительно подтвердила она. — И еще кое-что. Мне нужно.

— Тогда когда-нибудь в другое время, — сказал Адам, и мы ушли. Я обернулась и подмигнула Сильвии, словно села в отправляющийся поезд и оставила ее на перроне. Она казалась ошеломленной, охваченной благоговейным ужасом или что-то в этом роде. Когда мы шли, Адам положил мне руку на талию. Мы несколько раз сворачивали, последний поворот привел нас в крошечный переулок. Я вопросительно взглянула на Адама, он нажал на звонок у ничем не примечательной двери, и, когда щеколда открылась, мы поднялись по ступеням и оказались в уютной комнате с баром, очагом и несколькими в беспорядке расставленными столами и стульями.

— Это клуб?

— Да, клуб, — сказал Адам так, словно это было и без слов очевидно. — Садитесь в следующем зале. Я принесу пива. Клаус может рассказать тебе о своей паршивой книге.

Я прошла вместе с Дэниелом и Клаусом в следующую, меньшую по размерам комнату, где тоже было два стола и стулья. За один из них мы сели.

— Что за книга? — спросила я. Клаус улыбнулся.

— Ваш... — Он удержался, чтобы не продолжить. — Это Адам шутит так. Я написал книгу о прошлогодних... событиях на горе. — У него было американское произношение.

— Вы были там?

Он поднял руки. На левой не было мизинца. Отсутствовала также половина безымянного пальца. На правой руке не доставало половины мизинца.

— Мне повезло, — сказал он. — Больше, чем повезло. Адам стащил меня вниз. Спас мне жизнь. — Он снова улыбнулся. — Это я могу сказать, пока его нет в комнате. Когда он вернется, могу продолжить говорить ему, какой он болван.

Адам вошел в комнату с бутылками, потом опять ушел и снова вернулся, на этот раз с тарелками бутербродов.

— Вы все старые друзья? — спросила я.

— Друзья, коллеги, — сказал Дэниел.

— Дэниел зачислен в очередную гималайскую экспедицию на следующий год. Хочет, чтобы я поехал с ним.



— Ты поедешь?

— Думаю, да. — Должно быть, я показалась Адаму встревоженной, так как он рассмеялся. — А что, есть какие-нибудь проблемы?

— Это твоя работа, — сказала я. — Проблем нет. Просто смотри под ноги.

Его лицо стало серьезным, он приблизился ко мне и нежно поцеловал.

— Хорошо, — сказал он, словно я выдержала экзамен. Я сделала глоток пива, откинулась на спинку стула и стала наблюдать за ними, пока они обсуждали вещи, которые я едва понимала, — базовое обеспечение, снаряжение и удобные моменты. Или, скорее, не то чтобы я их не понимала, просто я не хотела вникать в детали. Я со жгучим удовольствием смотрела, как Адам, Дэниел и Клаус обсуждают нечто очень важное. Мне нравились технические термины, которых я не понимала, иногда я украдкой вглядывалась в лицо Адама. Его настойчивое выражение что-то мне напоминало, потом я вспомнила, что именно. Такое выражение было у него на лице, когда я впервые его увидела. Когда впервые поняла, что и он меня увидел.

Позже мы легли в кровать, скинув одежду где попало, Шерпа урчал у нас в ногах — кот достался в наследство, но имя ему дала я. Адам спросил меня о Сильвии.

— Что она говорила?

Зазвонил телефон.

— На этот раз ты снимай трубку, — сказала я.

Адам поморщился и снял трубку.

— Алло?

Никто не ответил, и он бросил ее на рычаг.

— И так каждую ночь и каждое утро, — с мрачной улыбкой сказала я. — Кто-то нарочно это делает. Это начинает меня пугать, Адам.

— Возможно, какой-нибудь технический сбой, — сказал он. — Или кто-то хочет поговорить с прежним жильцом. Так что там она говорила?

— Расспрашивала о тебе, — ответила я. Адам хмыкнул. Я поцеловала его, сначала слегка прикусив его пухлую нижнюю губу, потом чуть-чуть сильнее. — Еще она сказала, что я должна этим наслаждаться. Пока мне не нанесут настоящую рану.

Рука, которая ласкала мне спину, внезапно прижала меня к кровати. Я ощутила, как губы Адама шепнули мне на ухо:

— Я сегодня купил крем. Я не хочу ранить тебя. Я просто хочу сделать тебе больно.

## Глава 11

— Не двигайся. Оставайся так, как лежишь. — Адам стоял в ногах кровати, глядя на меня через видоискатель «Поляроида». Я смущенно глядела на него. Я лежала поверх простыни, голая. Под одеялом были только ступни. Зимнее солнце слабо пробивалось сквозь задернутые тонкие шторы.

— Я опять уснула? Ты уже давно стоишь?

— Не двигайся, Элис. — От вспышки у меня на мгновение перед глазами забегали круги, послышалось жужжание, и появилась пластиковая карточка, словно камера показала мне язык.

— По крайней мере ты не понесешь проявлять пленку.

— Заложи руки за голову. Вот так. — Он подошел и убрал волосы с моего лица, затем снова отступил. Он был полностью одет, вооружен камерой, на лице выражение невозмутимой собранности. — Раздвинь немного ноги.

— Мне холодно.

— Я скоро тебя согрею. Потерпи.

Камера снова ярко вспыхнула.

— Для чего это тебе?

— Для чего? — Он отложил фотоаппарат и присел рядом со мной. Два снимка лежали около меня на кровати. Я смотрела, как на них проявляется мое изображение. Фотографии показались жестокими по отношению ко мне, кожа выглядела воспаленной, какой-то бледной, покрытой пятнами. Мне вспомнились полицейские фотографии в фильмах, работающие на месте преступления, но я постаралась отогнать эту мысль. Он взял мою руку, которая по-прежнему была послушно заложена за голову, и приложил ее к своей щеке.

— Просто мне так захотелось. — Он уткнулся губами в мою ладонь.

Зазвонил телефон, и мы посмотрели друг на друга.

— Не поднимай трубку, — сказала я. — Это опять он.

— Он?

— Или она.

Мы подождали, пока телефон не замолкнет.

— А если это Джейк? — сказала я. — Вдруг это он все время звонит.

— Джейк?

— А кто еще может быть? Ты говоришь, что раньше звонков не было и они начались после того, как здесь поселилась я. — Я посмотрела на него. — Или, может быть, это какой-нибудь приятель?

Адам пожал плечами.

— Может, и так, — сказал он и снова взялся за камеру, но я быстро села.

— Мне пора вставать, Адам. Ты не мог бы принести обогреватель?

Квартира, верхний этаж высокого дома викторианской постройки, была оборудована по-спартански. В ней не было центрального отопления и лишь необходимая мебель. Моя одежда занимала один угол в большом потемневшем шкафу, а вещи Адама были сложены в углу спальни, все еще не распакованные. Ковры были потертыми, шторы тонкими, а на кухне над маленькой плитой висела лампочка без абажура. Мы редко готовили и каждый вечер ели в маленьких, слабо освещенных ресторанчиках, прежде чем вернуться на высокую кровать к горячим объятиям. Я почти ослепла от страсти. Все казалось расплывчатым, нереальным — все, кроме меня и Адама. До сегодняшнего дня я была хозяйкой самой себе, планировала свою жизнь и точно знала, что собираюсь делать. Никакие связи никогда не сбивали меня с пути. Теперь же я ощущала себя беспомощной, потерянной. Я бы бросила все ради того, чтобы почувствовать его руки на своем теле. Иногда, в ранние утренние часы, просыпаясь первой и лежа как неприкаянная в постели незнакомца, пока он еще пребывал в таинственном мире снов, или уходя с работы, когда я еще не видела Адама и не чувствовала его неистощимого восторга, я пугалась. Полное растворение в другом человеке.

Этим утром я пострадала. В зеркало в ванной комнате я увидела, что по моему лицу вниз сбегают слезы, а губы распухли. Адам зашел в ванную и встал позади меня. Наши глаза встретились в зеркале. Он облизал палец и провел им по моему лицу. Я завернулась в одежду и повернулась к нему.

— Кто был до меня, Адам? Нет, не нужно просто пожимать плечами. Я серьезно.

Он минуту помолчал, словно взвешивая возможные варианты.

— Давай договоримся, — проговорил он. Эти слова прозвучали ужасно официально, но в тот момент я считала, что так и должно быть. Обычно детали чьих-то прежних любовных походов всплывают в ночных исповедях, после занятий любовью, в виде кусочков информации, которые служат знаками близости или доверия. У нас такого не было. Адам протянул мне куртку. — Мы устроим по дороге поздний завтрак, потом мне нужно будет пойти кое-что прикупить. А затем, — он открыл дверь, — мы опять встретимся здесь, и ты сможешь рассказать мне, кто был у тебя, а я расскажу о тех, кто был у меня.

— Обо всех?

— Обо всех.

\* \* \*

— ...а до него был Роб. Роб был графиком-дизайнером, он считал себя художником. Он был намного старше меня, и у него была дочь от первой жены. Он был довольно тихим, но...

— Что вы делали?

— Что?

— Что вы с ним делали?

— Ну, знаешь, кино, пабы, прогулки...

— Ты понимаешь, о чем я.

Я понимала, о чем он спрашивает, конечно, понимала.

— Боже, Адам. Было по-разному, как ты понимаешь. Это было много лет назад. Детали я уже не помню... — Ложь, конечно.

— Ты его любила?

Я с тоской вспомнила доброе лицо Роба, некоторые приятные моменты. Я боготворила его — по крайней мере какое-то время.

— Нет.

— Продолжай.

Это начинало тревожить. Адам сидел передо мной, нас разделял стол. Он сцепил пальцы, глаза неотрывно смотрели на меня. Мне всегда было трудно говорить о сексе, не говоря уже об этом допросе.

— Был Лоуренс, но с ним продолжалось недолго, — промямлила я. — Лоуренс был смешным и совершенно безнадежным.

— Ну?

— И Джо, с которым я когда-то работала.

— Вы сидели в одном кабинете?

— Что-то вроде того. Но нет, Адам, мы не занимались этим на ксероксе.

Я нехотя продолжала свой рассказ. Я ожидала, что это будет взаимная эротичная исповедь, которая закончится в постели. Однако все превращалось в холодный, сухой рассказ о мужчинах, имевших и не имевших для меня значение в смысле, о котором я не хотела говорить Адаму за этим столом.

— А до того была школа и университет, ну, ты понимаешь... — закончила я. Мысль о том, что придется вспоминать довольно короткий список парней и одну ночь, проведенную в пьяном беспамятстве, была отвратительна. Я глубоко вздохнула. — Что ж, если тебе так хочется. Майкл. Потом Гарет. И Саймон, с которым я встречалась полтора года, и еще мужчина по имени Кристофер, с которым мы переспали один раз. — Он посмотрел на меня. — Еще один мужчина, чье имя я так и не узнала, с ним мы занимались любовью на вечеринке, на которую я не хотела идти. Вот.

— Это все?

— Да.

— Значит, с кем ты трахнулась впервые? Сколько тебе тогда было лет?

— По сравнению со своими приятелями я была старушкой. Это Майкл, тогда мне было семнадцать.

— Как это было?

Этот вопрос почему-то меня не смутил. Возможно, потому, что все было так много лет назад и девушка, которой я была, казалась незнакомкой для женщины, которой я стала.

Это было изумительно. Странно. Захватывающе.

— Ужасно, — ответила я. — Больно и неприятно.

Он навалился на стол, но не прикоснулся ко мне.

— Тебе всегда нравилось заниматься любовью?

— Гм, не всегда.

— Тебе когда-нибудь приходилось притворяться?

— Каждой женщине приходилось.

— А со мной?

— Никогда. Господи, нет.

— Трахнемся сейчас? — Он по-прежнему сидел поодаль от меня, выпрямившись на неудобном стульчике.

Я выдавила из себя смешок.

— Нет уж. Теперь твоя очередь.

Он вздохнул, откинулся и начал загибать пальцы, вспоминая свои романы, словно счетовод.

— Перед тобой была Лили, с которой я познакомился прошлым летом. До нее я пару лет встречался с Франсуазой. До нее была... э-э...

— Так сложно вспоминать? — насмешливо спросила я, но голос мой подрагивал. Я надеялась, что он не заметит.

— Нет, не сложно, — возразил он. — Лайза. А до Лайзы была девушка по имени Пенни. — Последовала пауза. — Неплохая альпинистка.

— Сколько времени у тебя продолжалась связь с Пенни? — Я ожидала длинного перечня побед, а не тщательно составленного списка серьезных романов. Я почувствовала, как у меня в душе растет паника.

— Восемнадцать месяцев, где-то так.

— Ого. — Мы посидели в тишине. — Ты был им верен? — заставила я себя спросить. На самом деле я хотела спросить, были ли все его девушки красивыми, красивее, чем я.

Он посмотрел на меня через стол.

— Да что ты. Они не были единственными в своем роде.

— Сколько раз ты им изменял?

— Ну, встречался с другими...

— Сколько раз?

Он нахмурился.

— Давай же, Адам. Один, два, двадцать, сорок или пятьдесят раз?

— Примерно.

— Примерно сорок или пятьдесят?

— Элис, иди ко мне.

— Нет! Нет... это... я чувствую себя ужасно. Мне подумалось, а чем я лучше их? — Мысль поразила меня. — Ты не...

— Нет! — резким голосом ответил он. — Господи, Элис, неужели ты сама не видишь? Неужели не чувствуешь? Сейчас у меня, кроме тебя, никого нет.

— Откуда мне знать? — Я поняла, что кричу. — У меня такое ощущение, что я опоздала на вечеринку! — Его жизнь была наполнена женщинами. У меня не было ни единого шанса.

Он поднялся, обошел столик. Поднял меня со стула и взял в ладони мое лицо.

— Ты же знаешь, Элис, ведь так?

Я потрясла головой.

— Элис, посмотри на меня. — Он заставил меня поднять глаза и заглянул в них, глубоко-глубоко. — Элис, ты будешь мне доверять? Сделаешь для меня кое-что?

— Смотря что, — надулась я, словно капризный ребенок.

— Подожди, — сказал он.

— Где?

— Здесь, — сказал он. — Я вернусь через минуту.

Правда, он отсутствовал не минуту, а несколько минут.

Я едва успела допить чашку кофе, как прозвенел дверной звонок. У него есть ключ, сказала я себе и не пошла открывать, однако он не вошел, а позвонил еще раз. Тогда я вздохнула и спустилась вниз. Я открыла дверь, Адама не было. Внезапно раздавшийся гудок заставил меня подскочить от неожиданности. Я огляделась и увидела, что он сидит за рулем в машине какой-то старой непонятной марки. Я подошла, нагнулась к окну.

— Как тебе?

— Это наша? — спросила я.

— На сегодня. Садись.

— Куда мы поедем?

— Доверься мне.

— Ладно уж. Мне запереть дом?

— Я запрю. Мне еще нужно кое-что взять.

Я вполне серьезно подумывала о том, чтобы не послушаться, но все-таки подошла к пассажирскому месту и села в машину. Тем временем Адам вбежал в дом и минуту спустя снова появился.

— Зачем ты ходил?

— За кошельком, — ответил он. — И за этим. — Он бросил на заднее сиденье «Поляроид».

«О Боже...» — подумала я, но ничего не сказала.

\* \* \*

Я бодрствовала достаточно долго, чтобы заметить, что мы выехали из Лондона по дороге M1, но потом, как всегда в машине, я уснула. Когда на мгновение открыла глаза, то увидела, что мы съехали с шоссе на заросший кустарником пустынный проселок.

— Где мы? — спросила я.

— Это таинственное путешествие, — с улыбкой проговорил Адам.

Я снова провалилась в полузабытье, а когда окончательно проснулась, то заметила старинную саксонскую церковь, возвышавшуюся у дороги среди местности, в остальном ничем не примечательной.

— Эадмунд, который пишется с буквой "а", — сонно проговорила я.

— Он потерял голову, — раздался рядом со мной голос Адама.

— Что?

— Он был королем англосаксов. Викинги захватили его, убили, потом разрубили на куски и разбросали части его тела по всей округе. Подданные не могли отыскать своего короля, и тут произошло чудо. Голова стала кричать: «Я здесь», пока ее не нашли.

— Если бы так же поступали связки ключей. У меня часто возникает желание, чтобы ключи от дома тоже кричали: «Я здесь», — тогда мне не приходилось бы каждый раз выворачивать карманы, чтобы их отыскать.

У развилки дороги стоял богато украшенный и увенчанный орлом памятник времен войны, посвященный летчикам королевских ВВС. Мы свернули направо.

— Вот мы и на месте, — сказал Адам.

Он съехал на обочину и выключил двигатель.

— На каком? — поинтересовалась я.

Адам взял с заднего сиденья камеру.

— Пойдем, — сказал он.

— Мне нужно было захватить ботинки.

— Нам нужно пройти всего пару сотен ярдов.

Адам взял меня за руку, и мы пошли по тропинке прочь от дороги. Потом свернули с тропинки к группе деревьев и стали подниматься по склону холма, скользкого от опавших листьев. Адам был молчалив и задумчив. Я чуть не вздрогнула, когда он заговорил.

— Несколько лет назад я поднимался на К-2, — сказал он. Я кивнула и пробормотала что-то утвердительное, но он, казалось, был погружен в свои мысли. — Многие из великих, по-настоящему великих альпинистов так и не смогли этого сделать, многие великие альпинисты погибли, пытаясь это сделать. Стоя на вершине, я понимал разумом, что это почти наверняка станет моим самым большим достижением как альпиниста, но ничего не чувствовал. Смотрел вокруг, и... — Он сделал пренебрежительный жест. — Я оставался там в течение пятнадцати минут, поджидая Кевина Дойла. Я рассчитывал время, проверял снаряжение, распределял в уме запасы продуктов, обдумывал путь вниз. Поэтому, даже когда я осматривался вокруг, вершина представлялась просто проблемой, которую нужно решить.

— Так ради чего ты это делаешь?

Он нахмурился.

— Нет, ты меня не поняла. Гляди. — Мы выходили из кусти деревьев на покрытое травой пространство, почти вересковую пустошь. — Вот мой любимый пейзаж. — Он обнял меня. — Я здесь уже однажды бывал и думаю, что это один из самых красивых уголков, которые я видел. Мы находимся на одном из самых населенных островов на земле, но вот мы на клочке травы, лежащем в стороне от троп, путей, дорог. Взгляни на это моими глазами, Элис. Посмотри вниз. Церковь, которую мы проехали, так уютно вписывается в местность, словно сама выросла. И посмотри на поля, которые расположены ниже ее, но словно замыкаются вокруг нее: стол из зеленых полей. Подойди и встань тут, у куста боярышника.

Адам аккуратно установил меня на месте, а сам, поглядывая на меня, принялся озирать окрестности, словно стараясь определить точное местоположение. Я ничего не понимала и пребывала в смущении. Как это все связано с десятками его измен?

— И вот здесь ты, Элис, моя единственная любовь, — проговорил он, отойдя назад и разглядывая меня, словно роскошное украшение, которое он выставил в витрине. — Тебе известна история о том, что все мы разделены надвое и всю жизнь заняты поиском своей второй половины. Каждый наш роман, как бы глупо и тривиально это ни звучало, несет в себе частицу надежды на то, что это, быть может, и есть твоя вторая половина. — Его глаза вдруг потемнели, будто поверхность озера, когда на солнце набегае облако. Я поежилась, стоя у куста боярышника. — Они могут заканчиваться очень плохо, так как появляется чувство, что тебя предали. — Он огляделся по сторонам, потом взглянул на меня. — Но с тобой, я знаю...

Я почувствовала, что мне стало трудно дышать, глаза повлажнели.

— Не двигайся, я хочу тебя сфотографировать.

— Господи, Адам, не будь таким странным. Просто поцелуй меня, обними меня.

Он покачал головой и поднес «Поляроид» к лицу.

— Мне хотелось сфотографировать тебя здесь, на этом месте, в тот момент, когда я предложу тебе стать моей женой.

Сверкнула вспышка. Я почувствовала, что меня не держат ноги. Я опустилась на влажную траву, он подбежал и обнял меня.

— С тобой все в порядке?

Была ли я в порядке? Во мне возникло ощущение ни с чем не сравнимой радости. Я поднялась, засмеялась и поцеловала его в губы — крепко, как обещание.

— Это означает «да»?

— Конечно, да, дурачок. Да. Да, да, да.

— Смотри, — сказал он, — вот и она.

И в самом деле, появилась фотография, где я стояла с открытым ртом и

выпученными глазами, изображение становилось все четче, цвета глубже, линии резче.

— Вот, — сказал он, передавая фотографию мне. — Всего мгновение, но это тоже обещание. Навсегда.

Я взяла снимок и положила его в сумочку.

— Навсегда, — сказала я.

Адам взял меня за запястье с настойчивостью, которая напугала меня.

— Это правда, Элис? Я отдавал себя и прежде. И обманывался. Потому и привез тебя сюда, чтобы мы могли дать друг другу обет. — Он пристально посмотрел мне в глаза, словно угрожая. — Этот обет важнее любой женитьбы. — Он смягчился. — Я не вынесу, если потеряю тебя. Никогда тебя не отпущу.

Я обняла его. Гладила по голове и целовала его губы, глаза, щеки и впадинку на шее. Я говорила, что принадлежу ему, а он мне. Я ощущала у себя на коже его слезы, горячие и соленые. Моя единственная любовь.

## Глава 12

Я написала матери. Для нее это будет большим сюрпризом. Сообщила только, что мы расстались с Джейком. Прежде я даже не упоминала об Адаме. Я написала письмо и Джейку, пытаюсь подобрать точные слова. Мне не хотелось, чтобы он услышал об этом от кого-то другого. Я познакомилась со многими друзьями и коллегами Адама — людьми, с которыми он ходил в горы, с кем делил палатку, кочевал, рисковал жизнью, — и где бы мы ни были, я всегда ощущала на себе оценивающий взгляд Адама, от которого зудела кожа. Я ходила на работу, сидела за своим столом, разомлевшая от воспоминаний и от предвкушения предстоящего удовольствия, готовила какие-то бумаги, присутствовала на совещаниях. Я собиралась позвонить Сильвии, Клайву и даже Полин, но почему-то все время откладывала. Теперь нам почти каждый день звонили и молчали. Я привыкла держать трубку на некотором удалении от уха, слушая хриплое дыхание на другом конце провода, а потом без слов, опускать ее на рычаг. Однажды нам в почтовый ящик засунули мокрые листья вперемешку с землей, но мы на это также не обратили внимания. Если время от времени я начинала тревожиться, то беспокойство тут же тонуло в вихре других эмоций.

Я открыла, что Адам великолепно готовит карри. Что телевизор ему докучает. Что ходит он очень быстро. Что он с большой тщательностью ремонтирует одежду — ее было совсем немного, — которую носит. Что он любит небольшие порции солодового виски, хорошее вино и пиво и ненавидит жареные бобы, костлявую рыбу и картофельное пюре. Что его отец еще жив. Что он не читает романы. Что он почти в совершенстве знает испанский язык и говорит на ломаном французском. Что он умеет вязать узлы одной рукой. Что прежде он боялся замкнутых пространств, пока не излечился от этого, проведя шесть дней в палатке в ложбине глубиной два фута на склоне Аннапурны. Что он не нуждается в том, чтобы спать долго. Что отмороженные ноги временами дают о себе знать. Что он любит кошек и певчих птиц. Что у него всегда теплые руки, как бы холодно ни было на улице. Что он не плакал с двенадцати лет, когда умерла его мать, до того дня, когда я согласилась выйти за него замуж. Что он не любит, когда крышки лежат отдельно от посуды и когда остаются открытыми ящики в шкафу. Что он по меньшей мере дважды в день принимает душ и подстригает ногти по несколько раз в неделю. Что он постоянно таскает в кармане бумажные носовые платки. Что он может удерживать меня одной рукой. Что он редко улыбается, смеется. Я просыпалась, а он лежал рядом и смотрел на меня. Я позволяла ему себя фотографировать. Позволяла смотреть на меня, когда принимала ванну, сидела в туалете, делала макияж. Я позволяла ему

привязывать себя. Наконец я почувствовала, что меня словно вывернули наизнанку и весь мой внутренний мир, все, что принадлежало только мне, вылезло наружу. Я думала, что очень, очень счастлива, но если это было счастье, значит, никогда прежде я не была счастлива.

\* \* \*

В четверг, через четыре дня после того, как Адам предложил мне стать его женой, и спустя три с того дня, как мы побывали в конторе мэрии, чтобы объявить о своем желании вступить в брак, заполнить необходимые формы и заплатить деньги, мне на работу позвонил Клайв. Я не видела Клайва и не разговаривала с ним с посещения боулинга в тот день, когда ушла от Джейка. Он вежливо и официально поинтересовался, не хотим ли мы с Адамом прийти на вечеринку по случаю тридцатилетия Гэйл. Она состоится завтра, в пятницу, в девять часов, будет угощение и танцы.

Я заколебалась.

— А Джейк будет?

— Да, конечно.

— А Полин?

— Да.

— Они знают, что ты приглашаешь меня?

— Я не стал бы тебе звонить, не обсудив это сначала с ними.

Я глубоко вздохнула:

— Говори адрес.

Я не думала, что Адам захочет пойти, но он меня удивил.

— Конечно, если для тебя это важно, — спокойно, как всегда, сказал он.

Надела платье, которое он мне купил, шоколадно-коричневое из бархата, с длинными рукавами, глубоким вырезом и косой обвивающей юбкой. Впервые за несколько недель я нарядилась. Я поняла, что с того момента, как появился Адам, я ненормально мало обращала внимание на то, что ношу, как выгляжу. Я стала тоньше и бледнее, чем раньше. Мои волосы нуждались в стрижке, а под глазами залегли едва заметные тени. Тем не менее, изучив себя в зеркале перед выходом, я почувствовала, что стала по-своему, по-новому более красивой. Или, может, просто заболела или сошла с ума.

\* \* \*

Квартира Гэйл находилась в большом старом доме на Финсбери-парк. Когда мы приехали, свет горел во всех окнах. Даже с тротуара можно было слышать музыку и смех и наблюдать фигуры людей за раздвинутыми шторами. Я сжала руку Адама.

— Ты думаешь, это хорошая идея? Может, нам не следует идти?

— Давай зайдем ненадолго. Ты встретишься со всеми, кто тебе нужен, потом мы сможем уйти и где-нибудь поесть.

Дверь открыла Гэйл.

— Элис! — Она бурно расцеловала меня, словно мы были старыми подругами, потом принялась изучать Адама, будто не имела представления, кто это такой.

— Адам, это Гэйл. Гэйл, Адам.

Адам ничего не сказал, только взял ее руку и немного подержал в ладони. Она посмотрела на него.

— Сильвия была права. — Она захихикала. Она уже была пьяна.

— С днем рождения, Гэйл, — сухо сказала я, именинница с трудом вновь перевела взгляд на меня.



Комната была полна народу, все держали в руках рюмки с вином или банки с пивом. В углу, вцепившись в свои инструменты, расположился ансамбль музыкантов, но они не играли. Вместо этого музыка гремела из стереопроигрывателя. Я взяла со стола две рюмки, Адаму и себе, плеснула в них немного вина, потом огляделась. Джейк стоял у окна и беседовал с высокой женщиной в поразительно короткой кожаной юбке. Он не заметил, как я вошла, или притворился, что не заметил.

— Элис.

Я обернулась.

— Полин. Рада тебя видеть. — Я придвинулась к ней и поцеловала в щеку, но она не ответила мне. Я смущенно представила Адама.

— Я догадалась, — сказала она.

Адам взял ее под руку и отчетливо проговорил:

— Полин, жизнь слишком коротка, чтобы терять друзей.

Она выглядела ошеломленной, но по крайней мере не утратила дар речи. Я двинулась от них в сторону Джейка. Я должна была с этим покончить. Он уже заметил меня. Он по-прежнему разговаривал с высокой женщиной в юбке, но смотрел на меня. Я подошла.

— Привет, Джейк, — сказала я.

— Привет, Элис.

— Ты получил мое письмо?

Женщина оставила нас одних. Джейк улыбнулся мне и проговорил:

— Боже, как все непросто. Трудно остаться снова одному. Да, я получил твое письмо. По крайней мере ты не стала говорить: «Надеюсь, что мы сможем остаться друзьями».

Я увидела, что Адам в дальнем конце комнаты беседует с Сильвией и Клайвом. Полин была по-прежнему рядом с ним, а он по-прежнему держал ее под руку. Я обратила внимание, как все женщины таращатся на него, понемногу подвигаются к нему поближе, и ощутила укол ревности. Но потом он поднял глаза, наши взгляды встретились, и на его лице появилась смешная кривая усмешка.

Джейк перехватил мой взгляд.

— Теперь мне понятно, почему ты вдруг заинтересовалась литературой об альпинизме, — с горькой улыбкой сказал он. Я не ответила. — Я ощущаю себя полным идиотом. Все происходило у меня под носом, а я и не догадывался. Ах да, мои поздравления.

— Что?

— Когда это произойдет?

— А-а. Через две с половиной недели. — Он поморщился. — Да, и чего ради долго ждать?.. — Я замолчала. Мой голос звучал слишком звонко и радостно. — У тебя все в порядке, Джейк?

Теперь Адам разговаривал только с Сильвией. Он стоял ко мне спиной, а она смотрела на него с так хорошо мне известным восторженным выражением на лице.

— Тебя это больше не касается, — проговорил Джейк немного дрожащим голосом. — Можешь мне кое-что сказать? — Я заметила, что его глаза наполнились слезами. Словно с моим уходом на свет появился новый Джейк — тот, который утратил свою спокойную веселость и насмешливость; который мог запросто расплакаться.

— Что? — Я поняла, что Джейк немного навеселе. Он наклонился ко мне так, что я ощутила на щеке его дыхание.

— Если бы, ну, не он, ты осталась бы со мной и?..

— Элис, нам пора. — Адам сзади обнял меня обеими руками и прижался щекой к моим волосам. Он слишком крепко обнял меня. Я едва могла дышать.

— Адам, это Джейк.

Мужчины не произнесли ни слова. Потом Адам отпустил меня и протянул руку. Джейк сначала не пошевелился; потом с озадаченным видом протянул свою. Адам кивнул.

Мужчина мужчине. Я едва смогла подавить смешок, который пытался вырваться из горла.

— До свидания, Джейк, — смущенно проговорила я. Я едва не поцеловала его в щеку, но Адам отвел меня в сторону.

— Пойдем, любовь моя, — сказал он, уводя меня из комнаты. Я слегка махнула Полин и вышла.

На улице Адам остановился и повернул меня к себе.

— Довольна? — сказал он и безжалостно поцеловал меня. Я просунула руки ему под куртку, под рубашку и прижалась к нему. Когда я оторвалась от него, то увидела Джейка, который все еще стоял у окна и смотрел на улицу. Наши взгляды встретились, он не шелохнулся.

## Глава 13

Я постаралась, чтобы вопрос показался спонтанным, хотя много дней готовилась его задать, прорабатывала и перефразировала его в уме. Далеко за полночь мы лежали в кровати, уставшие, сплетаясь в темноте, и я почувствовала, что момент наступил.

— Твой друг Клаус, — сказала я. — Он пишет о том, что произошло на Чунга-как-ее-там. Никак не могу запомнить это название.

— Чунгават.

Больше он не сказал ничего. Пришлось его еще пошевелить.

— Он говорил, ты из-за этого на него дуешься.

— Правда?

— А ты дуешься? Не понимаю, в чем тут проблема. Дебора рассказывала мне, как ты себя вел, каким героем себя показал.

Адам вздохнул.

— Ничего я не показал... — Он помолчал. — Никакого героизма не было. Им не следовало там быть, большинству из них. Я... — Он сделал новую попытку. — На такой высоте, в тех обстоятельствах большинство людей, даже тренированных, имеющих опыт пребывания в других условиях, не способны выжить самостоятельно, если ситуация начнет выходить из-под контроля.

— Это твоя вина, Адам?

— Грег не должен был браться за организацию экспедиции, я не должен был идти с ними. Остальные не должны были и мысли допускать, что может быть простой вариант подъема на вершину, подобную той.

— Дебора говорила, что Грег разработал совершенно безопасный способ их проводки на гору.

— Идея была. Потом началась буря, Грег и Клод сломались, и план не сработал.

— Почему?

В его голосе послышалось раздражение. Ему не нравилась моя настойчивость, но я не собиралась отступать.

— Из нас не получилось команды. Только один из клиентов прежде бывал в Гималаях. Они не могли общаться. Тот парень из Германии, Томас, едва мог, черт возьми, связать два слова по-английски.

— А тебе, просто из любопытства, разве не интересно узнать, что Клаус собирается сказать в своей книге?

— Я знаю, что он собирается сказать.

— Откуда?

— У меня есть экземпляр.  
— Ну! Ты читал? — спросила я.  
— Просмотрел, — почти с презрением бросил он.  
— А я думала, книга еще не опубликована.  
— Она еще и не опубликована. Клаус прислал мне один из этих сырых, ранних экземпляров... как они называются?  
— Сигнальные. Книга у тебя здесь?  
— Где-то в сумке.  
Я стала целовать ему грудь, живот, потом ниже, пока не насытилась им.  
— Я хочу ее прочесть. Ты ведь не против, правда?

\* \* \*

Я сделала для себя правилом никогда не пытаться сравнивать Адама с Джейком. Это казалось последней слабой попыткой сохранить верность Джейку. Но иногда это у меня получалось само собой. Джейк никогда не делал ничего просто так, никогда не выходил за дверь просто так. Он был слишком предусмотрителен и внимателен. Он всегда просил у меня разрешения, сообщал или планировал это загодя и, наверное, спрашивал, не пойду ли я с ним или что я собираюсь делать. Адам был совершенно другим. Большую часть времени он был полностью поглощен мной, горел желанием прикоснуться ко мне, целовать, спать со мной или просто смотреть на меня. В другое время он конкретно договаривался со мной, где и когда мы снова увидимся, хватал куртку и исчезал.

На следующее утро он был уже в дверях, когда я вспомнила.

— Книга Клауса, — сказала я. Он нахмурился. — Ты обещал.

Он, не сказав ни слова, прошел в нежилую комнату, и я услышала, что он занялся поисками. Он появился, держа в руках книгу в мягкой светло-голубой обложке, и бросил ее на диван, где я сидела. Я взглянула на обложку: «Хребет вздохов». Клаус Смит.

— Это всего лишь точка зрения одного человека, — сказал он. — Значит, встретимся в «Пеликане» в семь.

И ушел, простучав каблуками по ступеням. Я, как всегда, подошла к окну, чтобы посмотреть, как он выходит из подъезда и переходит дорогу. Он остановился, обернулся и посмотрел вверх. Я послала ему воздушный поцелуй, он улыбнулся и пошел дальше. Я вернулась на диван. Полагаю, у меня была мысль немного почитать, приготовить кофе, принять ванну, однако я три часа не смогла сойти с места. Сначала я шелестела страницами в поисках любимого имени и находила его, искала фотографии, но их не было, так как их должны были поместить лишь в основном тираже. Потом я вернулась к началу, к самой первой странице.

Книга посвящалась участникам экспедиции на гору Чунгават 1997 года. Под посвящением стояла цитата из старой, тридцатых годов, книги об альпинизме: «Давайте мы, те, кто живет там, где воздух насыщен и разум ясен, подумаем, прежде чем станем судить о людях, которые пробираются в страну чудес, в зеркальное королевство на крыше мира».

Зазвонил телефон, несколько секунд я слушала молчание, потом положила трубку. Иногда мне удавалось убедить себя, что я узнаю дыхание, что на другом конце провода находится знакомый человек. Однажды я осторожно спросила: «Джейк?», чтобы услышать какой-нибудь ответ, хотя бы вздох. В этот раз мне было совершенно безразлично: хотелось уединиться с «Хребтом вздохов».

В книге говорилось, что более двадцати пяти миллионов лет назад Гималайские горы (которые «моложе дождевых лесов Бразилии») поднялись складками из-за медленного движения на север пракоинтерконтинента. Я быстро добралась до описания

закончившейся катастрофой британской экспедиции на гору Чунгават, которая была предпринята сразу после Первой мировой войны. Попытка покорить вершину не удалась — майор британской армии сорвался со скалы, увлекая за собой вниз троих спутников, и упал, как сухо поведал Клаус, с высоты трех тысяч метров с непальской территории на китайскую.

Я проглотила пару глав, в которых описывались экспедиции конца пятидесятих и шестидесятих годов, когда Чунгават впервые покорилась людям и потом по ней поднимались по разным маршрутам и разными способами, либо более простыми, либо более трудными, либо более живописными. Это не особенно заинтересовало меня, если не считать того, что внимание привлекли процитированные Клаусом слова «одного неизвестного американского альпиниста шестидесятих годов»: «Гора — как молоденькая цыпочка. Сначала вам хочется просто трахнуть ее, потом вы желаете трахнуть ее несколькими способами, а затем ищете другую. К началу семидесятих Чунгават была оттрахана со всех сторон и больше никого не привлекала».

Было очевидно, что Чунгават для признанных мастеров-альпинистов не представляла собой достаточного интереса с технической точки зрения, но она была красивой, о ней слагали стихи, был написан классический путеводитель, и именно это в начале девяностых годов заронило в голову Грегу Маклафлину его большую идею. Клаус упоминал беседу с Грегом в баре в Сиэтле, где Грег живописал групповые туры на восьмистысячники. Туристы, дескать, будут платить по тридцать тысяч долларов, а Грег и еще несколько профессионалов станут водить их на вершину одной из высочайших гор в Гималаях, с которой им откроется вид сразу на три страны. Грег думал, что станет Томасом Куком Гималаев, и у него был план, как этого добиться. В нем предусматривалось, что каждый проводник протянет по маршруту канаты, которые будут закреплены на колышках и за которые смогут держаться клиенты. Веревки будут протянуты по безопасному маршруту от лагеря к лагерю. За каждый отрезок маршрута, обозначенный канатом определенного цвета, будет отвечать один проводник, и останется только проверить, чтобы у клиентов было нужное снаряжение и чтобы они были надежно прикреплены к маршрутному канату. «Единственная опасность, — сказал он Клаусу, — заключается в том, что можно умереть от скуки». Они были старыми друзьями, и Грег предложил Клаусу вместе пойти в первую экспедицию и помочь в кое-каких организационных вопросах. Клаус не очень распространялся о собственных мотивах. У него с самого начала были сомнения, он с презрением отнесся к мысли превратить альпинизм в развлекательную прогулку, однако предложение принял, так как прежде не бывал в Гималаях.

Клаус довольно язвительно писал о своих спутниках по группе, среди которых были биржевой брокер с Уолл-Стрит и хирург-косметолог из Калифорнии. Но по поводу одного из участников он не язвил. Когда имя Адама появилось впервые, я ощутила волнение:

«Светлым пятном экспедиции был второй проводник Грега, Адам Таллис, долговязый симпатичный неразговорчивый англичанин. В свои тридцать лет Таллис уже один из самых замечательных альпинистов молодого поколения. Для моего спокойствия важно, что у него большой опыт восхождений в Гималайских и Каракорумских горах. Адам, мой давний друг, не из тех, кто бросает слова на ветер, но он явно разделял мои сомнения относительно всей идеи экспедиции. Разница наших положений заключалась в том, что, если все пойдет по незапланированному сценарию, проводникам пришлось бы ставить на кон свою жизнь».

\* \* \*

Потом во мне все снова перевернулось: Клаус описывал, как Адам предложил, чтобы его бывшая подруга, Франсуаза Коле, которая страстно мечтала принять участие в восхождении в Гималаях, отправилась с ними в качестве врача. Грег неохотно согласился взять ее как клиента, правда, с большой скидкой.

В книге было слишком много места уделено (с моей точки зрения) бюрократическим процедурам, спонсорству, соперничеству с другими альпинистами, предварительному пути по Непалу в предгорьях Гималаев. Но потом, словно откровение, впервые появилась гора Чунгават с печально известным хребтом Близнецы. Он вел вниз от седла, расположенного прямо под вершиной, разделяясь надвое и обрываясь с одной стороны пропастью (в которую сорвались британский майор и его спутники), с другой — спускаясь полого. Когда я читала, мне казалось, что я сама нахожусь там, ощущаю, как ярче становится свет, все разреженнее воздух. Вначале были элементы бесшабашности, тосты, молитвы верховному божеству. Клаус написал, что в одной из палаток занимались любовью, что развлекло и поразило шерпов, но тщательно утаил персонажей. Я подумала, уж не Адам ли влез в спальный мешок вместе с ней, кто бы она ни была — может, хирург-косметолог Кэрри Фрэнк. Я уже не сомневалась в том, что Адам спал практически со всеми, кто попадался ему на пути, это подразумевалось само собой. Например, с Деборой, врачом горной экспедиции, которая сейчас живет в Сохо. У нее в глазах было выражение, которое заставило меня подумать, что они, похоже, неплохо побезумствовали. По мере того как они поднимались вверх, от лагеря к лагерю, книга почти перестала быть книгой, а превратилась в лихорадочный сон, галлюцинацию, которой, читая, заражалась и я. Членов экспедиции ослепляла головная боль, они не могли есть, сгибались от желудочных спазмов, даже страдали дизентерией. Они спорили и переругивались. Грег Маклафлина отвлекали административные заботы, он разрывался между обязанностями проводника и оператора тура. За отметкой восемь тысяч метров все замедлилось. Здесь уже не нужно было карабкаться по скалам, но даже малейший подъем требовал огромных усилий. Члены экспедиции постарше тормозили движение остальных, это вызывало недовольство. И при всем том Грег мучила настоятельная потребность привести всех на вершину, чтобы доказать: такая форма туризма вполне жизнеспособна. Клаус писал, что руководитель экспедиции не просто был одержим идеей, но и постоянно бессвязно бормотал о том, что нужно спешить, чтобы добраться до вершины в окошко хорошей погоды в конце мая, прежде чем июнь принесет бури и беды. Потом, когда они разбили лагерь перед вершиной, мрачным, хмурым днем Клаус услышал, как спорят между собой Грег, Адам и Клод Брессон. В тот день сохранилась довольно сносная погода, и экспедиция тронулась вверх по хребту Близнецы по заранее отмеченному укрепленным шнуром маршруту, который проложили Грег и двое шерпов. Все было организовано, как выражался сам Грег, так просто, что с задачей могли справиться даже дети. Шнур Грега был красный, Клода — голубой, Адама — желтый. Клиентам был указан цвет их шнура и предложено идти по нему. После того как они перевалили через хребет и оказались всего в пятидесяти — по вертикали — метрах от вершины, Клаус, который вместе с Клодом замыкал движение своей группы, заметил тучи, зловеще наплывающие с севера. Он обратился к Клоду, тот не ответил. Теперь, вспоминая те события, Клаус не знал, был ли Клод настроен добраться до вершины любой ценой, был ли уже в тот момент болен или просто не услышал его. Они продолжали подъем. Примерно через полчаса погода испортилась, все вокруг покрылось мраком.

Оставшаяся часть книги, в которой описывалось, как он — больной, растерянный, испуганный — пережил произошедшую катастрофу, напоминала горячечный бред. Он ничего не видел и ничего не слышал; время от времени в снежной круговерти возникали и исчезали какие-то тени. Альпинисты пошли через

седловину к тому месту, где Клод, теоретически, проложил голубой шнур, который должен был вести их к вершине, но к тому времени уже в нескольких футах ничего не было видно и не слышно ни слова, если только не кричать на ухо. Единственный, кто сохранил ясность ума в этом хаосе, был Адам, его фигуру освещали вспышки молний. Он появлялся из снежной мути, двигаясь вниз, исчезая и снова возникая. Он был везде, поддерживал связь, выводил клиентов к сравнительно защищенному месту на седловине. Главным в тот момент было спасти жизни Грега и явно свалившегося в болезни Клода. С помощью Клауса Адам почти стащил Клода в их последний лагерь. Потом Клаус и Адам вернулись и помогли спуститься Грегу. К этому времени Клаус сам изнемог от усталости, холода и жажды и свалился без чувств в палатке. Адам пошел назад на седловину, чтобы добраться до практически беспомощных клиентов. Он довел первую группу, в которую входили Франсуаза и еще четверо, до начала каната: они должны были на ощупь спускаться в лагерь. Адам оставил их и вернулся ко второй группе. Но когда он подвел ее к месту, укрепленного на склоне шнура уже не было. Его, видимо, сорвало ледяным ветром. Уже начало смеркаться, температура опустилась до пятидесяти градусов ниже нуля. Адам вернул свою вторую партию на седловину. Потом он в одиночку пошел вниз по хребту, чтобы добраться до своего шнура и поискать возможной помощи. Грег, Клод и Клаус были без сознания, и ни единого следа первой группы.

Тогда Адам вернулся наверх, проложил желтый канат и сам свел в лагерь вторую группу. Некоторым из ее членов требовалась срочная медицинская помощь, однако, закончив с ними, он снова вернулся на гребень, один, в темноте, чтобы поискать исчезнувших людей. Все оказалось бесполезно. Поздно ночью Клаус очнулся и, находясь в полубреду, решил, что исчез и Адам. Однако тот вполз в палатку и лишился чувств.

Первую партию удалось обнаружить на следующий день. Произошла трагически простая ошибка. В темноте и буряне, да еще при том, что веревки сорвало и унесло в пропасть, они поплелись по другой части хребта Близнецы, где безнадежно и окончательно заблудились, оказавшись на выдающейся в сторону гряде — той, которая обрывалась в пропасть. Тела Франсуазы Коле и клиента-американца Алексиса Хартуняна так и не удалось обнаружить. Должно быть, они сорвались в пропасть, пробиваясь назад к хребту или двигаясь к лагерю, который, как им казалось, находится перед ними. Остальные сбились во тьме в кучку и умирали медленно. Утром их нашли шерпы. Все были мертвы, писал Клаус, за исключением одного: еще одного американца, Пита Папуорта, который снова и снова произносил лишь одно душераздирающее слово: «Помогите». «Помогите. Помогите», — взывал, — писал Клаус, переживая боль человека, который проспал всю трагедию, — о помощи, которую никто ему оказать не мог".

Я дочитала последние страницы в смятении, почти не в силах дышать, потом легла на диван и, должно быть, проспала несколько часов.

Когда я проснулась, времени почти не оставалось. Я приняла душ и оделась. Поймала такси до «Пеликана», который находился в Холлэнд-парке, хотя пешком добралась бы быстрее. Однако в том состоянии, в каком тогда пребывала, я едва ли вообще нашла бы туда дорогу. Я заплатила водителю и вошла в ресторан. Были заняты только два столика. В одном углу сидел Адам с мужчиной и женщиной, которых я не узнала. Я прошла прямо к ним. Они удивленно посмотрели на меня.

— Простите, — сказала я остальным. — Адам, ты не мог бы выйти со мной на минутку?

Он насторожился:

— Что?

— Просто отойдем. Это очень важно. Займет всего секунду.

Он пожал плечами и, извиняясь, кивнул собеседникам. Я взяла его за руку и

вывела на улицу. Как только мы скрылись из поля зрения тех, кто был внутри, я повернулась к нему, взяла в ладони его лицо так, чтобы смотреть ему в глаза.

— Я прочла книгу Клауса, — сказала я. В его глазах загорелась тревога. — Я люблю тебя, Адам. Я так тебя люблю.

Я начала плакать, я ничего не видела, но почувствовала, как он обнял меня.

## Глава 14

— У дамы узкая ступня, мистер Таллис. — Он держал мою ногу, словно это был кусок глины, вертел ее в своих худых ладонях.

— Да, так позаботьтесь, чтобы в щиколотке они сидели плотно. Ей не нужны мозоли, договорились?

Мне прежде не доводилось бывать в таких магазинах, хотя я проходила мимо них и заглядывала в их тусклые, дорогие глубины. Я примеряла обувь, меня измеряли. Мои чулки — фиолетовые, истончившиеся — казались поношенными в таком обществе.

— И высокий подъем.

— Да, я обратил на это внимание. — Адам взял в руку другую мою ступню и принялся ее рассматривать. Я почувствовала себя лошадью, которую подковывают.

— Какого рода ботинки вы имеете в виду?

— Ну, так как я не...

— Для пересеченной местности. Достаточно высокие, чтобы поддерживать лодыжку. Легкие, — твердо проговорил Адам.

— Вроде тех, что я сшил для?..

— Да.

— Сшил для кого? — спросила я. Оба не обратили на меня внимания. Я вырвала у них свои ноги и встала.

— Я хочу забрать их к следующей пятнице, — сказал Адам.

— Это же день нашей свадьбы.

— Я и хочу забрать их к тому дню, — сказал он таким тоном, словно это было совершенно очевидно. — И мы сможем в уик-энд отправиться на прогулку.

— О-о, — проговорила я. Я представляла себе двухдневный «медовый месяц» в постели, с шампанским, копченой осетриной и горячими ваннами в промежутках между занятиями любовью.

Адам взглянул на меня.

— В воскресенье я участвую в демонстрационном восхождении в Лэйк-дистрикт, — коротко пояснил он. — Ты можешь пойти со мной.

— Очень соответствует положению жены, — сказала я. — Я имею право голоса?

— Ну давай. Мы спешим.

— Куда мы идем теперь?

— Скажу в машине.

— Какой машине?

Казалось, Адам жил на основе бартера. Его квартира принадлежала другу. Машина, которая была припаркована неподалеку, была собственностью его знакомого по восхождениям. Снаряжение хранилось на чердаках домов различных людей и в других местах. Я не понимала, как он все это может помнить. Было достаточно одного слова, чтобы он получил какую-нибудь случайную работу. И ему почти всегда оказывали услуги, чтобы отплатить за что-то, что он сделал в одной экспедиции или другой. Где-то он предотвратил обморожение, где-то вывел группу из тяжелого положения, где-то проявил хладнокровие во время лавины, кому-то помог в бурю, кому-то спас жизнь.

Теперь я старалась не думать о нем как о герое. Я не хотела быть замужем за

героем. Мысль об этом пугала, возбуждала меня и как-то неуловимо и любовно разделяла нас. Я понимала, что со вчерашнего дня, с тех пор как прочла книгу, смотрю на него другими глазами. Его тело, которое, как я полагала всего двадцать четыре часа назад, трахает меня, стало телом, которое выживало там, где никто другой выжить не мог. Его красота, которая соблазнила меня, теперь казалась чудесной. Он как ни в чем не бывало прошел через жидкий суп воздуха на трескучем морозе, избиваемый ветром и обжигаемый болью. Теперь, когда я обо всем узнала, все, что было связано с Адамом, заряжалось его безоглядной и спокойной храбростью. Когда он задумчиво смотрел на меня или прикасался ко мне, я не могла отделаться от мысли, что являюсь предметом страсти, чтобы завоевать который ему пришлось рискнуть собой. И я хотела быть завоеванной — в самом деле. Я хотела, чтобы меня захватили штурмом. Мне нравилось, когда он делает больно, нравилось сопротивляться, а потом сдаваться. Но что потом, когда я буду полностью нанесена на карту и объявлена покоренной? Что тогда будет со мной? Бредя по серой снежной каше к взятой на время машине всего за шесть дней до нашей свадьбы, я не могла не удивляться, как вообще могла прежде жить без одержимости Адама.

— Вот мы и пришли.

Машина оказалась древним черным «ровером» с мягкими кожаными сиденьями и симпатичной приборной доской под орех. Внутри пахло сигаретами. Адам открыл мне дверь, а потом сел за руль с таким видом, словно автомобиль принадлежал ему. Он включил зажигание и влился в поток машин, характерный для субботнего утра.

— Куда мы едем?

— Просто на запад Шеффилда, в Пик-дистрикт.

— Это что, волшебное, таинственное путешествие?

— Навестить моего отца.

\* \* \*

Дом был величественным и одновременно холодным, открытым из-за своего расположения в низине всем ветрам. Он был, думала я, безусловно, красивым, но сегодня мне хотелось уюта, а не суровой простоты. Адам остановил машину возле дома, рядом с ветхими надворными постройками. В воздухе медленно кружились крупные снежинки. Я ожидала, что откуда-нибудь выбежит собака и начнет на нас лаять или появится старый слуга, чтобы встретить нас. Но нас никто не встретил, и у меня возникло тревожное впечатление, что в доме вообще никого нет.

— Он нас ждет?

— Нет.

— Адам, а он вообще знает о нас?

— Нет, поэтому-то мы и здесь.

Он поднялся к двойной передней двери, тихо постучался и открыл ее.

Внутри было холодно и довольно темно. Прихожая представляла собой неприветливый квадрат полированного паркета с дедовскими напольными часами в углу. Адам взял меня за локоть и провел в гостиную, полную старых диванов и кресел. В конце комнаты виднелся камин, в котором, казалось, уже многие годы не разводили огонь. Я плотнее запахнула пальто. Адам снял с себя шарф и обвязал мне шею.

— Мы здесь не задержимся, дорогая, — сказал он.

Холодная кухня с каменным полом и отделанная деревом тоже была пуста, хотя на столе стояла тарелка с крошками и лежал нож. Столовая явно была одной из тех комнат, которыми пользуются раз в год. На круглом полированном столе и на строгом комодике красного дерева стояли новенькие свечи.

— Ты здесь вырос? — спросила я, поскольку не могла представить, что в этом доме когда-либо играли дети.



Адам кивнул и указал на черно-белую фотографию, стоявшую на каминной доске. Мужчина в мундире, женщина в платье и ребенок между ними стояли возле дома. Все выглядели хмурыми и официальными. Родители намного старше, чем я ожидала.

— Это ты? — Я взяла фотографию в руки и поднесла ее к свету, чтобы лучше разглядеть. Ему, должно быть, было лет девять, темные волосы и нахмуренные брови. Руки матери покоятся на его упрямых плечах. — Ты совсем не изменился, Адам, я бы тебя все равно узнала. Какая красивая была у тебя мама.

— Да. Она была красивой.

Наверху все комнаты были изолированными, все односпальные кровати были разобраны, подушки взбиты. На каждом подоконнике стояли букеты, сделанные из давным-давно засохших цветов.

— Где была твоя комната? — спросила я.

— Здесь.

Я осмотрелась: белые стены, желтое со сборками покрывало на кровати, пустой платяной шкаф, картина с унылым пейзажем, маленькое удобное зеркало.

— Но тебя здесь совсем нет, — сказала я. — Ни одного следа от тебя. — На лице Адама появилось легкое раздражение. — Когда ты уехал отсюда?

— Ты имеешь в виду навсегда? Думаю, в пятнадцать лет, хотя меня отправили в школу, когда мне было шесть.

— А куда ты поехал, когда тебе исполнилось пятнадцать?

— То туда, то сюда.

Я начала понимать, что прямыми вопросами от Адама было сложно добиться информации.

Мы вошли в комнату, которая, как сообщил Адам, принадлежала матери. На стене висел ее портрет, и — странная деталь — рядом с засохшими цветами была аккуратно выложена пара шелковых перчаток.

— Твой отец ее сильно любил? — спросила я Адама.

Он немного странно посмотрел на меня.

— Нет, не думаю. Смотри, вот и он.

Я подошла к окну, где стоял Адам. Очень старый мужчина шел по саду в сторону дома. Его седые волосы покрывал снег, плечи тоже белели снегом. На нем не было пальто. Он выглядел таким худым, что казался прозрачным, однако спину держал довольно прямо. У него в руке была палка, но похоже, он пользуется ею, чтобы разгонять белок, которые метались по ветвям старых буков.

— Сколько отцу лет, Адам?

— Около восьмидесяти. Я был поздним ребенком. Моей самой младшей сестре было шестнадцать, когда я родился.

\* \* \*

Отец Адама — полковник Таллис, как он велел мне себя называть, — показался мне тревожно-древним. Его кожа была бледной и тонкой. На руках проступили старческие пятна. Глаза, поразительно голубые, как у Адама, были мутными. Брюки висели на тощем теле. Он, казалось, нисколько не удивился, увидев нас.

— Это Элис, — сказал Адам. — В следующую пятницу я собираюсь жениться на ней.

— Добрый день, Элис, — произнес полковник. — Блондинка, а? Значит, сын мой, ты собираешься жениться. — Его взгляд показался мне почти злым. Потом он снова повернулся к Адаму. — Тогда налей мне немного виски.

Адам вышел из комнаты. Я не знала, что сказать старику, да и он не проявил никакого интереса к разговору со мной.

— Вчера я убил трех белок, — помолчав, вдруг объявил он. — При помощи капканов, знаете ли.

— Ого.

— Да, они паразиты. И плодятся все быстрее. Как кролики. Я застрелил шесть штук.

Адам вошел в комнату, в руках он нес три стакана с янтарной жидкостью. Дал один отцу, другой протянул мне.

— Выпей, и поедем домой, — сказал он.

Я выпила. Я не знала, сколько было времени, знала только, что на улице смеркается. Я не понимала, что мы здесь делаем, пожалуй, мне хотелось бы, чтобы мы вообще не приезжали, если бы не новый для меня образ Адама в детстве: одинокий, рядом с пожилыми родителями, в двенадцать лет потерявший мать, живший в огромном холодном доме. Что за жизнь у него была, когда он рос один с таким-то отцом? От виски у меня загорелось в горле и потеплело в груди, я целый день ничего не ела, и было понятно, что здесь тоже угощения ждать не приходится. Я осознала, что даже не сняла пальто. Что ж, здесь больше нечего делать.

Полковник Таллис тоже выпил свое виски, сидя на диване и не произнеся ни слова. Внезапно его голова откинулась назад, рот слегка приоткрылся, и оттуда вырвался скрипучий храп. Я взяла у него из руки пустой стакан и поставила на стол рядом.

— Пойдем, — сказал Адам. — Пойдем со мной.

Мы опять поднялись наверх в одну из спален. Бывшую комнату Адама. Он закрыл дверь и толкнул меня на узкую кровать. У меня поплыло в голове.

— Ты мой дом, — проговорил он хрипло. — Понимаешь? Мой единственный дом. Не шевелись. Не двигайся ни на дюйм.

Когда мы спустились вниз, полковник уже наполовину проснулся.

— Уже уезжаете? — спросил он. — Приезжайте еще.

\* \* \*

— Съешь еще пастушьего пирога, Адам.

— Нет, спасибо.

— Или салата. Пожалуйста, съешь еще салата. Я знаю, что приготовила слишком много. Всегда так трудно рассчитать количество, правда? Именно поэтому нужен холодильник.

— Нет, спасибо, больше никаких салатов.

Моя мать покраснела и на нервной почве стала говорливой. Отец, всегда молчаливый, не говорил почти ничего. Он сидел во главе стола и расправлялся с ленчем.

— Вина?

— Не нужно, спасибо.

— Элис, когда была маленькой, очень любила мой пастуший пирог, правда, дорогая? — Мама была в отчаянии. Я ей улыбнулась, но не смогла придумать, что ответить, потому что в отличие от нее, когда я нервничаю, напрочь теряю дар речи.

— Правда? — Лицо Адама неожиданно просветлело. — А что еще она любила?

— Меренги. — Мать с видимым облегчением вздохнула, она нашла тему для разговора. — Свиные шкварки. И еще мои ежевичные и яблочные пироги. Банановое пирожное... Она всегда была стройной, но вы даже не поверите, сколько она могла съесть.

— Очень даже верю.

Адам положил руку мне на колено. Я почувствовала, что краснею. Отец важно прокашлялся и открыл рот, чтобы что-то сказать. Рука Адама пробралась мне под

подол юбки и ласкала верхнюю часть бедра.

— Все кажется немного неожиданным, — объявил отец.

— Да, — поспешно согласилась мать. — Нам очень приятно, конечно, очень приятно, и я уверена, что Элис будет счастлива, к тому же это ее жизнь, и она сама знает, что делать. Однако мы думаем, к чему такая спешка? Если вы уверены друг в друге, почему бы не подождать, а потом...

Рука Адама переместилась выше. Его уверенный большой палец оказался у меня в промежности. Я сидела не шевелясь, сердце колотилось, все тело трепетало.

— Мы поженимся в пятницу, — сказал он. — Это внезапно оттого, что и любовь приходит внезапно. — Он довольно нежно улыбнулся матери. — Понимаю, что с этим непросто свыкнуться.

— И вы не хотите, чтобы мы пришли, — прочирикала она.

— Дело не в том, что мы не хотим, ма, но...

— Двое свидетелей с улицы, — спокойно произнес он. — Два незнакомых человека, так что на самом деле там будем только мы с Элис. Так нам хочется. — Адам повернулся ко мне всем корпусом, и я почувствовала себя так, будто он раздевает меня прямо перед родителями. — Правда?

— Да, — тихо согласилась я. — Да, мама.

\* \* \*

В моей бывшей спальне, музее моего детства, он брал в руки каждый предмет, словно ключ к разгадке. Пропуски в бассейн. Старый плюшевый медведь с оторванным ухом. Стопка потрескавшихся пластинок. Теннисная ракетка, по-прежнему стоящая в углу рядом с корзинкой для бумаг, которую я стащила в школе. Коллекция ракушек. Фарфоровая статуэтка, которую подарила бабушка, когда мне было шесть лет. Шкатулка, отделанная изнутри розовым шелком, где лежали одни бусы из бисера. Он зарылся лицом в мой старый махровый халат, который, как и раньше, висел на двери. Развернул школьную фотографию 1977 года и быстро нашел мое лицо, неуверенно улыбавшееся из второго ряда. Он нашел и снимок, где я была вместе с братом, когда нам было пятнадцать и четырнадцать лет, и стал внимательно его рассматривать, нахмурившись и отвернувшись от меня. Он прикасался ко всему, проводил пальцами по всем поверхностям. Он трогал пальцами мое лицо, изучая каждую морщинку, каждое пятнышко на нем.

Мы шли пешком вдоль реки, по заледеневшей глине, слегка касаясь друг друга руками, отчего у меня по позвоночнику пробегали электрические разряды. Ветер дул в лицо. Мы, как по команде, остановились и стали смотреть на медленную коричневую воду, в которой мерцали пузырьки, появлялись частицы мусора и неожиданные чмокающие водовороты.

— Теперь ты моя, — сказал он. — Моя собственная любовь.

— Да, — сказала я. — Да. Я твоя.

\* \* \*

Полусонные, мы вернулись домой в воскресенье поздно вечером. Когда мы вошли, я ощутила что-то на коврике под ногой. Это был коричневый конверт без имени и адреса. На нем было только написано «Квартира 3». Наша квартира. Я открыла конверт и достала оттуда листок бумаги. На нем было начертано толстым фломастером: «Я ЗНАЮ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ».

Я передала листок Адаму. Он взглянул на него и скорчил рожу.

— Надоело звонить по телефону, — сказала я.

Я привыкла к звонкам, раздававшимся днем и ночью, к молчанию в трубке. Это

показалось совсем другим делом.

— Кто-то приходил сюда, — сказала я. — Просунул это под дверь.

Адама, казалось, это не смутило.

— Так поступают агенты по недвижимости, не правда ли?

— Может, стоит позвонить в полицию? Просто смешно терпеть это и ничего не предпринимать.

— И что мы скажем? Что кто-то знает, где мы живем?

— Мне кажется, что обращаются к тебе.

Лицо Адама стало серьезным.

— Надеюсь, что так.

## Глава 15

Я взяла на работе недельный отпуск.

— Нужно подготовиться к свадьбе, — со значением сообщила я Майку, хотя готовить, собственно, было нечего.

Мы собирались сочетаться браком утром, в ратуше, которая походила на дворец диктатора вроде Сталина. Я надена бархатное платье, которое мне купил Адам («И ничего под него», — проинструктировал он меня), и мы зазовем двух прохожих с улицы в качестве свидетелей на церемонии. В полдень поедем в Лэйк-дистрикт. Он сказал, что у него есть одно местечко, чтобы мне показать. Потом мы вернемся домой и пойдем работать. Может быть.

— Ты заслужила отпуск, — с готовностью заявил Майк. — Последнее время ты работала очень напряженно.

Я удивленно взглянула на него. На самом деле я едва ли вообще работала.

— Да, — солгала я. — Мне нужно отдохнуть.

До пятницы предстояло успеть сделать несколько дел. Первое я откладывала уже давно.

\* \* \*

Джейк по договоренности был дома, когда я появилась у него с взятым напрокат микроавтобусом, чтобы забрать оставшиеся вещи. Я не особенно в них нуждалась, но мне не хотелось, чтобы они оставались в той квартире, словно однажды я могла вернуться к прошлой жизни и вновь надеть эту одежду.

Он приготовил мне чашку кофе, а сам остался на кухне, нарочито склонившись над пачкой документов, на которые, я была уверена, он едва ли смотрит. Он побрился и надел голубую рубашку, которую я ему подарила. Я все время смотрела в сторону, стараясь не видеть его усталого, умного, знакомого лица. Как я могла подумать, что это он звонит или присылает анонимные записки? Все мои варварские мысли исчезли напрочь, и я просто ощущала подавленность и некоторую грусть.

Я старалась быть как можно более деловой. Сложила одежду в пластиковые пакеты, завернула в газету фарфоровую статуэтку и положила все это в специально купленные картонные коробки. Сняла с полок книги, сделав так, чтобы пустот на их месте не было заметно. Я погрузила в автобус даже стул, на котором сидела, будучи студенткой, старый спальный мешок и некоторые компакт-диски.

— Можно, я оставлю цветы? — спросила я Джейка.

— Если ты считаешь, что так лучше.

— Да. И если я что-нибудь пропустила...

— Я знаю, где ты живешь, — сказал он.

Повисла тишина. Я проглотила остывший кофе, потом сказала:

— Джейк, мне очень жаль. Мне нечего больше сказать, кроме того, что мне

очень жаль.

Он пристально посмотрел на меня, потом слабо улыбнулся.

— Со мной все будет в порядке, Элис, — проговорил он затем. — Сейчас мне плохо, но все будет в порядке. А с тобой будет все в порядке? — Он приблизил ко мне свое лицо. — Будет?

— Не знаю, — сказала я, отстраняясь. — Я ничего не могу поделать.

Я было подумала о том, чтобы поехать к родителям и оставить у них все ненужные мне вещи, но раз уж я не хотела, чтобы мои вещи ждали меня у Джейка, то пусть они не ждут меня нигде. Я начинала новую жизнь, с чистого листа. У меня возникло головокружительное ощущение того, что я сжигаю за собой все мосты. Я остановилась у первой же комиссионки и отдала ошеломленному клерку все: книги, одежду, статуэтку, компакт-диски и даже стул.

\* \* \*

Еще я договорилась о встрече с Клайвом. Он позвонил мне на работу и настоятельно попросил встретиться до моей свадьбы. Мы увиделись в среду на ленче в темной маленькой таверне в Клеркенвелле. Мы неловко расцеловались, как воспитанные малознакомые люди, уселись за столик у очага и заказали по артишоковому супу и бокалу домашнего вина.

— Как Гэйл? — спросила я.

— О, возможно, хорошо. Мы в последнее время редко встречаемся.

— Хочешь сказать, что у вас все кончено?

Он печально усмехнулся, на мгновение стал тем Клайвом, которого я знала так хорошо и перед которым все время чувствовала неловкость.

— Да, видимо. Боже, ты ведь знаешь, Элис, я безнадежен в отношениях с женщинами. Влюбляюсь, а когда дело принимает серьезный оборот, то пугаюсь.

— Бедная Гэйл.

— Я хотел поговорить не об этом. — Он угрюмо погрузил ложку в густой зеленый суп.

— Ты хотел поговорить со мной об Адаме, я права?

— Точно. — Он отпил немного вина, снова помешал суп, потом заговорил: — Теперь, когда мы встретились, прямо не знаю, как это сказать. Я не буду про Джейка, ладно? Это... да, ты помнишь, я видел Адама и уверен, что рядом с ним все мужчины в комнате показались ничтожными. Но ты уверена в том, что делаешь, Элис?

— Нет, но это ничего не значит.

— В каком смысле?

— В буквальном: это ничего не значит. — Я обнаружила, что впервые после встречи с Адамом мне захотелось рассказать, что я чувствую по отношению к нему. — Видишь ли, Клайв, я просто по уши в него влюблена. Тебя когда-нибудь хотели так страстно, чтобы...

— Нет.

— Это было похоже на землетрясение.

— Ты раньше высмеивала меня за такие слова. Ты использовала слова «доверие» и «ответственность». Ты раньше говорила, — он ложкой указал на меня, — что только мужчинам свойственно говорить «просто так случилось» или «это было похоже на землетрясение».

— Каких слов ты ждешь от меня?

Клайв взглянул на меня с явно клиническим интересом.

— Как вы познакомились?

— Увидели друг друга на улице.

— И все?

— Да.  
— Вы просто увидели друг друга и тут же прыгнули в постель?  
— Да.  
— Это просто похоть, Элис. Ради похоти ты не можешь перечеркнуть всю свою жизнь.  
— Отцепись, Клайв. — Он, похоже, принял это как разумный ответ. Поэтому я продолжила: — Он для меня все. Я для него сделаю все, что угодно. Это как наваждение.  
— И ты называешь себя ученым.  
— Так оно и есть.  
— Почему у тебя такой вид, словно ты вот-вот заплачешь?  
Я улыбнулась:  
— Я счастлива.  
— Ты не счастлива, — сказал он. — Ты выбита из седла.

\* \* \*

Еще я договорилась о встрече с Лили, хотя сама не знала зачем. Для меня в офисе была оставлена записка: «Для Элис». Возможно, она не знала моего полного имени.

«Мне нужно поговорить с тобой о мужчине, которого ты у меня украла, — гласила записка, которую мне тут же нужно было выбросить. — Это срочно и должно остаться в тайне. Не говори ему». Она написала номер своего телефона.

Я подумала о послании, которое подкинули нам под дверь. Бумага была другая, почерк — мелкий и убористый, похожий на ученический. Совершенно другой, но что это могло значить? Любой может изменить почерк. Я поняла, что мне хотелось, чтобы это оказалась Лили, а не Джейк. Следовало сразу же показать записку Адаму, но я этого не сделала. Я убедила себя в том, что у него и без того довольно забот. В скором времени должна была выйти книга Клауса. Адаму уже позвонили два журналиста, пожелав взять у него интервью «о том, каково быть героем». Они задавали вопросы о Грее и его моральной ответственности за смерть альпинистов-любителей, которых тот повел в горы и оставил умирать. Адам презрительно отнесся к слову «герой» и просто отказался комментировать поведение Грея. Однако я часто слышала, как они с Клаусом обсуждали эту тему. Клаус упирал на закрепленный на маршруте шнур. Хотя ему не хотелось выступать в качестве судьи, но как мог Грег поступить так неосторожно? Адам снова и снова отвечал, что на высоте выше восьми тысяч метров люди не способны отвечать за свои действия.

— Господи, мы все там потеряли голову, — сказал он.

— Но ты ведь не потерял, — вмешалась я, а оба мужчины повернулись и посмотрели на меня мягко и покровительственно.

— Мне повезло, — в глубокой печали ответил он. — А Грегу — нет.

Я не поверила. И я по-прежнему думала, что там, в горах, произошло нечто, о чем он мне не хотел рассказывать. Иногда я наблюдала за ним ночью. Он спал, положив одну руку мне на бедро, другую закинув за голову. Рот слегка приоткрыт, губы при дыхании немного шевелятся. Какие сновидения затягивают его туда, куда я не могу последовать за ним?

Как бы там ни было, я решила встретиться с Лили, не сказав об этом Адаму. Быть может, мне просто хотелось посмотреть, какая она; может, я хотела сравнить себя с ней или заглянуть в прошлое Адама. Я позвонила ей, и она низким хриплым голосом быстро предложила приехать в четверг утром к ней на квартиру в Шепардз-Буш. За день до свадьбы.

Разумеется, она была красивой. У нее были серебристые волосы, которые выглядели натуральными и как будто немного грязноватыми, и фигура модели. На бледном треугольном лице выделялись широко посаженные огромные серые глаза. На ней были вытертые джинсы и, несмотря на суровую погоду, неряшливая футболка, открывавшая безупречную талию. Босые ноги были изящными.

Я смотрела на нее и жалела о том, что пришла. Мы не стали обмениваться рукопожатиями или что-нибудь в таком роде. Она провела меня в свою квартиру в полуподвале. Когда она открыла дверь, я даже попятилась. Крошечная сырая квартира походила на мусорную свалку. Повсюду была разбросана одежда; тарелки были свалены в раковине и стояли грязными стопами на кухонном столе; посередине комнаты — вонючий кошачий туалет. Везде валялись журналы или вырезки из журналов. Большая кровать, которая стояла в углу гостиной, представляла собой ворох покрытых пятнами простыней и старых газет. На подушке стояла тарелка с остатками бутерброда, рядом недопитая бутылка виски. На стене — увидев это, я чуть не убежала — висела громадная черно-белая фотография Адама, он на ней был очень серьезным. Как только я увидела ее, то сразу же начала замечать другие следы присутствия Адама. Несколько снимков, явно вырванных из книг об альпинистах, стояли на каминной доске, и на всех был он. К стене был пришпилен пожелтевший газетный лист, с которого глядела фотография Адама. У кровати была выставлена фотография: Адам и Лили. Он обнимал ее рукой, она восхищенно смотрела на него снизу вверх. Я на мгновение закрыла глаза и пожалела, что здесь негде присесть.

— У меня немного не прибрано, — заметила Лили.

— Это точно.

Мы обе продолжали стоять.

— Это была наша кровать, — пояснила она.

— Понятно, — сказала я, глядя на кровать. Меня чуть не вырвало.

— Я не меняла белье с тех пор, как он ушел. Я еще чувствую его запах.

— Послушайте... — Я говорила с трудом, потому что ощущала себя так, словно попала в жуткий сон и не могу оттуда выбраться. — Вы сообщили, что срочно хотите что-то мне рассказать.

— Ты украла его у меня, — продолжала она, словно я ничего не сказала. — Он был мой, а ты пришла и уперла его у меня из-под носа.

— Нет, — возразила я. — Нет. Он выбрал меня. Мы выбрали друг друга. Простите меня, Лили. Я не знала о вашем существовании, но как бы там ни было...

— Ты просто сломала мне жизнь, даже не подозревая обо мне. — Она осмотрела свою разгромленную квартиру. — Тебе было на меня наплевать. — Ее голос сел. — И что теперь? — спросила она с вялым ужасом в голосе. — Что мне теперь делать?

— Послушайте, я думаю, мне просто следует уйти, — сказала я. — Это не поможет никому из нас.

— Смотри, — сказала она и сняла с себя майку. Она стояла белая и стройная. У нее были маленькие груди с крупными коричневыми сосками. Я не могла отвести от нее глаз. Потом она повернулась. Синевато-багровые рубцы опоясывали ее спину. — Это он сделал, — торжествующе заявила Лили. — Что теперь скажешь?

— Мне пора идти, — повторила я, пригвожденная к месту.

— Чтобы показать, как он меня любит. Он оставил на мне эту отметину. А тебе он такое делал? Нет? Но он сделал это мне потому, что я принадлежу ему! Он просто не может выбросить меня на помойку.

Я шагнула к двери.

— Это не все, — сказала она.

— Мы завтра поженимся. — Я открыла дверь.

— Это еще не все, что он...

Мне в голову пришла мысль.

— Вы знаете, где он живет?

Она выглядела озадаченной.

— В каком смысле?

— До свидания.

Я захлопнула дверь у нее перед носом и выбежала на улицу. Даже выхлопные газы после квартиры Лили, казалось, пахли чистотой.

\* \* \*

Мы вместе приняли ванну и тщательно вымыли друг друга. Я мылила шампунем ему волосы, он — мне. На поверхности плавала теплая пена, воздух был насыщен паром и ароматами. Я осторожно побрила ему лицо. Он расчесал мне волосы, придерживая их одной рукой, чтобы мне не было больно, когда попадались спутанные места.

Мы насухо вытерли друг друга. Зеркало запотело, но он сказал мне, что сегодня утром нет нужды смотреться в зеркало, достаточно его глаз. Он не позволил мне накраситься. Я надела платье на голое тело и влезла в туфли. Он натянул на себя джинсы и черную футболку с длинными рукавами.

— Готова? — спросил он.

— Готова, — ответила я.

— Теперь ты моя жена.

— Да.

— Все хорошо? Не дергайся.

— Да.

— А так?

— Нет... да. Да.

— Ты меня любишь?

— Да.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Скажи, если захочешь, чтобы я остановился.

— Да. Ты меня любишь?

— Да. Навсегда.

— Боже, Адам. Я умру ради тебя.

## Глава 16

— Сколько еще идти? — Я старалась, чтобы голос звучал ровно, но он вырвался задушенным всхлипом, а от сделанного мной усилия заболела грудь.

— Всего-то около восьми миль, — сказал Адам, поворачиваясь ко мне. — Если сможешь идти чуть быстрее, то мы должны добраться туда до того, как начнет смеркаться. — Он невозмутимо взглянул на меня, потом развязал рюкзак, в котором нес свои и мои вещи, вынул термос. — Выпей чашку чаю с шоколадом, — сказал он.

— Спасибо. Немного медового месяца, дорогой. А мне-то хотелось четырехспальной кровати и шампанского. — Я взяла затынутой в перчатку рукой пластиковую чашку. — Мы уже прошли большую часть кручи?

— Милая, это прогулка. Подниматься будем там.



Я дернула шеей, чтобы посмотреть, куда он показывает. Ветер полоснул меня по лицу, обжег щеку.

— Нет, — сказала я. — Может, ты и будешь. А я нет.

— Ты устала?

— Устала? О нет, совсем нет, меня закалили мои походы до станции метро. У меня мозоли от новых ботинок. Икры огнем горят. В боку колет, как будто туда воткнули нож. У меня нос отваливается от холода. Пальцы онемели. И еще я боюсь этой чертовой высоты. Я остаюсь здесь. — Я села в мелкий снег и засунула себе в рот два холодных, твердых квадратика шоколада.

— Здесь? — Адам оглядел местность: вересковая пустошь, обрамленная зубчатыми горами. И летом здесь явно нечасто ходили пешком... и уж, конечно, никто сюда не придет в эту субботу в конце февраля, когда обледенелая трава торчала смерзшимися пучками, несколько голых деревьев склонялось на ветру, а наше дыхание клубочками пара поднималось в серое небо.

— Ну ладно. Я не останусь здесь. Просто расшумелась.

Он присел рядом со мной и расхохотался. Думаю, тогда я впервые услышала, как он смеется по-настоящему.

— Я женился на слабачке, — сообщил он, словно это была самая смешная вещь на свете. — Всю жизнь лазаю по горам, а женился на женщине, которая не способна подняться на пологий холм, чтобы не заныть!

— Да, а я вышла замуж за человека, который тащит меня в пустыню, а потом смеется, когда я оказываюсь в трудном положении и чувствую себя растерянной, — рассердилась я.

Адам встал и поднял меня на ноги. Он поправил мне перчатки, чтобы между ними и рукавами куртки не было зазора, вынул из рюкзака шарф и обмотал мою шею. Он покрепче завязал мне шнурки, чтобы ботинки не болтались на ноге.

— А теперь, — сказал он, — попытайся войти в ритм. Не торопись. Ты раньше торопилась. Найди свой шаг и иди. Пусть дыхание будет ровным. Не смотри вперед по ходу, просто переставляй ноги одну за другой, пока это не покажется похожим на медитацию. Готова?

— Да, капитан.

Мы друг за другом шли по тропе, которая становилась все круче, пока мы практически не стали карабкаться по ней вверх. Адам, казалось, идет налегке, хотя он обогнал меня всего на несколько секунд. Я не пыталась догнать его, но старалась точно следовать его наставлению. Левая, правая; левая, правая. Из носа потекли сопли, глаза слезились. Ноги болели и, казалось, налились свинцом. Я заставляла себя считать в уме. Я пыталась петь про себя старую песенку о химических элементах, с которой выступала на вечере в колледже. «Вот сурьма, мышьяк, алюминий, селен...» — что там дальше? Хотя на пение все равно не хватало дыхания. Время от времени я спотыкалась о мелкие камни или о корни ежевики. Я так и не ощутила медитации, но я шла, вскоре колики в боку превратились в легкую боль, руки согрелись, а воздух стал казаться свежим, а не жгучим.

На вершине одного из холмов Адам заставил меня остановиться и оглядеться.

— Такое впечатление, что мы одни на всей земле, — сказала я.

— Вот в чем смысл.

Смеркалось, когда мы прямо под собой увидели небольшую хижину.

— Чья она? — спросила я, когда мы спускались к ней. Из полумрака возникали очертания огромных камней и чахлах деревьев.

— Это хижина альпинистов и путешественников. Она принадлежит клубу альпинистов Британии. Его члены могут здесь останавливаться. У меня с собой ключ. — Он похлопал по боковому карману куртки.

Внутри было очень холодно, никаких признаков комфорта. Адам зажег большую

керосиновую лампу, свешивавшуюся с одной из балок, и я увидела по периметру комнаты узкие деревянные полки, которые должны были служить кроватями, пустой очаг, небольшую емкость с водой и единственным краником.

— Вот это?

— Угу.

— Где же туалет?

— Там. — Он показал за дверь, где виднелось покрытое снегом пространство.

— Ах. — Я села на жесткую кровать. — Как уютно.

— Подожди минутку.

В углу стояли несколько больших ящиков с дровами и сучьями. Он пододвинул один из них к очагу и начал откалывать щепки от небольших поленьев, строя из них шалашик над несколькими смятыми кусками газеты. Затем разместил поверх сучья покрупнее, чиркнул спичкой и поджег бумагу. Огонь немедленно принялся лизать дрова. Сначала пламя было ярким, но не давало тепла, однако вскоре оно стало достаточно жарким, чтобы заставить меня подумать о том, чтобы снять куртку и перчатки. Хижина была небольшой по размерам и с хорошей герметизацией: через полчаса или около того она прогрелась.

Адам отстегнул от нижней части рюкзака маленькую газовую плитку, развернул ее, зажег. Он наполнил водой из емкости помятый медный чайник и поставил на огонь. Он также вытряхнул из рюкзака два спальных мешка, расстегнул их так, что они превратились в два пуховых одеяла, и расстелил перед очагом.

— Садись, — пригласил он. Я сняла куртку и присоединилась к нему у огня. Со дна рюкзака он достал бутылку виски, затем длинную палку салями и один из тех хитрых перочинных ножей, которые могут служить отвертками, открывалками для бутылок и компасами. Я смотрела, как он нарезает салями большими кусками и укладывает на промасленную бумагу. Он свинтил с бутылки пробку и протянул ее мне.

— Класс, — сказала я.

Я отпила виски и взяла пару кусков салями. Было примерно семь часов вечера, стояла мертвая тишина. Никогда в жизни я не знала тишины, подобной этой, такой глубокой и абсолютной. За незанавешенным окном разливалась чернильная темнота, если не считать булавоочных головок подмигивающих звезд. Мне захотелось пописать. Я встала и прошла к двери. Когда я открыла ее, морозный ветер буквально ударил меня, словно взрывная волна. Я закрыла дверь за собой и пошла в ночь. Меня заставило поежиться ощущение того, что мы совершенно одни — и что теперь мы всегда будем одни. Я услышала, как Адам вышел из хижины и закрыл дверь. Почувствовала его руки, обнявшие меня сзади и прижавшие к большому теплему телу.

— Ты опять замерзнешь, — сказал он.

— Не знаю, нравится ли мне все это.

— Пойдем внутрь, любовь моя.

\* \* \*

Мы выпили еще виски и смотрели на пляску языков огня в очаге. Адам подбросил еще несколько поленьев. Теперь было довольно жарко, в маленькой комнатке чудесно Пахло сгорающими дровами. Долгое время мы молчали и не прикасались друг к другу. Когда наконец он положил руку мне на предплечье, у меня будто вспыхнула кожа. Мы разделись отдельно, наблюдая друг за другом. Голые, сели, скрестив ноги, друг против друга, и наши взгляды встретились. Я ощущала странную робость. Он поднял мою руку с новеньким золотым колечком на безымянном пальце, поднес к губам и поцеловал.

— Ты веришь мне? — спросил он.

— Да. Или: нет, нет, нет.

Он передал мне бутылку с виски, и я сделала глоток, чувствуя, как внутри растекается жидкий огонь.

— Я хочу сделать с тобой нечто, чего никто раньше никогда не делал.

Я не ответила. Мне казалось, что это какой-то сон. Кошмар. Мы целовались, но очень нежно. Он провел пальцами по моей груди, затем по животу. Я гладила его по спине. Мы очень осторожно обнимали друг друга. С одной стороны моему телу было слишком жарко от огня, с другой ощущался холод. Он сказал, чтобы я легла на спину, и я повиновалась. Должно быть, я выпила слишком много виски и съела слишком мало салями. Мне казалось, что меня подвесили над пропастью где-то в холодной-холодной тьме. Я закрыла глаза, но он повернул мою голову к себе и сказал:

— Смотри на меня.

На его лице лежали тени; я была в состоянии различать лишь отдельные части его тела. Все начиналось так нежно и лишь постепенно вылилось в жестокость; мало-помалу переросло в боль. Я вспомнила Лили и ее искромсанную спину. Внутренним взглядом я видела Адама высоко в его горах, среди ужаса и смерти. Как я очутилась здесь, в этой жуткой тишине? Почему я позволяю ему проделывать это со мной и кем стану после того, как позволю ему это? Я снова зажмурила глаза, и на этот раз он не стал требовать, чтобы я их открывала. Он положил руки мне на шею и сказал:

— Теперь не двигайся, не бойся.

Потом начал ее сдавливать. Я хотела сказать, чтобы он прекратил, но почему-то не сказала, не смогла. Я лежала на спальных мешках у огня, в темноте, а он давил меня сверху. Я сомкнула веки, руки безвольно лежали вдоль тела: это был мой ему свадебный подарок, мое доверие. Отсвет огня плясал на моем лице, мое тело корчилось под ним, словно я полностью утратила контроль над собой. Я чувствовала, как кровь с ревом циркулировала по моему телу; сердце бешено колотилось; в голове гудело. Это уже не было ни удовольствием, ни болью. Я находилась не здесь, а где-то в совсем другом мире, где исчезали все границы. О Господи. Он должен сейчас остановиться. Должен остановиться. Темнота наплывала из-за ярких линий чистого восприятия.

— Все хорошо, Элис. — Он звал меня назад. Его большие пальцы убралась с моего горла. Он наклонился и поцеловал мне шею.

Я открыла глаза. Я чувствовала себя больной, усталой, печальной и побежденной. Он посадил меня, прижал к себе. Волна тошноты отхлынула, но горло сильно болело и хотелось плакать. Еще хотелось домой. Он взял бутылку виски, сделал глоток, потом поднес ее к моим губам и стал потихоньку, как маленькой, вливать жидкость в меня. Я снова упала на спальные мешки, он укрыл меня. Я какое-то время лежала, глядя на огонь, а он сидел рядом и перебирал мои волосы. Пока Адам подкармливал огонь, я незаметно погрузилась в сон.

В какой-то момент ночью я проснулась, он лежал возле меня, теплый и сильный. Человек, от которого я теперь зависела. Огонь погас, хотя угли еще мерцали. Левая рука, которая высунулась из-под спального мешка, совсем замерзла.

## Глава 17

— Нет, — сказал Адам и тяжело опустил кулак на крышку стола, отчего стаканы подпрыгнули и зазвенели. Все, кто находился в пабе, оглянулись. Адам, казалось, этого не заметил; он утратил всякое представление о том, что моя мать называла общественными приличиями. — Не желаю давать интервью никакой дерьмовой

журналистке.

— Послушай, Адам, — успокаивающе начал Клаус. — Я понимаю, что ты...

— Я не хочу говорить о том, что произошло там, на склоне. Это в прошлом, кончено, этого больше нет. У меня нет никакого желания вновь проходить через это гребаное месиво даже для того, чтобы помочь тебе продать эту твою книгу. — Он повернулся ко мне: — Скажи ему.

Я пожала плечами, глядя на Клауса:

— Он не хочет этого, Клаус.

Адам взял мою руку, прижал ее к своему лицу и закрыл глаза.

— Если ты дашь всего одно, то...

— Он не хочет, Клаус, — повторила я. — Неужели ты не способен услышать, что тебе говорят?

— О'кей, о'кей. — Он поднял руки, показывая, что сдается. — Как бы там ни было, у меня для вас обоих свадебный подарок. — Он наклонился и достал из холщовой сумки у своих ног бутылку шампанского. — Я, э-э, желаю вам удачи и большого счастья. Выпейте это как-нибудь в кровати.

Я поцеловала его в щеку. Адам выдавил смешок и сел на свой стул.

— Хорошо, ты выиграл, одно интервью. — Он встал и протянул мне руку.

— Уже уходите? Дэниел сказал, что может появиться позже...

— Мы собираемся выпить в кровати это шампанское. — Я тоже встала. — Оно не может долго ждать.

\* \* \*

Когда я на следующий день возвратилась с работы, журналистка уже была у нас. Она сидела напротив Адама, их колени почти соприкасались, а на столе стоял включенный магнитофон. У нее на коленях лежал блокнот, но она ничего не записывала. Вместо этого изучающе смотрела на Адама и кивала головой в такт его словам.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказала я, когда она начала вставать. — Налью себе чашку чаю и исчезну. Не хотите выпить? — Я сняла пальто и перчатки.

— Виски, — сказал Адам. — Это Джоанна из «Партиси-пант». А это Элис. — Он взял меня за руку и притянул к себе. — Моя жена.

— Рада познакомиться, Элис, — сказала Джоанна. — Ни в одной статье не говорится, что вы поженились.

Проницательные глаза пристально взглянули на меня из-за тяжелой оправы.

— Никто об этом не знает, — сказал Адам.

— Вы тоже занимаетесь альпинизмом? — спросила Джоанна.

Я засмеялась:

— Вовсе нет. Я не взбираюсь даже по ступеням, когда есть лифт.

— Наверное, странное ощущение, когда ждешь внизу, — продолжала она. — Тревожишься за него.

— Мне пока не приходилось ждать, — беспечно заявила я, выходя, чтобы поставить чайник. — К тому же у меня есть своя собственная жизнь, — добавила я, удивившись тому, что сейчас это стало ложью.

Я снова подумала о нашем медовом месяце длиной в один уик-энд в Лэйк-дистрикт. То, что произошло между нами в той хижине — его жестокость по отношению ко мне с моего разрешения, — все еще беспокоило меня. Я пыталась слишком много не думать об этом; это стало сумеречной зоной моего сознания. Я отдалась в его руки и в течение нескольких секунд, когда лежала под ним, думала, что он убьет меня, и все-таки не сопротивлялась. Часть меня была поражена ужасом, другая — возбуждена.

Когда я стояла у чайника, одним ухом слушая интервью, то заметила свернутый клочок бумаги с жирными черными буквами. Я развернула его, заранее зная, чего ожидать. «Я НЕ ДАМ ТЕБЕ ПОКОЯ», — было написано на листке. При виде этих букв у меня по телу забегали мурашки. Я не понимала, почему мы уже давно не обратились в полицию. Было похоже, что мы заставили себя привыкнуть к этому, словно угрозы представлялись грозowymi тучами, которые мы принимали как неизбежное. Я подняла глаза и увидела, что Адам наблюдает за мной, поэтому улыбнулась, порвала записку на мелкие клочки и пренебрежительно бросила их в корзину для мусора. Он с одобрением слегка кивнул мне и снова переключился на Джоанну.

— Вы рассказывали о последних нескольких часах, — снова надела на Адама Джоанна. — У вас было какое-нибудь предчувствие катастрофы?

— Если вы имеете в виду, думал ли я, что все те люди погибнут там, наверху, то нет, конечно, нет.

— В какой момент вы поняли, что все идет не так, как надо?

— Когда все пошло не так, как надо. Элис, не подашь мне виски?

Джоанна заглянула в свой блокнот и сделала еще попытку:

— А что насчет закрепленных маршрутных шнуров? Как я понимаю, Грег Маклафлин и другие руководители экспедиции проложили шнуры разных цветов, которые вели по хребту к вершине. Но в какой-то момент последний отрезок шнура оказался отвязанным, что, видимо, и сбilo альпинистов с пути.

Адам долгим взглядом смотрел на нее. Я принесла ему большую порцию виски.

— Не хотите немного, Джоанна? — спросила я. Она покачала головой и стала ждать ответа Адама. Я плеснула себе виски на дно стакана и выпила одним глотком.

— Как, по-вашему, это случилось?

— Откуда, черт возьми, мне знать? — наконец бросил он. — Было дьявольски холодно. Налетела буря. Все были не в себе. Ничто не работало, и никто. Я не знаю, что случилось со шнуром, остальные тоже. Теперь вам хотелось бы кого-то обвинить, не так ли? — Он выплюнул часть виски обратно в стакан. — Вы хотите написать красивый лаконичный рассказ о том, как такой-то повел группу людей к смерти. Так вот, леди, там, в смертельной зоне, так не бывает. Там нет ни героев, ни злодеев. Мы просто люди, которые ползут по горе в то время, как клеточки их мозга осыпаются одна за другой.

— В книге утверждается, что вы — герой, — возразила Джоанна, которую совершенно не смутила его вспышка. Адам промолчал. — И еще, — продолжала она осторожно, — там есть некий намек на то, что руководитель экспедиции должен нести некоторую ответственность. Грег.

— Можешь принести еще, Элис? — Адам протянул мне свой стакан. Беря стакан, я наклонилась и поцеловала его. Я раздумывала, в какой момент мне следует попросить Джоанну уйти.

— Как я понимаю, Грег сейчас в плохом состоянии. Что это, чувство вины, как вы думаете?

И опять Адам промолчал. Он на мгновение закрыл глаза и откинул голову. Он выглядел очень уставшим.

Она предприняла очередную попытку:

— Вы не считаете, что все путешествие было ненужным риском?

— Это очевидно. Погибли люди.

— Вы не жалеете о том, что из гор пытаются сделать бизнес?

— Жалею.

— И тем не менее участвуете в этом.

— Да.

— Одна из погибших, — сказала Джоанна, — была вам очень близка. Ваша

бывшая девушка, помнится.

Он кивнул.

— На вас, видимо, ужасно подействовало то, что вы не сумели спасти ее?

Я передала Адаму вторую порцию виски, и он обнял меня за талию, когда я наклонилась к нему.

— Не уходи, — произнес он так, словно имел в виду наши отношения в целом. Я присела на подлокотник его кресла и положила руку на его спутанные волосы. Он некоторое время оценивающе смотрел на Джоанну. — О чем, черт побери, вы думаете? — наконец спросил он. И вскочил с кресла. — Мне кажется, с вас довольно, а вам не кажется?

Джоанна даже не пошевелилась, лишь проверила, работает ли магнитофон.

— Вам удалось это преодолеть? — настаивала она. Я потянулась и выключила магнитофон, а она взглянула на меня.

Наши глаза встретились, и она кивнула — одобрительно, как мне показалось.

— Преодолеть. — Его голос дрогнул. Потом он заговорил совершенно другим тоном. — Хотите, я раскрою вам мою тайну, Джоанна?

— Буду рада.

Я могла поклясться, что так оно и было.

— У меня теперь есть Элис, — заявил он. — Элис меня спасет. — Он издал довольно скрипучий смешок.

Теперь уже встала Джоанна.

— Последний вопрос, — сказала она, надевая пальто. — Вы продолжите ходить в горы?

— Да.

— Почему?

— Потому что я альпинист. Вот кто я. — Его язык немного заплетался. — Я люблю Элис и лазаю по горам. — Он прижался ко мне. — Вот в чем я вижу благодать.

\* \* \*

— Я беременна, — сказала Полин. Мы гуляли в Сент-Джеймс-парке под руку, но по-прежнему ощущали некоторую неловкость. Это была ее идея встретиться, а мне этого не очень хотелось. Вся моя прежняя жизнь казалась далекой, почти нереальной, словно тогда это был кто-то другой, а не я. В той жизни я любила Полин и зависела от нее; в этой жизни места такой крепкой дружбе уже не было. Идя в то морозное субботнее мартовское утро на встречу с Полин, я поняла, что отложила нашу дружбу до какого-нибудь дождливого дня. Я решила, что смогу к ней вернуться, но не сейчас. Мы гуляли по парку, пока не стало смеркаться, осмотрительно избегая тем, по которым раньше мы могли говорить друг с другом в большей или меньшей степени откровенно.

— Как Джейк? — спросила я, а она, слегка поморщившись, ответила, что хорошо.

— Как твоя новая жизнь? — задала она вопрос без особого интереса, а я не стала особенно распространяться.

А теперь я остановилась и положила руки на ее худенькие плечи.

— Прекрасная новость, — сказала я. — Давно?

— Восемь или девять недель. Достаточно, чтобы начало постоянно тошнить.

— Я очень за тебя рада, Полин. Спасибо, что поделилась со мной.

— Как же не поделиться, — официальным тоном ответила она. — Ты моя подруга.

Мы вышли на улицу.

— Мне туда, — сказала я. — Неподалеку отсюда встречаюсь с Адамом.

Мы с облегчением расцеловались, и я свернула в неосвещенный переулок. Как только я вошла в него, передо мной возник высокий молодой человек и, прежде чем я успела осознать, что у него мертвенно-бледное лицо и ярко-рыжая копна волос, сорвал у меня с плеча сумочку.

— Ой! — вскрикнула я и кинулась за ним. Я вцепилась в сумочку, хотя в ней почти ничего не было, и потянула на себя. Он резко повернулся ко мне лицом. На левой щеке у него виднелась татуировка в виде паутины, а горло пересекала линия с надписью «Режь здесь». Я ударила ногой ему по голени, промахнулась и ударила снова. Вот так, это, должно быть, больно.

— Пусти, сука, — зарычал он. Ручки сумки впились мне в ладонь, потом выскользнули у меня из руки. — Глупая гребаная сука. — Он размахнулся и ударил меня по лицу. Я попятилась и схватилась за щеку. У меня по шее струилась кровь. Его рот был открыт, и я увидела толстый фиолетовый язык. Он снова замахнулся. Боже, сумасшедший! Помнится, я подумала, что он, возможно, человек, который присылал записки с угрозами, наш преследователь. Потом я зажмурила глаза: пусть все скорее закончится. Удара не последовало.

Я открыла их опять и увидела, словно во сне, что у него в руке нож. Он был направлен не на меня — на Адама. Потом я увидела, как Адам опустил свой кулак на лицо нападавшего. Тот закричал от боли и выронил нож. Адам снова ударил, удар пришелся на шею мужчины. Что-то хрустнуло. Потом нанес удар в живот. Татуированный попятился; его левый глаз был весь в крови. Я увидела лицо Адама: оно окаменело, на нем не было никакого выражения. Он еще раз ударил вора и отошел, дав мужчине упасть на землю. Тот улегся у моих ног, скуля, схватившись за живот.

— Прекрати! — выдохнула я. Собралась небольшая кучка зевак. Тут была и Полин; ее рот округлился от ужаса.

Адам пнул его ногой в живот.

— Адам. — Я вцепилась в его руку. — Ради Бога, остановись, ну пожалуйста. Довольно.

Адам посмотрел на корчившееся на мостовой тело.

— Элис хочет, чтобы я остановился, — сказал он. — Только поэтому я не буду продолжать. Иначе убил бы за то, что ты осмелился к ней прикоснуться. — Он поднял с земли мою сумочку, потом повернулся ко мне и взял мое лицо в свои ладони. — У тебя кровь, — заметил он. И слизнул часть крови с моего лица. — Дорогая Элис, из-за него у тебя течет кровь.

Я, как в тумане, видела, как собираются люди, как они разговаривают, спрашивают друг у друга, что случилось. Адам обнимал меня.

— Сильно болит? С тобой все в порядке? Взгляни на свое прекрасное лицо.

— Да. Да. Я не знаю. Думаю, да. С ним все в порядке? Что он?..

Я перевела взгляд на человека, лежавшего на земле. Тот шевелился, но едва-едва. Адам не обращал на него никакого внимания. Он вынул из кармана носовой платок, поспешил и стал вытирать ссадину у меня на щеке. Неподалеку от нас взвыла сирена, и за плечом Адама я увидела полицейскую машину, за которой следовала «скорая».

— Прекрасная работа, приятель. — Здоровенный мужчина в длинном плаще подошел и пожал Адаму руку. — Уберите этого. — Я глядела на них, пораженная, а они пожимали друг другу руки. Это был какой-то кошмар, фарс.

— Элис, с тобой все в порядке? — Это была Полин.

— Да.

Полицейские уже были вокруг. Подъехала машина. Произошел один из тех инцидентов, на которые они должны реагировать. Полицейские наклонились над лежащим, подняли его на ноги и куда-то повели.

Адам снял с себя куртку и набросил мне на плечи. Пригладил мне волосы.  
— Пойду поищу такси, — сказал он. — Полиция может подождать. Оставайся на месте. — Он повернулся к Полин. — Присмотрите за ней. — И убежал.  
— Он мог его убить, — сказала я Полин.  
Та странно посмотрела на меня.  
— Он и вправду обожает тебя, да? — спросила она.  
— Но если бы он...  
— Он спас тебя, Элис.

\* \* \*

На следующий день журналистка Джоанна снова позвонила. Она прочла о драке в вечерней газете, и это событие должно было повернуть интервью другой стороной, совершенно другой. Она просто хотела, чтобы мы оба прокомментировали его.  
— Отвали, — нежно пробурчал Адам и передал трубку мне.  
— Каково чувствовать себя, — спросила она меня, — замужем за мужчиной такого типа, как Адам?  
— Какого такого типа?  
— Ну, героя, — сказала она.  
— Прекрасно, — ответила я, однако знала совершенно точно, каково это.

\* \* \*

Мы лежали в полутьме рядом друг с другом. Щеку саднило. Сердце у меня бешено колотилось. Неужели я так и не привыкну к нему?  
— Отчего ты боишься?  
— Прикоснись ко мне, пожалуйста.  
Оранжевый свет уличных фонарей проникал в спальню сквозь тонкие шторы. Мне было видно его лицо, его красивое лицо. Я хотела, чтобы он обнял меня так крепко, чтобы я растворилась в нем.  
— Сначала скажи, чего ты боишься.  
— Боюсь потерять тебя. Ну же, положи руку вот сюда.  
— Перевернись, вот так. Все будет хорошо. Я никогда не покину тебя, а ты меня. Не закрывай глаза. Смотри.

Позднее мы почувствовали голод, так как в тот вечер ничего не ели. Я соскользнула с высокой кровати на холодный пол и надела рубашку Адама. В холодильнике нашлось немного пармской ветчины, горстка залежавшихся грибов и кусок твердого сыра. Я покормила Шерпу, который выписывал восьмерки вокруг моих голых ног, а потом приготовила нам огромный сандвич на тонком, слегка зачерствевшем итальянском хлебе. В маленьком ящике у двери — вообще-то он предназначался для бакалеи, но мы использовали его не по назначению — нашлась бутылка красного вина, которую я открыла. Мы поели в постели, расположившись на подушках и засыпав все вокруг крошками.

— Дело в том, — сказала я с полным ртом, — что я не привыкла к тому, что люди ведут себя таким образом.  
— Каким образом?  
— Избивают кого-то из-за меня.  
— Но он тебя ударил.  
— Я думала, ты хочешь его убить.  
Он налил мне еще стакан вина.  
— Я разозлился.  
— Не говори. У него был нож, Адам, разве ты этого не видел?



— Нет. — Он нахмурился. — Ты предпочла бы, чтобы я был из тех, кто вежливо просит прекратить? Или бежит за полицией?

— Нет. Да. Не знаю...

Я вздохнула и откинулась на подушки, вялая после занятий любовью и вина.

— Скажешь мне что-то?

— Может быть.

— Там, в горах, что-то случилось?.. Я имею в виду, ты покрываешь кого-то?

Адам, похоже, не удивился моему вопросу и не разозлился. Он даже не взглянул на меня.

— Конечно, покрываю, — сказал он.

— Когда-нибудь расскажешь об этом?

— Это никому не нужно знать, — ответил он.

## Глава 18

Несколько дней спустя я спустилась, чтобы взять почту, и обнаружила еще один коричневый конверт. На нем не было штемпеля, зато красовалась надпись: «Для миссис Адам Таллис».

Я тут же открыла его, прямо в общем коридоре, чувствуя, как циновка у дверей покалывает ноги. Бумага была та же и почерк тот же, правда, немного мельче, так как текст был длиннее:

ПОЗДРАВЛЕНИЯ СО СВАДЬБОЙ, МИССИС ТАЛЛИС. НЕ ЗАБЫВАЙ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ.

P.S. ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОДАЕШЬ СВОЕМУ МУЖУ ЧАЙ В ПОСТЕЛЬ?

Я отнесла записку Адаму и положила на кровать прямо у его лица. Он прочел с мрачным выражением.

— Наш корреспондент не знает, что я оставила девичью фамилию, — заметила я, стараясь говорить беззаботно.

— Зато знает, что я лежу в постели, — сказал Адам.

— Что это значит? Чай?

Я прошла на кухню и открыла буфет. Там было всего две упаковки чая в пакетиках — кенийского для Адама и лапсан сучунг в яркой упаковке для меня. Я выложила их на стол.

Внешне пакеты выглядели вполне нормально. Я заметила, что Адам встал у меня за спиной.

— Почему я должна подавать тебе чай в постель, Адам? Может, это как-то связано с кроватью? Сахар?

Адам открыл холодильник. Там на дверце стояли две бутылки молока, одна наполовину пустая, вторая непотная. Он вынул обе. Я заглянула в шкафчик под раковину и обнаружила там большой красный пластиковый таз. Взяла у Адама бутылки.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Я вылила в таз первую бутылку.

— Похоже на молоко, — сказала я. Потом открыла вторую бутылку и начала выливать жидкость из нее.

— Это... о Боже.

В молоке были какие-то маленькие темные крошки, они постепенно всплывали на поверхность. Насекомые, мухи, пауки, их было много. Я аккуратно поставила бутылки на пол и вылила содержимое таза в раковину. Мне пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы меня не вырвало. Сначала я испугалась, потом разозлилась.

— Здесь кто-то был! — крикнула я. — Они, черт их побери, были в этой квартире.

— Г-м-м? — с отсутствующим видом произнес Адам, словно думая о чем-то совершенно другом.

— Кто-то проник сюда.

— Нет, здесь никого не было. Это молоко. Они поставили бутылку на лестницу после того, как оно было доставлено.

— Что нам делать? — спросила я.

— Миссис Таллис, — задумчиво сказал Адам. — Это нацелено против тебя. Будем звонить в полицию?

— Нет, — громко ответила я. — Пока не будем.

\* \* \*

Я поймала его, когда он вышел из подъезда с кейсом в руке.

— Зачем ты так поступаешь со мной? Зачем?

Он отшатнулся от меня как от ненормальной.

— Какого черта?..

— Не подсовывай мне это дерьмо, Джейк! Теперь я знаю, что это ты. Я долго обманывала себя, что это кто-то другой, но при этом знала, что это твоя работа. Кому еще знать, что я боюсь всяких насекомых?

— Элис. — Он попытался положить руку мне на плечо, но я стряхнула ее. — Успокойся, люди подумают, что ты спятила.

— Просто скажи, какого черта ты подложил этих вонючих пауков мне в молоко. Это месть?

— Теперь уже я думаю, что ты спятила.

— Ну, давай рассказывай. Что ты еще приберег для меня в рукаве? Хочешь потихоньку свести меня с ума?

Он взглянул на меня, и от этого окаменевшего взгляда я почувствовала дурноту.

— Если тебя интересует мое мнение, — веско произнес он, — у тебя уже поехала крыша. — И, резко развернувшись на каблуках, зашагал по улице прочь от меня.

\* \* \*

Адам не проявлял большого интереса, но всю следующую неделю каждый раз, проходя мимо газетного киоска, я проверяла, не напечатали ли они статью. В следующее воскресенье она появилась. Она сразу же бросилась мне в глаза, маленькая фотография горы в рамке на первой странице с надписью: «Карьеризм: горы и деньги. Читайте во втором разделе». Я быстро раскрыла газету, чтобы просмотреть, что написала Джоанна. Оказалось, что статья занимает несколько страниц, слишком много, чтобы одолеть на месте. Я купила газету и принесла ее домой.

Адам уже ушел. В тот момент меня это порадовало. Я приготовила себе кофе. Мне хотелось удобно устроиться и уделить статье столько времени, сколько она заслуживает. Целую страницу занимала большая фотография ярко освещенной солнцем горы Чунгават, возвышавшейся на фоне голубого неба. Под фотографией помещался текст, взятый в рамку подобно объявлению агента по недвижимости: «Сдается одна вершина Гималайских гор, 30 000 фунтов. Никакого опыта не требуется». Меня снова пленила одинокая красота горы. Бывал ли Адам на вершине? Да, не на самой вершине... Я открыла газету и просмотрела. Четыре страницы. Были фотографии: Грег, Клаус, Франсуаза, очень красивая в толстых башмаках, отметила я, ощутив укол ревности. Была еще пара альпинистов, которые погибли. Конечно, фотография Адама, но к тому времени я уже привыкла видеть его изображения.

Была также карта и две диаграммы. Я сделала глоток кофе и принялась за чтение.

На самом деле сначала я совсем не читала. Просто скользила глазами по тексту, высматривая, какие имена упоминаются и как часто. Имя Адама появлялось главным образом в конце. Я прочла конец статьи, чтобы удостовериться, что там нет никаких новых пугающих сведений. Их не было. Успокоившись, я вернулась к началу и стала читать внимательно. Джоанна рассказала историю, которую я уже знала из книги Клауса, но с другой точки зрения. Версия трагедии на Чунгават, изложенная Клаусом, была отягчена его личными ощущениями восторга, неудачи, восхищения, краха иллюзий, страха, которые смешались воедино. Я уважала его за то, что он откровенно признался в смятении, которое возникло там во время бури, когда умирали люди, и в своей неспособности вести себя так, как ему хотелось бы.

Джоанна рассматривала происшедшее как поучительную историю о разлагающем влиянии денег и культа героев. С одной стороны, существуют героические люди, которые нуждаются в деньгах; с другой — существуют люди богатые, которые хотят лазить по труднодоступным горам, или, скорее, хотят потом рассказывать, что поднимались на такие горы, поскольку остается под вопросом, забирались ли они туда в прямом смысле слова. Ничто из этого для меня не было новостью. В статье главной трагической фигурой оказался Грег, с которым ей встретиться не удалось. Начав статью с ужасных событий на склоне Чунгават, которые, как их ни описывай, вызывали у меня дрожь, Джоанна вернулась к разговору о прежней карьере Грегга. Его достижения действительно впечатляли. Это касалось не только вершин, которые он покорил — Эверест, К-2, Маккинли, Аннапурна, — но и того, каким образом он поднимался на них: зимой, без кислорода, с минимумом снаряжения.

Джоанна, несомненно, тщательно изучила содержание газет. В восьмидесятых годах Грег был альпинистом-мистиком. Главные пики были привилегией, которую завоевывают годами подготовки. К началу девяностых он явно переменял свои взгляды: «Я был в числе тех, кто считал, что альпинизм — удел избранных, — цитировались его слова. — Теперь я демократ. Альпинизм — это захватывающая вещь. Я хочу сделать его доступным для всех». Для всех, сухо комментировала Джоанна, кто в состоянии выложить 30 000 долларов. Грег познакомился с дельцом по имени Пол Молинсон, и они вместе создали компанию «Пик Экспириенсез». В течение трех лет они водили докторов, юристов, арбитров, наследниц на вершины, которые до настоящего времени были недостижимы ни для кого, кроме отборных групп опытных альпинистов.

Джоанна особо выделила одного из погибших членов экспедиции на Чунгават, Алексиса Хартуняна, брокера с Уолл-Стрит. Она процитировала слова одного злого на язык (анонимного) альпиниста: «Этот человек совершил несколько восхождений мирового значения. Даже в полете фантазии его нельзя было назвать альпинистом, и все же он рассказывал всем о том, что „сделал“ Эверест, словно тот был не выше автобусной остановки. Что ж, он узнал, что это такое на самом деле».

Отчет Джоанны о происшедшем на горе был просто очищенной от эмоций версией рассказа Клауса, который сопровождался схемой прохождения закрепленной на западном гребне веревки. Она изобразила хаос, царивший среди неопытных альпинистов, физически страдающих людей, один из которых ни слова не знал по-английски. Она приводила слова анонимных специалистов по альпинизму, заявлявших, что условия на высоте больше восьми тысяч метров слишком суровы для людей, которые не в состоянии были позаботиться о себе. Дело не столько в том, что проводники рисковали своими жизнями, сколько в том, что риску подвергались те, кто был с ними. Клаус сказал ей, что согласен с этим, однако двое анонимных комментаторов пошли еще дальше. Такие вершины, как Чунгават, требуют абсолютного внимания, полной концентрации, особенно в условиях неустойчивой

погоды. Они предполагали, что Грег был настолько занят вопросами бизнеса и конкретными пожеланиями своих неопытных клиентов, что это повлияло на его оценки и, что гораздо хуже, на его поведение. «Когда вы расходуете энергию на совершенно ошибочные вещи, — сказал один, — все идет наперекосяк в самое неподходящее время: закрепленные веревки отвязываются, люди идут не в том направлении».

Это была циничная история о пороке и крушении иллюзий, к концу которой Адам являлся как символ утраченного идеализма. Все знали, что он был критически настроен к экспедиции и к собственному в ней участию, но когда пришло время, именно он раз за разом поднимался на гору, чтобы спасти людей, которые были не способны сделать этого сами. Джоанне удалось повидаться с двумя выжившими участниками экспедиции, оба заявили, что обязаны ему жизнью. Очевидно, еще большую привлекательность ему придавал отказ кого-либо обвинять — по существу, его нежелание вообще как-то комментировать события. Пафоса истории добавлял и тот факт, что среди погибших была его девушка. Адам едва коснулся этого вопроса, но ей удалось найти еще кого-то, кто поведал о том, что он снова и снова отправлялся ее искать, пока не упал без чувств в своей палатке.

Когда Адам вернулся, он не выказал к статье никакого интереса, лишь презрительно сморщился, взглянув на первую страницу. «Какого дьявола она может знать?» — это было его единственным комментарием. Позднее, в кровати, я зачитала ему анонимную критику в адрес Грега.

— Что ты об этом думаешь, любовь моя?

Он взял газету из моих рук и бросил на пол.

— Думаю, что это чушь, — сказал он.

— Ты имеешь в виду, это неточное описание того, что произошло?

— Я совсем забыл, что ты ученый. Ты интересуешься истиной. — Его тон был насмешливым.

\* \* \*

Это походило на замужество с Лоуренсом Аравийским, капитаном Скоттом, парнем на горящей палубе или с кем-то вроде них. В течение следующих двух дней практически все знакомые находили повод позвонить мне, чтобы поболтать. Те, кто не одобрял внезапность и поспешность моего замужества, вдруг поняли причину. Мой отец тоже позвонил, стал говорить ни о чем, потом, как бы невзначай, сказал, что видел статью и предложил, чтобы мы как-нибудь приехали к нему. В понедельник утром в офисе всем вдруг срочно что-то от меня потребовалось. Майк зашел ко мне с чашкой кофе и какой-то неважной бумажкой.

— Мы никогда реально не подвергались испытаниям, не так ли? — проговорил он задумчиво. — Это значит, что мы на самом деле никогда не знали самих себя. Должно быть, твой э-э... муж был поражен тем, что оказался в самом центре катастрофы и вышел из нее так, как вышел.

— Что ты имеешь в виду под «э-э... муж», Майк? Он мой муж. Могу показать тебе бумажку, если нужно.

— Я не хотел сказать ничего такого, Элис. Просто нужно привыкнуть. Давно ты с ним знакома?

— Думаю, пару месяцев.

— Поразительно. Должен сказать, что когда я впервые об этом услышал, то решил, что у тебя поехала крыша. Это было совсем не похоже на Элис Лаудон, которую я знал. Теперь я вижу, что мы все ошибались.

— Мы?

— Все в офисе.

Я была ошеломлена.

— Вы все думали, что я сошла с ума?

— Мы все были удивлены. Теперь я вижу, что ты была права, а мы ошибались. Все как в статье. Это касается способности ясно мыслить под давлением обстоятельств. Твой муж ею обладает. — Майк смотрел в свою чашку, в окно, куда угодно, только не на меня. Тут он повернулся и взглянул на меня. — Теперь и ты тоже.

Я попыталась не захихикать по поводу этого комплимента, если это был комплимент.

— Что ж, спасибо, добрый сэр. Вернемся-ка к делам.

Ко вторнику у меня было ощущение, что я переговорила со всеми в мире, у кого только был записан мой телефонный номер, за исключением Джейка. Даже при этом для меня стал неожиданностью звонок Джоанны Нобл, о котором мне сообщила Клаудиа. Да, она хотела переговорить именно со мной, а не пыталась через меня выйти на Адама. Да, это важно, и она хочет встретиться со мной с глазу на глаз. Сегодня же, если возможно. Она будет где-нибудь неподалеку от моего офиса, прямо сейчас, если у меня есть время. Это займет всего несколько минут. Что я могла ответить? Я сказала, чтобы она подошла к нашей приемной, и через час мы сидели в почти пустом баре за углом. Она молча пожала мне руку.

— Я в каком-то смысле благодаря вашей статье купаюсь в лучах отраженной славы, — начала я. — По крайней мере я жена героя.

Она смутилась, зажгла сигарету.

— Он в самом деле герой, — отозвалась она. — Между нами, у меня были некоторые сомнения по поводу отдельных мест, где я открыто высказала обвинения. Но то, что там, наверху, сделал Адам — просто неописуемо.

— Да, — сказала я. — Ведь он герой, не так ли? — Джоанна не ответила. — Полагаю, что вы теперь работаете над другим материалом.

— Над несколькими, — отозвалась она.

Я заметила у нее в руке листок бумаги.

— Что это?

Она посмотрела на бумагу так, словно понятия не имела, как та оказалась у нее в руке, и потому напряглась.

— Сегодня утром пришло с почтой. — Она передала листок мне. — Прочтите.

Письмо было очень короткое.

"Дорогая Джоанна Нобл!

Мне просто плохо сделалось от того, что вы написали об Адаме Таллисе. Если вам интересно, я могла бы рассказать о нем правду. В случае, если в вас проснется интерес, просмотрите газеты за 20 октября 1989 года. Если захотите со мной встретиться, я расскажу, какой он на самом деле. Девушка в статье — это я.

Искренне ваша,

Мишель Стоу".

Я озадаченно посмотрела на Джоанну.

— Похоже, что писала душевнобольная, — сказала я.

Джоанна кивнула.

— Я получаю много таких писем. Однако я сходила в библиотеку... то есть в газетный архив у нас в офисе... и нашла это. — Она вручила мне еще одну бумагу. — Это небольшая заметка. Ее поместили на задних полосах, но мне кажется... Ладно, посмотрим, что вы скажете.

Это была копия заметки, озаглавленной «Судья делает замечание изнасилованной девушке». Имя под первой фотографией было подчеркнуто. Имя Адама.

"Молодой человек был освобожден вчера в первый же день заседания в суде

Винчестер-Крауна, когда судья Майкл Кларк приказал присяжным признать его невиновным. «Вы покидаете зал суда незапятнанным, — сказал судья Кларк Адаму Таллису, 25 лет. — Могу лишь сожалеть, что вам вообще пришлось давать показания по такому незначительному и несостоятельному обвинению».

Мистер Таллис был обвинен в изнасиловании мисс Икс, молодой женщины, чье имя не может быть названо на правовых основаниях после того, что было названо «пьяной пирушкой» в районе Глочестер. После краткого перекрестного допроса, который был посвящен ее прежним сексуальным похождениям и ее состоянию во время пирушки, представитель защиты Джереми Макаван подал заявление об освобождении обвиняемого, которое тут же было поддержано судьей.

Судья Кларк высказал сожаление, «что мисс Икс пользуется правом сохранять анонимность, в то время как имя и репутация мистера Таллиса должны были пройти через этот кошмар». На ступенях суда адвокат мистера Таллиса, Ричард Вайн, сказал, что его клиент доволен вердиктом судьи и просто хочет продолжать жить своей жизнью".

\* \* \*

Когда я закончила читать, то совершенно спокойно взяла свой кофе и сделала глоток.

— Итак? — спросила я. Джоанна не ответила. — Что это? Вы собираетесь об этом что-нибудь написать?

— Написать что? — поинтересовалась Джоанна.

— Вы подняли Адама на пьедестал. — Я пожала плечами. — Может быть, пора его оттуда скинуть?

Джоанна прикурила очередную сигарету.

— Не думаю, что заслужила это, — холодно проговорила она. — Я сказала все, что должна была сказать об альпинизме. У меня нет намерений встречаться с этой женщиной. Но... — она сделала паузу, на ее лице было сомнение, — это скорее касается вас, чем кого-нибудь другого. Я не знала, как лучше поступить. В конце концов решила, что моя обязанность показать это вам. Возможно, я кажусь ханжой и вмешиваюсь не в свои дела. Если хотите, просто забудьте.

Я глубоко вздохнула и заставила себя говорить спокойно.

— Простите меня за эти слова.

Джоанна слабо улыбнулась и выпустила целый клуб дыма.

— Ну ладно, я пойду.

— Я могу оставить это у себя?

— Конечно. Это всего лишь копия. — Она явно не смогла побороть любопытство. — Что вы собираетесь предпринять?

Я покачала головой:

— Ничего. Его ведь сочли невиновным, разве не так?

— Так.

— Совершенно незапятнанным, так?

— Так.

— Ну, значит, я вообще не стану ничего предпринимать.

## Глава 19

Конечно, все это было не так просто. Я говорила себе, что Адама признали невиновным, что я вышла за него замуж и обещала ему верить. Это было первым испытанием веры. Я не собиралась ничего ему говорить; не собиралась никак реагировать на эту клевету. Я не собиралась даже думать об этом.

Кого я дурачила? Я думала об этом постоянно. Думала об этой неизвестной девушке, женщине или кто она там, пьяной, рядом с пьяным Адамом. Я думала о Лили, снимающей майку, с молочным телом русалки и багровой спиной. И я думала о том, как вел себя Адам со мной: он связывал меня, душил, заставлял выполнять его приказы. Ему нравилось причинять мне боль. Он любил заставлять меня казаться слабой рядом с его силой. Он внимательно отслеживал мои болезненные ощущения. Когда я обдумывала все это, наши занятия любовью, которые казались безумной страстью, представлялись чем-то другим. Когда я была одна в своем кабинете, то закрывала глаза и перебирала в памяти проявления чрезмерности. Эти воспоминания доставляли мне какое-то особое, болезненное удовольствие. Я не знала, как мне быть.

В первую же ночь после встречи с Джоанной я сказала ему, что чувствую себя отвратительно. У меня вот-вот должны начаться месячные. Болит спина.

— Ведь до начала еще целых шесть дней, — возразил он.

— Значит, придет раньше срока, — парировала я. Боже, я замужем за человеком, который лучше меня знает мои менструальные циклы. Я попыталась перевести свое смущение в шутку. — Это просто еще раз показывает, как нам нужна помощь «Дрэга».

— Я сделаю тебе массаж. Это поможет. — Он помогал кому-то в Кенингстоне перекладывать деревянный пол, и его руки были грубее обычного. — Ты вся напряжена, — сказал он. — Расслабься.

\* \* \*

Я продержалась два дня. В четверг вечером он пришел домой с большим пакетом продуктов и объявил, что собирается заняться готовкой, для разнообразия. Он купил рыбу-меч, два свежих красных острых перца, узловатый корешок имбиря, пучок кинзы, рис-басмати в пакете из коричневой бумаги и бутылку красного вина. Он зажег все свечи и выключил электричество, так что маленькая мрачная кухня внезапно стала похожа на пещеру колдуна.

Я читала газету и наблюдала, как он тщательно мыл кинзу, чтобы на листьях не осталось ни песчинки. Он положил перец на доску и мелко порезал. Почувствовав на себе мой взгляд, он отложил нож, подошел ко мне и поцеловал, держа руки подальше от моего лица.

— Не хочу, чтобы перец случайно попал тебе в глаза, — пояснил он.

Он приготовил маринад для рыбы, промыл рис и оставил его отмокать в тазике, потом тщательно вымыл руки, откупорил вино и налил немного в разные стаканы.

— Потребуется еще примерно час, — сказал он. Залез в карманы брюк и извлек оттуда тонкие кожаные шнурки. — Я весь день мечтал о том, как свяжу тебя.

— А если я скажу «нет»? — Мой голос сорвался. Во рту внезапно пересохло, и я никак не могла проглотить образовавшийся в горле ком.

Адам поднес к губам стакан и отпил немного вина. Оценивающе посмотрел на меня.

— Что ты вкладываешь в слово «нет»? Нет в каком смысле?

— Я должна тебе кое-что показать, — проговорила я, потом взяла сумочку, достала оттуда фотокопии письма и статьи и передала все это Адаму.

Он поставил стакан на стол и не спеша прочел бумаги. Потом взглянул на меня.

— Ну и что?

— Я... мне это дала журналистка и... — Я замолчала.

— О чем ты собираешься спросить меня, Элис? — Я не ответила. — Хочешь спросить, насиловал ли я ее?

— Нет, конечно, нет. Я в том смысле, ведь судья сказал... о черт, мы же муж и

жена, не забыл? Это, должно быть, немаловажное событие в твоей жизни. Я хочу знать, что произошло. Конечно, хочу. А какого черта ты еще ожидал? — К своему удивлению, я так врезала кулаком по столу, что подпрыгнули стаканы.

Какой-то момент он выглядел печальным, а не злым, как я ожидала.

— Я ожидаю от тебя доверия, — тихо, почти про себя произнес он. — И что ты будешь на моей стороне.

— Я на твоей стороне. Конечно. Но...

— Но ты хочешь узнать, что произошло.

— Да.

— Именно то, что произошло?

Я набрала в грудь воздуха и твердо сказала:

— Да, именно это.

— Ты сама попросила об этом. — Он налил себе еще вина, сел на стул и посмотрел на меня. — Я был на вечеринке в доме приятеля в Глочестершире. Кажется, восемь лет назад. Незадолго до этого я вернулся из Америки, где с напарником лазил по Йосемиту. Мы прилично набрались и хотели как следует поразвлечься. Там было полно народу, но я практически никого не знал, кроме парня, который устраивал вечеринку. Выпивка текла рекой. Были легкие наркотики. Все танцевали, целовались. Стояло лето, на дворе было жарко. Несколько парочек уединились по кустам. Эта девица подошла ко мне и потащила танцевать. Она была под градусом и пыталась раздеть меня прямо во время танца. Я вывел ее на улицу. Она скинула с себя одежду, еще когда мы пересекали лужайку. Мы зашли за стоявшее там большое дерево; мне было слышно, как в нескольких ярдах от нас устраивается еще одна пара. Она без умолку говорила про своего парня, о том, как между ними произошла крупная размолвка, и о том, как она хочет, чтобы я ее трахнул, чтобы делал с ней то, чего не делал он. Так вот, я сделал именно то, чего она хотела. Потом она заявила, что я ее изнасиловал.

Повисла тишина.

— Она хотела этого? — спросила я тихо. — Или она просила этого не делать?

— Что ж, Элис, это уже интересный вопрос. Скажи, ты когда-нибудь говорила мне «нет»?

— Но...

— Я когда-нибудь тебя насиловал?

— Все не так просто.

— Занятия любовью — это всегда не так просто. Тебе нравится то, что я с тобой делаю?

— Да. — У меня на лбу выступили капельки пота.

— Когда я тебя связывал, ты просила меня остановиться, но тебе это нравилось?

— Да, но... Это отвратительно, Адам.

— Ты сама просила об этом. Когда я...

— Довольно. Это все же не так просто, Адам. Это зависит от намерений. Ее, твоих. Она хотела, чтобы ты остановился?

Адам отхлебнул еще немного вина и медленно проглотил.

— Позже. Она хотела, чтобы я вовремя остановился. Ей хотелось, чтобы ничего не было, это точно. Она хотела, чтобы вернулся ее парень. Что ж, мы всегда хотим изменить то, что уже сделали.

— Давай проясним. Не было ли такого момента, когда тебе показалось, что она сопротивляется или не хочет тебя?

— Нет.

Мы посмотрели друг на друга.

— Хотя порой, — продолжал он, глядя на меня словно изучающе, — женщин



трудно понять.

Это прозвучало ужасно несправедливо.

— Не смей говорить о женщинах так, словно мы всего лишь особи, объединенные общим полом.

— Ну конечно, она и была особью, И я тоже. Я встретил ее на вечеринке, когда мы оба были пьяны. Не думаю, что знал ее имя, да и она мое. Это было то, чего мы хотели. Нам обоим хотелось заняться любовью. Что в этом такого?

— Я не...

— Разве с тобой такого никогда не было? Было, ты сама мне рассказывала. И разве в свое время это не часть удовольствия?

— Может быть, и так, — признала я. — Но позже становится стыдно.

— Только не мне. — Он прямо взглянул на меня, и я ощутила его злость. — Я не верю в заботу о вещах, которые нам не дано изменить.

Я старалась, чтобы мой голос был твердым. Мне вдруг захотелось заплакать.

— Та ночь после того, как мы стали мужем и женой. В хижине. Хотела, чтобы ты делал это, Адам. Я хотела, чтобы ты делал все, что захочешь. На следующее утро, проснувшись, я почувствовала, что все было неправильно. Я почувствовала, что мы зашли слишком далеко, туда, куда нам не следовало заходить.

Адам налил мне еще немного вина, потом себе. Я и не заметила, как почти прикончили бутылку.

— Неужели у тебя никогда не было такого чувства? — спросила я.

Он кивнул:

— Было.

— После занятий любовью?

— Не обязательно. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. — Он поморщился. — Это чувство мне знакомо.

Мы вместе допили вино, свечи замигали.

— Рыба-меч уже скоро замаринуется, — сказала я.

— Я не стал бы никого насиловать.

— Я знаю, — сказала я. И подумала: откуда?

— Мне сейчас готовить рыбу?

— Пока нет.

Я заколебалась. Казалось, решается моя судьба. Я могла повернуть ее так или иначе; перекрыть один путь или другой. Поверить и сойти с ума. Не верить и сойти с ума. Ведь в моем положении разницы в конечном счете практически нет. На улице было совершенно темно, через окно доносилась непрерывная дробь дождевых капель. Свечи почти угасали, отбрасывая на стены пляшущие тени. Я встала и подошла к тому месту, где он бросил кожаные шнурки.

— Тогда давай, Адам.

Он не пошевелился на своем стуле.

— Что ты говоришь? — спросил он.

— Я говорю «да».

\* \* \*

Но я не была согласна, во всяком случае, не со всем. На следующий день я позвонила с работы Лили и договорилась встретиться с ней ранним вечером, сразу после того, как покину офис. Мне не хотелось идти в ее неприглядную полуподвальную квартиру. Мне казалось, что я не смогу сидеть на грязных простынях в окружении старых фотографий Адама. Я предложила кафе-бар в «Джон Льюис», на Оксфорд-стрит, — это было самое нейтральное, самое ординарное заведение, какое я могла вспомнить.

Когда я вошла, Лили была уже там, она пила капучино и ела громадный бисквит со струганым шоколадом. На ней были черные шерстяные брюки, мохнатый темно-красный свитер, высокие ботинки, на лице ни намека на косметику. Серебристые волосы были собраны сзади в тугий узел. Она выглядела вполне нормальной, а когда улыбнулась мне, то даже приятной. Не такой свихнувшейся. Я осторожно ответила на ее улыбку. Я не хотела, чтобы она мне понравилась.

— Проблемы? — добродушно спросила Лили, когда я устроилась напротив.

— Хотите еще кофе? — в ответ спросила я.

— Нет, спасибо. Хотя не отказалась бы от еще одного бисквита... Я не ела весь день.

Я заказала себе капучино и еще один бисквит. Я смотрела на нее поверх своей чашки и не знала, с чего начать. Было ясно, что Лили не против просто помолчать и что ей нравится моя неловкость. Она жадно ела, измазав в шоколаде подбородок. Мне подумалось, что она немного похожа на ребенка.

— Мы не закончили наш разговор, — неуверенно проговорила я.

— Что вы хотите узнать? — резко бросила она. И добавила: — Миссис Таллис.

Я ощутила, что по мне прошла волна тревоги.

— Я не миссис Таллис. Почему вы меня так называли?

— Просто от нечего делать.

Я пропустила это мимо ушей. Ведь вот уже несколько дней не было ни телефонных звонков, ни писем. С тех пор, как я столкнулась с Джейком.

— Адам действительно был жесток с вами?

Она визгливо хихикнула.

— Я имею в виду, по-настоящему жесток.

Она вытерла губы. Ей нравилось то, что происходит.

— В смысле, он когда-нибудь действовал без вашего согласия?

— Что это должно означать? Откуда мне знать? На это совершенно не походило. Вы же знаете, какой он. — Лили улыбнулась. — Кстати, как вы думаете, что он сделает с вами, застав здесь со мной? За то, что вы собираете о нем сведения? — Она снова издала быстрый, жуткий смешок.

— Я не знаю, что он скажет.

— Я не о том, что он скажет. Что он сделает?

Я не стала отвечать.

— Я бы не хотела оказаться в вашей шкуре!

Потом она вдруг вздрогнула всем телом и стала тянуться через столик, пока ее лицо не приблизилось к моему. На ее великолепных белых зубах остался след от шоколада.

— Если, конечно, я не буду в ней. — Она прикрыла глаза, и у меня возникло чудовищное ощущение, что я наблюдаю, как она проигрывает в воображении некий акт фетишизма с Адамом.

— Я ухожу, — сказала я.

— Хотите совет?

— Нет. — Я сказала это слишком поспешно.

— Не пытайтесь становиться у него на пути или переделывать. Бесполезно. Идите с ним.

Она встала и ушла. Я расплатилась.

## Глава 20

Я подошла к Клаусу и обняла его. Он положил руки мне на талию.

— Поздравляю, — сказала я.

— Хорошая вечеринка, да? — Он весь светился. Потом его улыбка стала

ироничной. — Значит, те люди не совсем напрасно погибли в горах. Кое-что из всего этого получилось — моя книга. Пусть не говорят, что я не смог извлечь пользу из несчастья других.

— Думаю, потому-то все здесь и собрались, — сказала я, и мы отпустили друг друга.

— Где твой муж-герой? — спросил Клаус, озираясь по сторонам.

— Прячется где-нибудь в толпе, отбиваясь от поклонников. Здесь есть еще кто-нибудь из экспедиции?

Клаус осмотрелся по сторонам. Презентация его книги проходила в библиотеке общества альпинистов южного Кенсингтона. В помещении, просторном, как пещера, конечно же, повсюду располагались полки, уставленные томами с кожаными корешками, однако были здесь и стеклянные кубы, в которых красовались старые, покрытые трещинами ботинки, на стенах, словно трофеи, висели ледорубы, фотографии чопорных мужчин в твидовых костюмах и виды гор — там было много-много вершин.

— Где-то в комнате Грег.

Я очень удивилась:

— Грег? Где он?

— Вон там, разговаривает с тем стариком в углу. Иди познакомься. Это лорд Монтроз. Он представляет великий ранний период гималайских восхождений, когда не считали обязательным снабжать носильщиков обувью с шипами.

Я стала протискиваться через толпу. В одном из углов стояла Дебора. Вокруг было немало высоких, фантастически здоровых женщин. Я волей-неволей прикидывала себе, с кем из них спал Адам. Дура. Дура. Когда я подошла, Грег склонился над лордом Монтрозом, что-то крича тому в ухо. Я постояла возле них минуту, пока Грег подозрительно не оглянулся на меня. Видимо, принял за репортершу. Грег отвечал моим прежним представлениям об альпинистах, сложившимся до того, как я познакомилась с людьми типа Адама и Клауса. Он не был таким высоким, как они. У него была неправдоподобно большая борода, как у человека из стихотворения Эдварда Лира, который нашел в ней двух жаворонков и еще крапивника. Волосы длинные, неухоженные. Должно быть, ему еще не было сорока, но на лбу и вокруг глаз пролегли тонкие морщины. Лорд Монтроз посмотрел на меня и, отступив на шаг, необъяснимым образом растворился в толпе, словно я была противоположным полюсом магнита, оттолкнувшим его.

— Меня зовут Элис Лаудон, — сказала я Грегу. — Я недавно вышла замуж за Адама Таллиса.

— А-а, — сморщился он в улыбке. — Поздравляю.

Повисло молчание. Грег обернулся, чтобы взглянуть на фотографию, висевшую на стене за нами.

— Посмотрите, — сказал он. — Во время одной из первых экспедиций, добравшихся сюда, некий викторианский викарий сделал шаг назад, чтобы насладиться открывающимся видом, и потащил за собой четырех спутников. Они приземлились прямо на свои палатки, которые, к несчастью, были разбиты в девяти тысячах футов под ними. — Он прошел к следующей фотографии. — К-2. Красиво, не так ли? Там погибли почти пятьдесят человек.

— А где К-1?

Грег засмеялся:

— Ее больше не существует. В 1856 году один британский лейтенант, работавший над большим геодезическим изысканием в Индии, взобрался на гору и увидел два пика на Каракорумском хребте примерно в ста тридцати милях от него. Он пометил их как К-1 и К-2. Позже оказалось, что у К-1 уже есть название, Машербрам. Но К-2 сохранилось.

— Вы поднимались на нее, — сказала я. Грег не ответил. Я выпалила: — Вы говорили сегодня вечером с Адамом? Вы должны. Он очень переживает по поводу того, что пишут газеты о Чунгават. Можно я провожу вас к нему? Вы тем самым и мне сделаете одолжение, а заодно спасете его от тех ярких экзальтированных женщин.

Явно пребывая в замешательстве, Грег не смотрел мне в глаза, а озирался по сторонам, как поступают обычно люди на вечеринках, если слушают вас вполуха и осматриваются в поисках достойного собеседника. Он, видимо, знал, что я не альпинистка, и не ожидал услышать ничего интересного, поэтому я ощутила неловкость.

— Он переживает, да? — тихо повторил Грег, по-прежнему не глядя на меня. — И с чего это?

Для чего я это делаю? Я набрала полную грудь воздуха.

— Ас того, что это преподносится в таком виде, который не имеет ничего общего с тем, что на самом деле произошло в горах, во время бури и всего остального.

При этих словах Грег, не посмотрев в мою сторону, позволил себе устало усмехнуться. Когда он заговорил, стало ясно, что это потребовало от него усилия, словно он все еще чувствовал боль.

— Я считаю, — медленно проговорил он, — что человек, который возглавил экспедицию, должен принять на себя ответственность за нее.

— Это была не увеселительная прогулка, — возразила я. — Каждый участник экспедиции знал, что отправляется в очень опасное место. Никто не может гарантировать хорошую погоду на горе, подобной этой, словно речь идет всего лишь о праздничном пикнике.

Морщины у него на лице поползли вверх. Казалось, что время, проведенное им в Гималаях под яростным солнцем и в разряженной атмосфере, наградило его обликом древнего буддийского монаха. На морщинистом загорелом лице сияли красивые кристально-голубые глаза младенца. Я почувствовала, что он принял на себя весь груз произошедшего. Он очень мне понравился.

— Да, Элис, — ответил он. — Это верно.

То, как это было сказано, выглядело не столько неким оправданием, сколько очередным примером ошибочных суждений.

— Мне бы хотелось, чтобы вы обсудили все это с Адамом, — в отчаянии пролепетала я.

— Для чего мне говорить с ним, Элис? Что он скажет мне?

Я немного подумала, собираясь с мыслями.

— Скажет, — наконец ответила я, — что там, на высоте около восьми тысяч метров, совсем другой мир и что нельзя морализировать по поводу того, что произошло.

— Проблема в том, — Грег едва шевелил губами, — что я с этим не согласен. Я знаю, что... — Он помедлил. — Я знаю, Адам чувствует, что вверху все по-другому, не похоже на все остальное. Но я полагаю, что можно морализировать по поводу поведения на вершине горы, как и в любом другом месте. Единственно необходимо воспринимать это правильно.

— Что вы имеете в виду?

Он вздохнул и огляделся, чтобы посмотреть, не вслушивается ли кто-нибудь в наш разговор. К счастью, все были заняты друг другом. Он сделал глоток из своего стакана, потом еще один. Я пила белое вино, он — виски.

— Должен ли я снова и снова казнить себя? Возможно, было безответственно с моей стороны вести относительно неопытных альпинистов на Чунгават. Я полагал, что отлично подготовлен. — Он твердо посмотрел на меня, в глазах появился новый, суровый блеск. — Возможно, я и по сей день так считаю. Мне стало плохо в горах, по-настоящему плохо, меня практически волоком пришлось стаскивать в базовый

лагерь. Тогда была страшная буря, одна из самых сильных, которые мне доводилось видеть в мае. Но я думал, что создал систему закрепленных веревок и крючьев, которая при наличии носильщиков и профессиональных инструкторов обеспечивала полную безопасность. — Мы смотрели друг на друга, и тут я увидела, что его лицо начало смягчаться, пока на нем не появилось очень-очень печальное выражение. — Однако, скажете вы или другие люди, погибли пять человек. И кажется... да, неуместно делать заявления о том, что не выдержали та веревка или тот колышек, что мои мысли были заняты другими вещами. — Он едва заметно пожал плечами.

— Простите, — сказала я. — Я не сильна в технических деталях.

— Верно, — сказал Грег. — Многие не сильны.

— Но я знаю об эмоциях, последствиях. Это было ужасно для всех. Я прочла книгу Клауса. Он переживает по поводу того, что оказался беспомощным там, наверху. И Адам. Он все еще мучается из-за того, что не смог спасти свою подругу Франсуазу.

— Бывшую подругу, — ровным голосом поправил Грег. Было похоже, что он безутешен. Внезапно к нам подошла молодая женщина.

— Привет, — радостно сказала она. — Я Кейт из издательства, работала с книгой Клауса.

Возникла пауза, пока мы с Грегом обменивались взглядами, вдруг ощутив себя заговорщиками.

— Меня зовут Элис, — представилась я.

— Я — Грег.

По лицу женщины было ясно — она поняла, кто перед ней.

— О, вы были...

Кейт смущенно замолчала и покраснела.

\* \* \*

— ...Было ужасно неловко, — рассказывала я. — Не пауза, а какая-то черная дыра. Ясно, что Грег не мог вступить и закончить за нее фразу, назвать себя одним из тех, кого обвиняют в катастрофе, а я полагала, что не мое дело вмешиваться и помогать ей выпутываться. Она все краснела, краснела, а потом просто отошла в сторону. Это... ой, холодно.

Адам натянул на меня одеяло.

— О чем ты разговаривала с Грегом?

Произнося это, он уложил мои конечности и перевернул меня, словно манекен.

— Аккуратнее. Я подумала, что должна увидеться с кем-нибудь, кто для тебя имеет значение. И еще я хотела рассказать ему, как ты переживаешь всю эту шумиху.

Я попыталась перевернуться, чтобы взглянуть Адаму в глаза.

— Ты против?

Я ощутила его руки у себя на затылке, потом он схватил меня за волосы и с силой вжал лицом в матрас. Я не сдержалась и вскрикнула.

— Да, я против. Это тебя несколько не касается. Что ты знаешь об этом? — У меня на глаза навернулись слезы. Я попыталась перевернуться, но Адам локтем и коленом прижимал меня к кровати, одновременно водя пальцами по моему телу. — Твое тело так неисчерпаемо прекрасно, — нежно сказал он, его губы коснулись моего уха. — Я по уши влюблен в каждую его частицу, и я люблю тебя.

— Да, — простонала я.

— Но, — его голос стал жестче, хотя и теперь он был не громче шепота, — я не хочу, чтобы ты вмешивалась в дела, которые тебя абсолютно не касаются, потому что это меня бесит. Тебе ясно?

— Нет, — сказала я. — Я в самом деле не понимаю. Я не согласна.

— Элис, Элис, — укоризненно сказал он, перемещая пальцы от моих волос вдоль позвоночника, — нам нет дела до наших миров, до прошлых жизней друг друга. Значение имеет только то, что мы здесь, в этой кровати.

Вдруг я дернулась.

— Ой, больно! — вскрикнула я.

— Подожди, — сказал он. — Подожди, тебе лишь нужно расслабиться.

— Нет, нет, я не могу! — Я попыталась перевернуться на спину, но он надавил на меня так, что стало трудно дышать.

— Расслабься и верь мне, — говорил он, — верь мне.

Вдруг мое тело пронзила боль, это было словно вспышка света, которую я могла видеть и чувствовать, и она пробежала сквозь меня снова и снова — бесконечно, и я услышала крик, который словно исходил откуда-то. Но кричала я.

\* \* \*

Врач, которая за мной наблюдала, Кэролайн Воган, всего на четыре-пять лет старше меня, и каждый раз, когда я обращаюсь к ней — обычно по поводу каких-нибудь предписаний или прививок, — чувствую, что мы те люди, которые обязательно подружались бы, познакомься при других обстоятельствах. В данном случае по этой причине было немного неловко. Я позвонила ей и упростила срочно принять меня по дороге на работу. Да, это важно. Нет, я не могу ждать до завтра. Внутреннее обследование было болезненным, и я кусала костяшки пальцев, чтобы не закричать. Кэролайн болтала со мной, а потом вдруг замолчала. Спустя несколько секунд она стянула перчатки, и я ощутила ее теплые пальцы на верхней части спины. Она сказала, что можно одеваться, а сама стала мыть руки. Когда я вышла из-за ширмы, она сидела за столом и делала записи. Она подняла глаза.

— Можете сесть?

— С трудом.

— Я удивлена. — У нее был очень серьезный, почти торжественный вид. — Как вы отнесетесь к тому, что у вас обширная анальная трещина?

Я постаралась взглянуть на Кэролайн спокойно, словно речь шла о гриппе.

— И что это значит?

— Она, возможно, зарастет сама собой, но вам следует в течение следующей недели или около того потреблять побольше фруктов и клетчатки, чтобы избежать дальнейшего ухудшения. Я пропишу еще легкое слабительное.

— Это она?

— Что вы имеете в виду?

— Очень болит.

Кэролайн немного подумала и дописала что-то в рецепт.

— Это анестезирующий гель, он должен помочь. Приходите провериться на следующей неделе. Если трещина не затянется, нам придется подумать о расширении анального прохода.

— Это что такое?

— Не беспокойтесь. Это несложная процедура, но ее делают под общим наркозом.

— Боже.

— Не бойтесь.

— Хорошо.

Она отложила ручку и передала мне рецепт.

— Элис, я не собираюсь читать вам лекции по поводу нравственности. Но, ради Бога, относитесь к своему телу с уважением.

Я кивнула. Я не могла придумать, что сказать.

— У вас синяки на внутренних поверхностях бедер, — продолжала она. — На ягодицах, на спине и даже слева на шее.

— Как видите, я ношу блузку с высоким воротником.

— Вы ни о чем не хотите поговорить со мной?

— Все кажется хуже, чем есть на самом деле, Кэролайн. Я недавно вышла замуж. Мы увлеклись.

— Думаю, что должна вас поздравить, — сказала Кэролайн, но произнесла она это без тени улыбки.

Я, поморщившись, поднялась, чтобы идти.

— Спасибо.

— Элис.

— Да?

— Жестокий секс...

— Это совсем не то...

— Я договорю. Жестокий секс может привести в штопор, из которого трудно выйти. Это как наркотик.

— Нет. Вы ошибаетесь. — Меня охватил жар, злость, унижение. — Секс всегда связан с болью, не так ли? С силой, подчинением и прочими вещами.

— Конечно. Но не с анальными трещинами.

— Да.

— Будьте осторожнее, о'кей?

— Да.

## Глава 21

Найти ее не составило труда. Было письмо, на которое я насмотрелась до боли в глазах. Мне было известно ее имя; адрес выведен в заголовке листка почерком с завитушками. Просто однажды утром я позвонила с работы в справочную и узнала номер ее телефона. Несколько минут смотрела на цифры, записанные на обратной стороне использованного конверта, раздумывая, позвонить или нет. Кем я должна притвориться? Что, если кто-то другой снимет трубку? Я прошла по коридору к автомату с напитками, налила себе в пластмассовый стаканчик апельсинового чая и уселась в кабинете, плотно притворив за собой дверь. Я подложила под себя мягкую подушку, но сидеть все равно было больно.

Телефон звонил довольно долго. Должно быть, ее не было дома, скорее всего она на работе. Какая-то часть меня вздохнула с облегчением.

— Алло.

Все-таки ответила. Я прокашлялась.

— Здравствуйте, это Мишель Стоу?

— Да, это я.

У нее был высокий и довольно писклявый голос, в котором звучал западный акцент.

— Меня зовут Сильвия Бушнелл. Я коллега Джоанны Нобл по газете «Партисипант».

— Да? — Теперь голос стал осторожным, напряженным.

— Она передала мне вашу записку, и мне хотелось бы узнать, могу я поговорить с вами об этом.

— Даже не знаю, — сказала она. — Не стоило мне писать. Я была очень рассержена.

— Мы просто хотели бы узнать эту историю, как вы ее видите, вот и все.

Тишина.

— Мишель? — сказала я. — Вам достаточно рассказать мне то, что сможете.  
— Не знаю.  
— Я могла бы приехать и повидаться с вами.  
— Мне не хотелось бы, чтобы вы публиковали что-нибудь в газете без моего согласия.

— Ни в коем случае, — достаточно аккуратно сказала я.

Мишель отнекивалась, но я была настойчивой, и она согласилась, а я сказала, что приеду к ней завтра утром. Она жила всего в пяти минутах от станции. Все оказалось так просто.

Я не читала в поезде. Сидела неподвижно, морщилась при покачивании вагона и наблюдала через окно, как дома Лондона уступали место сельскому пейзажу. День был мрачно-серый. Накануне вечером Адам растер меня всю с массажным кремом. Он очень аккуратно касался синяков, нежно притрагивался к их багровой поверхности, словно это были славные боевые шрамы. Он искупал меня, завернул в два полотенца и положил ладонь мне на лоб. Он был так заботлив, так гордился мной и моими страданиями.

Поезд проезжал по длинному туннелю, и я посмотрела на свое отражение в окне: худое лицо, распухшие губы, тени под глазами, плохо уложенные волосы. Я достала из сумочки расческу, резинку и туго закрепила волосы. Мне пришло в голову, что я не захватила ни блокнота, ни ручки. Куплю на станции.

Мишель Стоу открыла дверь, держа на руках младенца, припавшего к ее груди. Он кормился. Глаза были крепко зажмурены на сморщенном покрасневшем личике. Губы жадно двигались. Когда я вошла через дверь, младенец на секунду оторвался от груди, и я увидела, что он сделал слепое инстинктивное движение — рот открылся, крошечные пальчики разжались и стали хватать воздух. Потом он снова нашел сосок и стал ритмично причмокивать.

— Я уже заканчиваю кормление, — сказала женщина.

Она провела меня в маленькую комнату, в которой почти все пространство занимал коричневый диван. пылал переносной камин. Я села на диван и стала ждать. Мне было слышно, как она тихо воркует, а ребенок хнычет. В воздухе стоял сладковатый запах талька. На каминной полке — фотографии младенца, иногда с Мишель, иногда с худым лысым мужчиной.

Мишель вошла в комнату уже без ребенка и села на другой конец дивана.

— Хотите чаю или еще чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Она выглядела моложе меня. У нее темные вьющиеся волосы и полные бледные губы, выделявшиеся на круглом настороженном лице. Все в ней казалось мягким: блестящие завитки волос, маленькие белые руки, молочно-белые груди, еще округлый после родов животик. Она выглядела и соблазнительной, и уютной в своем поношенном кремовом кардигане, в красных тапочках на ногах, с пятнышком молока на черной тенниске. Впервые в жизни во мне шевельнулся материнский инстинкт. Я вытащила из сумочки скрепленный металлической спиралью блокнот и положила на колени. Приготовила ручку.

— Почему вы написали Джоанне?

— Кто-то показал мне статью, — сказала она. — Не знаю, что у них было в голове. Меня изнасиловала знаменитость.

— Расскажите мне об этом.

— Почему бы и нет? — сказала она.

Я не отрывала глаз от блокнота и время от времени чертила в нем значки, которые можно было принять за скоропись. Мишель говорила с усталой фамильярностью человека, который в сотый раз рассказывает бородатый анекдот. В то время, когда произошел инцидент — она использовала это странное слово,



видимо, после всех полицейских и судебных процедур, — ей было восемнадцать лет, а случилось все на вечеринке в деревне рядом с Глочестером. Вечеринку устраивал приятель ее парня («Тони тогда был моим парнем», — пояснила она). По дороге на вечеринку она поссорилась с Тони, он бросил ее там, отправившись с двумя приятелями в соседний паб. Она была рассержена и смущена, сказала она, и опьянела от сидра и дешевого красного вина, выпитых на пустой желудок. К тому моменту, когда она познакомилась с Адамом, у нее в глазах все кружилось. Она стояла в углу, болтая с подругой, когда пришли он и другой мужчина.

— Он был симпатичный. Возможно, вы видели его на фото. — Я кивнула. — Значит, появились эти двое, и я, помню, сказала Джози: «Твой блондин, а я подхвачу красавчика».

Пока все совпадало с рассказом Адама. Я нарисовала в углу блокнота увядший цветок.

— Что произошло потом? — спросила я. Но Мишель даже не нужно было спрашивать. Ей хотелось рассказать свою историю. Хотелось поговорить с незнакомкой, чтобы ей наконец поверили. Она думала, что я на ее стороне, журналистка-психолог.

— Я подошла к нему и пригласила на танец. Мы немного потанцевали, потом стали целоваться. Мой парень все не возвращался. Я подумала, что проучу его. — Она подняла глаза, не шокировал ли меня задуманный ею прием, заявление о котором, должно быть, и привело к перекрестному допросу. — Значит, я принялась за дело. Я поцеловала его и засунула ему руки под рубашку. Мы вместе вышли на улицу. Там уже были и другие, они целовались и хохотали. Он потащил меня к кустам. Он сильный. Что ж, он лазает по горам, разве нет? Когда мы были еще на лужайке и все вокруг на нас смотрели, он начал расстегивать мне платье на спине. — Она резко втянула в себя воздух, это прозвучало как всхлип. — Звучит глупо, я не какая-нибудь там дурочка или что-то в этом роде, но я не хотела... — Она замолчала, потом вздохнула. — Я просто хотела подшутить, — проговорила она неуверенно. Обеими руками откинула с лица свои темные волосы. Она выглядела слишком молодой, чтобы быть восемнадцатилетней восемь лет назад.

— Что произошло, Мишель? — спросила я.

— Мы отошли от остальных, за дерево. Мы целовались, и все пока было нормально. — Теперь ее голос был очень тихим, и мне пришлось податься вперед, чтобы слышать, что она говорит. — Потом он просунул руку мне между ног, а я сначала не сопротивлялась. Потом я сказала, что не хочу этого. Что хочу вернуться в дом. Мне показалось вдруг, что все не так, как надо. Я подумала: может, вернулся мой парень. Адам был такой высокий и сильный, а я если открывала глаза, то видела, что он смотрит прямо на меня, если же закрывала, то меня начинало ужасно тошнить и все вокруг вертелось. Я здорово напилась.

Когда Мишель описывала мне сцену, я старалась концентрироваться на словах, а не представлять все в картинках. Когда я поднимала на нее глаза, чтобы ободряюще кивнуть или хмыкнуть в поддержку, то старалась не фокусировать взгляд на ее лице, а видеть лишь расплывчатое пятно, бледный кусок кожи. Она говорила, что пыталась вырваться. Адам стащил с нее платье, швырнул в темноту кустов и снова поцеловал ее. На этот раз поцелуй был болезненным, к тому же его рука вызывала боль между ног. Она испугалась. Принялась вырваться, но он лишь крепче держал ее. Она попыталась закричать, Адам рукой зажал ей рот. Она помнила, что старалась выговорить «пожалуйста», но из-под его пальцев доносилось только невнятное мычание.

— Я думала, что если он услышит мои мольбы, то остановится, — сказала Мишель; теперь она была готова расплакаться. Я нарисовала в блокноте большой квадрат и маленький внутри его. В маленьком квадрате я написала слово

«пожалуйста».

— Какая-то часть меня еще не верила в то, что происходит. Я все думала, что он в конце концов остановится.

Этого не может быть, думала я, это не изнасилование. Должен быть мужчина в маске, который внезапно появляется из темной аллеи, вы знаете эти рассказы.

Он повалил меня на землю. Было очень колко. Крапива обожгла мне икру. Он по-прежнему зажимал мне рот рукой. Один раз он убрал руку, чтобы меня поцеловать, но это уже не было похоже на поцелуй, просто другой вид кляпа. Потом он снова зажал мне рот. Я все время боялась, что меня вырвет. Он просунул другую руку мне между ног и попытался сделать так, чтобы я захотела его. Он действительно очень старался. — Мишель посмотрела сквозь меня. — Я не могла не ощущать определенного удовольствия, и это было хуже всего, вы понимаете? — Я снова кивнула. — Хотеть, чтобы тебя изнасиловали, — это уже не изнасилование, не так ли? Не так ли?

— Не знаю.

— Потом он сделал это со мной. Вы не представляете, какой он сильный. Казалось, он наслаждается, делая во время этого мне больно. Я просто лежала, вся мокрая, и ждала, когда все это закончится. Когда он кончил, то опять поцеловал меня, как будто все произошло по обоюдному согласию. Я не могла говорить, не могла ничего сделать. Он принес мое платье и трусики. Я плакала, а он просто смотрел на меня, словно ему было интересно. Потом сказал: «Это просто секс», или: «Это всего лишь секс», или что-то в этом роде и просто взял и ушел. Я оделась и вернулась в дом. Я увидела Джози с ее блондином, она мне подмигнула. А он уже танцевал с другой девушкой. Даже не взглянул на меня. Мишель, казалось, оцепенела, лицо ее было почти безразличным. Ей приходилось не раз рассказывать это. Я спросила ровным голосом, когда она обратилась в полицию. Она сказала, что подождала неделю.

— Почему так долго?

— Я чувствовала себя виноватой. Я напилась, завлекла его, я действовала за спиной у своего парня.

— Что же тогда заставило вас заявить о случившемся?

— Мой парень прослышал об этом. Мы поскадалили, и он ушел от меня. Тогда я пошла в полицию.

Мишель вдруг оглянулась, поднялась и вышла из комнаты. Я несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, прежде чем она вернулась с ребенком. Она снова села на диван, завернутый в одеяло младенец уютно лежал у нее на руках. Время от времени она подносила к его губам свой мизинец, и тот принимался с готовностью его сосать.

— В полиции ко мне отнеслись довольно сочувственно. На теле еще оставались синяки. Еще он... он проделывал со мной всякое, было заключение врача. Но суд прошел ужасно.

— Что случилось?

— Я дала показания, а потом поняла, что судят меня. Адвокат спрашивал о моем прошлом... в смысле о моих прошлых половых связях. Со сколькими мужчинами я переспала. Потом заставил меня рассказать все, что произошло на вечеринке. Как я поссорилась со своим парнем, что на мне было надето, сколько я выпила, как я первая его поцеловала, как заигрывала с ним. Он — Адам — сидел на скамье подсудимых с серьезным и печальным видом. Судья прекратил процесс. Мне хотелось провалиться сквозь землю... все вокруг показалось грязным. Вся моя жизнь. Я никого никогда не ненавидела так сильно, как его. — Она помолчала. — Вы мне верите?

— Вы были очень откровенны, — сказала я. Ей хотелось от меня чего-то

большого. Ее лицо было по-девичьи полным, и она смотрела на меня с напряженным выражением мольбы. Я почувствовала к ней жалость, к себе тоже. Она подняла ребенка и уткнулась лицом в мягкий изгиб его шеи. Я встала. — И еще вы были смелой, — выдавила я из себя.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Вы что-нибудь с этим сделаете?

— Здесь проблемы с законом. — Меньше всего мне хотелось обнадеживать ее.

— Да, — кивнула она безнадежно. Казалось, она мало чего ждет. — Что бы вы сделали, Сильвия? Скажите.

Я заставила себя посмотреть ей в глаза. Было такое ощущение, что я смотрю не с той стороны подзорной трубы. На меня опять нахлынуло чувство двойного предательства.

— Я не знаю, что бы я сделала, — сказала я. Потом мне в голову пришла мысль: — Вы не выбираетесь в Лондон?

Она озадаченно нахмурилась.

— С ним? — она показала глазами на ребенка. — И зачем мне это?

Она казалась вполне естественной; да и телефонные звонки с письмами, казалось, прекратились.

Младенец заплакал, и она подняла сына так, что его головка уткнулась ей в подбородок. Он лежал у нее на груди, раскинув руки, словно крошечный альпинист, прижавшийся к поверхности скалы. Я улыбнулась ей.

— У вас прекрасный мальчик, — сказала я. — Вы хорошо потрудились.

Ее лицо расплылось в ответной улыбке.

— Да, потрудилась, разве нет?

## Глава 22

— Что вы сделали?

До того момента я считала, что выражение об отвалившейся челюсти всего лишь метафора или преувеличение, но тут никаких сомнений быть не могло: у Джоанны Нобл просто отвалилась челюсть.

Возвращаясь на поезде, и без того шокированная и расстроенная, я ощутила приступ настоящей паники, когда до меня впервые дошло, что в действительности я натворила. Я представила себе Мишель, которая звонит в «Партисипант», спрашивает Сильвию Бушнелл, чтобы пожаловаться или что-нибудь добавить к своему рассказу, узнает, что там никого с таким именем нет, и тогда связывается с Джоанной. Едва ли потребуется много времени и усилий, чтобы выйти на меня. Что подумает Мишель по поводу того, что проделали в отношении ее? Другой не совсем абстрактный вопрос — что случится со мной. Если даже напрямую не нарушен никакой закон, я представила, как объясняю Адаму, что натворила.

Я урегулировала вопрос, насколько это было возможно, немедленно. По дороге домой позвонила из автомата Джоанне Нобл и ко времени завтрака на следующий день была у нее в квартире.

Я посмотрела Джоанне в лицо.

— Пепел нужно стряхнуть, — сказала я.

— Что? — переспросила она, все еще пребывая в оцепенении.

Я нашла на столе блюдце и подставила его под покачивающийся цилиндрок пепла на кончике сигареты, которую она держала в правой руке. Я сама тронула пальцем сигарету, и пепел осыпался в блюдце. Я приготовилась излагать дополнительные детали к голым фактам своей исповеди. Все должно было быть изложено максимально ясно.

— Мне очень стыдно, Джоанна. Позвольте мне рассказать, что именно я

натворила, а потом вы скажете, что думаете обо мне. Я позвонила Мишель Стоу, назвалась вашей коллегой по работе в газете. Я поехала к ней, поговорила, и она рассказала, что произошло между ней и Адамом. Я не могла заставить себя отказаться от желания выяснить это, а другого способа придумать не смогла. Но это было ошибкой. Я чувствую себя ужасно.

Джоанна воткнула сигарету в блюдце и подожгла другую. Она провела ладонью по своим волосам. Журналистка была по-прежнему в халате.

— Что, черт побери, вы делаете?

— Расследую.

— Она думала, что говорит с репортером. Думала, что делает смелое заявление от имени жертв насилия, а вместо этого удовлетворила ваше любопытство по поводу того, что ваш муженек, — последнее слово Джоанна произнесла с горьким презрением, — выкидывал со своим петушком до того, как вы поженились.

— Я не пытаюсь оправдываться.

Джоанна сделала глубокую затяжку.

— Вы назвались вымышленным именем?

— Я сказала, что меня зовут Сильвия Бушнелл.

— Сильвия Бушнелл? Где вы такое откопали? Вы... — Это было для нее уже слишком. Джоанна начала хихикать, потом не смогла сдержаться и захохотала. Она опустила голову и пару раз даже ударилась о столешницу. Она снова затянулась сигаретой и принялась одновременно кашлять и смеяться. Наконец ей удалось взять себя в руки. — Вы явно умеете задевать за живое. Вам следовало бы заняться моей работой. Мне необходимо немного кофе. Хотите?

Я кивнула, она вскипятила воду и за разговором намолочила кофейных зерен.

— Так что же вам удалось узнать?

Я кратко изложила рассказ Мишель.

— Гм-м, — произнесла Джоанна. Она не казалась особенно смущенной. Налила кофе в две кружки, снова села за кухонный столик напротив меня. — Итак, что вы чувствуете после своей проделки?

Я отхлебнула кофе.

— Все еще пытаюсь навести порядок в голове... Опустошение. Это одно из ощущений.

Джоанна недоверчиво посмотрела на меня.

— Правда?

— Конечно.

Она прикурила очередную сигарету.

— Разве это как-то отличается от того, что вы прочли в газете? Если исходить из того, что рассказали вы, я бы все равно оправдала Адама. Меня удивляет, что все это вообще дошло до суда.

— Мне нет дела до юридических тонкостей, Джоанна. Меня волнует то, что произошло. Что могло произойти.

— О, ради Бога, Элис, мы же взрослые женщины. — Она долила себе кофе. — Видите ли, я не считаю себя особо неразборчивой в связях... Да и никто таким себя не считает, не так ли? Но мне приходилось спать с мужчинами, чтобы только от них отделаться или потому, что они были очень настойчивыми. Я занималась сексом по пьянке с теми, с кем в трезвом виде никогда бы этого не сделала. Делала это без особого желания и сожалела на следующее утро или через десять минут. Раз или два я так унизила себя, что меня потом тошнило. С вами такого не было?

— Бывало порой.

— Я хочу сказать, что многие из нас побывали в том сереньком местечке и позабавлялись с тем, чего в действительности хотели. Я знаю, это непросто, но должна сказать, что это вовсе не то же самое, когда мужчина залезает к тебе в окно в

маске и с ножом.

— Мне жаль, Джоанна, но я никак не могу с этим свыкнуться.

— А вам и нет надобности привыкать к такому. В этом все дело. Видите ли, я не знаю, что у вас с Адамом. Как вы познакомились?

Ну, скажем, это было не совсем как за чаем у священника и вполне в духе Джейн Остен.

— Этого довольно. Когда я впервые увидела Адама, он был грубым со мной, колким, неразговорчивым. Подозреваю, что его поведение было комбинацией из отсутствия интереса ко мне, подозрительности и презрения, и меня это возбудило. Он сексуален, не так ли?

Повисла тишина, и я не пыталась ее нарушить.

— Ну, я права или нет?

— Он мой муж, — процедила я.

— Ради всего святого, Элис, не изображайте передо мной Деву Марию. Этот человек сам по себе грандиозен. Он спас почти всю экспедицию. Клаус рассказывал мне про его жизнь. В шестнадцать лет он бросил Итон и отправился в Альпы. Мотался там два года, пока не нашел своего пути в Гималаи, где многие годы провел в скитаниях и восхождениях. Как вы посмели обнаружить этого мужчину раньше меня?

— Я знаю все это, Джоанна. Для меня потрясение обнаружить другую сторону его натуры.

— Какую другую сторону?

— Ну, то, что он может быть жесток, опасен.

— Он бывал с вами жесток?

— Ну, знаете... — Я пожала плечами.

— О, вы хотите сказать, приятно жесток.

— Не уверена, что «приятно» — верное слово.

— М-м, — одобрительно, почти плотоядно произнесла Джоанна. — У вас проблема.

— У меня проблема?

— Вы влюбились в героя, неординарного мужчину, который не похож на других, о ком мне доводилось слышать. Он странный и непредсказуемый, и мне кажется, временами вам хотелось бы, чтобы он был каким-нибудь адвокатом, который приходит домой на обед в шесть тридцать, и чтобы были нежные объятия, и чтобы обычная поза раз в неделю. С кем у вас была предыдущая связь?

— Я оставила ради Адама одного человека.

— Каким он был?

— Хорошим. Но не тем адвокатом, о котором вы только что говорили. Он был остроумным, внимательным, мы были друзьями, у нас были общие интересы, нам было хорошо вместе. Мне нравилось спать с ним.

Джоанна перегнулась через стол и внимательно посмотрела на меня.

— Скучаете по нему?

— С Адамом все по-другому. Мы не «делаем что-то вместе», как я привыкла с другими парнями. Мы никогда не бываем... просто вместе, как было с Джейком. Все это так... страстно, от этого по-своему устаешь. И секс... это, конечно, прекрасно, но тоже беспокоит. Тревожит. Я уже не знаю, по каким правилам мы играем.

— Вы скучаете по Джейку? — снова спросила Джоанна.

Это был вопрос, который я сама себе никогда не задавала.

У меня практически не было времени, чтобы задаваться им.

— Нет, — услышала я собственный голос.

## Глава 23

Была середина марта, почти наступило британское лето. Во всех парках расцвели крокусы и желтые нарциссы, лица на улицах просветлели; с каждым днем солнце поднималось все выше и выше. Джоанна Нобл была права. Я никогда не узнаю, что происходило в прошлом. У всех свои тайны и скелеты в шкафах. Нет ни одной жизни, которой не коснулся бы стыд. Лучше пусть темное остается во тьме, где оно может зажить и стать незаметным. Лучше забыть о муках ревности и параноидальном любопытстве.

Я понимала, что Адам и я не сможем провести остаток жизни, отгородившись от мира и изучая тела друг друга в странных темных комнатах. Мы должны были понемногу впускать к себе мир. Всех друзей, которых мы игнорировали, родственников, от которых мы отказались, обязанности, которые мы отложили в сторону, фильмы, которые мы не посмотрели, газеты, которые нам не удалось прочесть. Мы должны были вести себя немного более похоже на нормальных людей. Поэтому я стала ходить в магазины и купила себе кое-какую новую одежду. Я ходила в супермаркет и покупала обычную еду: яйца, сыр, муку и что-то еще. Договаривалась о встречах, как в прошлой жизни.

— Завтра я с Полин иду в кино, — сказала я Адаму, когда тот вошел.

Он поднял брови:

— Зачем?

— Хочу повидаться кое с кем из друзей. И я подумала, мы могли бы пригласить кого-нибудь к нам на обед в субботу.

Он пытливо посмотрел на меня.

— Я думала пригласить Сильвию и Клайва, — упорно продолжала я. — А как насчет того, чтобы позвать Клауса или Дэниела и, может быть, Дебору? Или кого ты захочешь?

— Сильвия, Клайв, Клаус, Дэниел и Дебора? Здесь?

— А что тут странного?

Он взял мою руку и стал вертеть обручальное кольцо.

— Зачем ты это делаешь?

— Что делаю?

— Ты знаешь.

— Не может быть только... — Я подбирала слово. — Страсть. Нам нужна обычная жизнь.

— Почему?

— Неужели тебе не хочется иногда просто посидеть перед телевизором? Или пораньше лечь в кровать с книгой? — На меня вдруг нахлынули воспоминания о последнем уик-энде с Джейком: все то незаметное домашнее счастье, которое я в эйфории отбросила. — Запустить змея или пойти погонять шары в боулинге?

— Боулинг? Что, дьявол побери, это такое?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Он молчал. Я обняла его, но он оставался скованным.

— Адам, ты моя самая большая любовь. Это у меня на всю жизнь. Но семья связана с обычными вещами, рутиной, скучными обязанностями, работой, ссорами по пустякам, перемыванием костей. Со всем этим. Не только, ну, с пылающей страстью.

— Почему? — просто сказал Адам. Это был не вопрос. Это было утверждение. — Кто это говорит?

Я отошла и села в кресло. Я не знала, что почувствовала — злость или одиночество, кричать мне хотелось или плакать.

— Я хочу, Адам, однажды родить ребенка, быть может, я буду иметь детей. Я хочу когда-нибудь построить дом и быть обыкновенной женщиной средних лет. Хочу

до старости быть вместе с тобой.

Он пересек комнату, опустился у моих ног и зарылся лицом в мои колени. Я гладила его взлохмаченные волосы, вбирала в себя запах его пота.

— Ты всегда будешь со мной, — проговорил он, его голос был приглушенным.

\* \* \*

Беременность Полин стала заметной, ее лицо, обычно бледное и строгое, выглядело пухлым и розовым. Темные волосы, которые она обычно собирала в тугой хвост, теперь спадали на плечи. Она казалась молодой, хорошенькой и счастливой. Мы были робкими друг с другом, вежливыми и очень старательными. Я пыталась вспомнить, о чем мы обычно болтали, встречаясь раньше, в доадамовы времена: обо всем и ни о чем, думаю; случайные обрывки сплетен, неважные секреты, интимные безделицы, которые были словесной демонстрацией приязни. Мы любили похихикать. Помолчать. Поспорить и помириться. Однако в тот вечер нам пришлось как следует поработать над тем, чтобы не дать разговору зачахнуть, и, как только возникала пауза, кто-нибудь из нас спешил ее заполнить.

После фильма мы отправились в паб. Она выпила томатного сока, а я джина. Когда я вытащила из кошелька банкноту, чтобы заплатить за напитки, оттуда выпала и моя фотография, которую Адам сделал в тот день, когда предложил выйти за него замуж.

— Странный снимок, — сказала она, поднимая фотографию. — У тебя такое лицо, словно ты увидела призрак.

Я сунула фото обратно между кредитными карточками и водительскими правами. Мне не хотелось, чтобы его увидел еще кто-нибудь — снимок был только для моих глаз. Мы вяло обсуждали плохой фильм, когда я вдруг почувствовала, что больше не могу этого выносить.

— Как Джейк? — спросила я, как всегда.

— Хорошо, — безучастно проговорила Полин.

— Нет, я в самом деле спрашиваю, как он. Я хочу знать.

Полин проницательно посмотрела на меня. Я не отвела взгляда, не стала бессмысленно улыбаться, и, когда она заговорила, мне показалось, что в ее голосе звучало торжество.

— Были планы, что вы двое поженитесь, заведете детей. Потом все изменилось. Он говорил мне, что все идет нормально и хандры больше нет. Это правда?

Я кивнула.

— Вполне.

— Он потрясен. Он был так не прав по отношению к тебе. — Я промолчала. — Ведь не прав, да? Ты любила его?

Я вернулась мыслями к далеким дням, где мы с Джейком были вместе. Я с трудом теперь могла вспомнить, как выглядит его лицо.

— Конечно, любила. И еще была ты, и компания, Клайв, Сильвия и остальные, словно большая семья. Думаю, я считала так же, как Джейк. Я чувствовала, что предаю вас всех. Я по-прежнему так думаю. Я словно стала посторонней.

— Вот в чем все дело, не так ли?

— Что?

— Быть посторонней. Выбрать героя-одиночку и бросить ради него все. Великий образ. — Голос Полин был ровным и слегка презрительным.

— Я вовсе не этого хочу.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты выглядишь совсем не так, как три месяца назад?

— Нет...

— Ну, так ты выглядишь совсем по-другому.

— Как?

Полин задумчиво посмотрела на меня с почти жестким выражением на лице. Неужели она нанесет мне ответный удар?

— Ты похудела, — пояснила она. — Выглядишь усталой. Не такая ухоженная, как раньше. Ты всегда была опрятно одета, причесана и вся была олицетворением порядка и сдержанности. Теперь же, — она посмотрела на меня, и мне вдруг стало неудобно от осознания того, что у меня на шее синяк, — ты выглядишь немного как бы... поношенной. Больной.

— Я совсем не сдержанная, — в вызовом бросила я. — И не думаю, что когда-нибудь такой была. А вот ты, напротив, выглядишь великолепно.

Полин улыбнулась, засветившись едва прикрытым удовлетворением.

— Это беременность, — промурлыкала она. — Тебе следует когда-нибудь попробовать.

\* \* \*

Когда я вернулась после кино, Адама дома не было. Примерно в полночь я перестала его ждать и забралась в постель. Я бодрствовала до часа ночи, читая, прислушиваясь, не застучат ли его каблуки по лестнице. Затем забылась в беспокойном сне, временами просыпаясь, чтобы взглянуть на светящиеся стрелки будильника. Он вернулся домой только в три часа. Я слышала, как он сбросил с себя одежду и встал под душ. Я не собиралась расспрашивать его о том, где он был. Он забрался в постель и прижался ко мне сзади, теплый, чистый, пахнущий мылом. Положил руки мне на грудь и поцеловал в шею. Зачем людям принимать душ в три часа ночи?

— Где ты был? — спросила я.

— Проветривал наши отношения, конечно.

\* \* \*

Я отменила обед с друзьями. Купила всю еду и выпивку, но потом, в конце концов, не смогла справиться с этим. В ту субботу утром я вошла в квартиру с покупками; Адам сидел на кухне и пил пиво. Он вскочил и помог мне разобрать сумки. Он снял с меня пальто и растер мне пальцы, которые онемели от тяжести пакетов, которые я несла от супермаркета. Он заставил меня сесть, пока сам укладывал в маленький холодильник готовую зажаренную курицу и разные сыры. Потом сделал мне чай, снял с меня туфли и помассировал ступни. Он обнял меня, словно боготворя, поцеловал мне волосы, а потом едва слышно спросил:

— Ты уезжала из Лондона на позапрошлой неделе, Элис?

— Нет, а что? — Я была слишком напугана, чтобы мыслить трезво. Сердце встревоженно билось, и я была уверена, что он скорее всего чувствует это сквозь мою хлопчатобумажную блузку.

— Совсем? — Он поцеловал меня в щеку.

— Я работала всю неделю, ты же знаешь.

Ему что-то известно. Мой мозг лихорадочно работал.

— Конечно, знаю. — Его руки соскользнули вниз и остановились под ягодицами. Он очень крепко прижал меня к себе и снова поцеловал.

— Я как-то ездила на совещание в Майда-Вэйл, а больше никуда.

— И какой это был день?

— Не вспомню. — Может, он звонил в тот день в офис? Видимо, так и есть. Но почему он спрашивает меня об этом сейчас? — Кажется, среда. Да.



— Среда. Вот совпадение.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя сегодня такая шелковистая кожа... — Он по очереди поцеловал мои веки, потом принялся медленно расстегивать мне блузку. Я стояла совершенно неподвижно, когда он снял ее с меня. Что он узнал? Он расстегнул бюстгалтер и снял его тоже.

— Осторожно, Адам, занавески открыты. Кто-нибудь может нас увидеть.

— Не имеет значения. Сними с меня рубашку. Вот так. Теперь ремень. Вынь ремень из джинсов.

Я послушалась.

— Теперь поройся у меня в кармане. Давай, Элис. Нет, не в этом кармане, в другом.

— Тут ничего нет.

— Нет, есть. Просто оно маленькое.

Мои пальцы нащупали смятый клочок бумаги. Я вытащила его.

— Вот, Элис. Билет на поезд.

— Да.

— На прошлую среду.

— Да. И что из этого? — Где он его нашел? Должно быть, я забыла его в пальто, в сумочке или где-нибудь еще.

— В тот день, когда тебя не было в офисе и ты была... где, ты сказала?

— В Майда-Вэйл.

— Да, Майда-Вэйл. — Он начал расстегивать мне джинсы. — Хотя билет до Глочестера.

— Что это все значит, Адам?

— Это ты мне скажи.

— Какое отношение ко всему этому имеет билет на поезд?

— Ну-ка вылезай из джинсов. Он был в кармане твоего пальто.

— С чего это ты шаришь у меня по карманам?

— С чего это ты, Элис, отправилась в Глочестер?

— Не будь глупцом, Адам, я вовсе не ездила в Глочестер. — Мне и в голову не приходило рассказать ему правду. По крайней мере у меня еще сохранилась толика чувства самосохранения.

— Сними трусики.

— Нет. Прекрати.

— Интересно, почему Глочестер?

— Я не была там, Адам. Майк ездил туда несколько дней назад — может, даже в среду — присмотреть помещение под склад. Скорее всего это его билет. Но какое это может иметь значение?

— Почему тогда он оказался у тебя в кармане?

— Черт его знает. Давай, если не веришь мне, позвони и спроси у него. Ну же! Я продиктую номер.

Я вызывающе взглянула на него. Я знала, что Майк уехал на уик-энд из города.

— Тогда давай забудем о Майке и Глочестере, хорошо?

— Я уже забыла, — сказала я.

Он толкнул меня на пол и встал надо мной на колени. Казалось, он вот-вот заплачет, и я протянула ему руки. Когда он ударил меня ремнем и пряжка впилась в мое тело, мне даже почти не было больно. То же и во второй раз. Не та ли это спираль, о которой предупреждала врач?

— Я так тебя люблю, Элис, — простонал он. — Ты не представляешь, как сильно я тебя люблю. Не подведи меня когда-нибудь. Я не смогу этого перенести.

Я отложила обед, сказав всем, что простудилась. Я и впрямь чувствовала себя

настолько изможденной, что это было похоже на болезнь. Мы съели курицу, которую я принесла прямо в кровать, и рано уснули, заключив друг друга в объятия.

## Глава 24

Превратившись на время в героя и знаменитость, Адам стал получать письма из-за границы, которые ему пересылались через газеты и издателей. Люди излагали ему, как излагали бы Ливингстону или Лоуренсу Аравийскому, сложные теории и обиды мелким почерком и разноцветными чернилами на десятках страниц. Были восторженные письма от молоденьких девушек, которые заставляли меня улыбаться и немного волноваться. Было письмо от вдовы Томаса Бенна, погибшего на той горе, но оно было написано по-немецки, а Адам не позаботился о том, чтобы перевести его для меня.

— Она хочет встретиться со мной, — устало сказал он, бросив письмо в общую кучу.

— Что ей надо? — спросила я.

— Поговорить, — коротко ответил он. — Услышать, что ее муж был героем.

— Ты будешь с ней встречаться?

Он покачал головой:

— Я ничем не могу ей помочь. Томми Бенн был богатым человеком, представителем своего класса, и только.

Потом были еще люди, которые горели желанием отправиться в экспедицию. И были те, кто предлагал свои проекты, идеи, мысли, фантазии или пустую болтовню. Адам игнорировал большинство из них. Раз или два его выманили на выпивку, и я сопровождала его в походах в какие-то бары в центре Лондона, где с ним беседовал то редактор одного журнала, то исследователь с горящими глазами.

Однажды ранним утром дождливого вторника раздался очередной ничего не обещающий звонок — голос с иностранным акцентом, который к тому же был плохо различим из-за плохой слышимости. Я ответила и пожалела об этом. Передала трубку через кровать Адаму, который говорил открыто грубо. Но звонивший настаивал, и Адам согласился с ним встретиться.

— Ну и как? — спросила я, когда он как-то поздно вечером ввалился домой, открыл холодильник и достал бутылку пива.

— Даже не знаю, — сказал он, открыв бутылку по-мужски, о край стола. Он выглядел озадаченным, почти ошеломленным.

— Так в чем дело?

— Это какой-то человек из группы, которая работает на одну немецкую телекомпанию. Немного разбирается в альпинизме. Говорит, они хотят снять документальный фильм об альпинизме. Предлагают, чтобы я возглавил группу. В любое удобное время, в любой точке мира, с кем захочу, чем труднее будут условия, тем лучше, финансирование они организуют.

— Звучит заманчиво. Разве это не здорово?

— Здесь какой-то обман. С этим планом, видимо, не все в порядке, но я еще не понял, что именно.

— А как насчет Дэниела? Вы, кажется, собирались с ним на следующий год.

— Плевать на Дэниела. Это просто ради денег. Не могу поверить, что это на самом деле.

Но это все же было на самом деле. Были еще вечеринки, потом встречи. Однажды поздно вечером, когда мы были немного навеселе, Адам сказал мне, что он хотел бы сделать: пойти на Эверест, и не для того, чтобы попытаться добраться до вершины, а просто чтобы очистить склоны от всякого мусора, обрывков палаток и старых веревок, пустых кислородных баллонов, всякого старья, даже от мертвых тел,

которые все еще лежат наверху, скрюченные в своих последних бесполезных укрытиях. Мне это показалось восхитительным, и я уговорила Адама перенести идею на бумагу, которую затем привела в удобоваримую форму. Телевизионная компания согласилась на все. Получится прекрасный фильм. В нем будут и горы, и экология.

Было удивительно. Я чувствовала себя удивительно. Адам напоминал кипящий чайник, брызгающийся и булькающий на плите, и было похоже, что его вдруг переставили на конфорку с регулятором температуры. Жизнь Адама заключалась в альпинизме и во мне, а последние два месяца она была почти полностью посвящена мне, и я начала уже задумываться, не устану ли от всего этого, не устану ли в буквальном смысле от его страсти, его внимания. Я любила Адама, я боготворила его, я жаждала его, но как приятно было иногда лежать в кровати, потягивая вино, пока он обсуждал число людей, которых возьмет с собой, прикидывал, когда следует отправляться, а от меня при этом ничего не требовалось. Я лишь кивала и радовалась его энтузиазму. Это было приятно, просто приятно, но ничего особенного, и это было так же хорошо, однако я тщательно старалась не проговориться об этом Адаму.

Что касается меня, я тоже постепенно успокаивалась по поводу прошлого Адама. Все связанное с Мишель стало не больше чем деталью пейзажа, чем-то таким, во что мы все по молодости так или иначе оказываемся замешанными. К тому же у Мишель теперь есть муж и ребенок. Она не нуждается в моей помощи. Его прежние подружки, те, с которыми он был длительное время, для меня особо много не значили, как, скажем, вершины, на которые он залезал. Если во время разговоров с Клаусом, Деборой, Дэниелом или с каким-нибудь другим его соратником по экспедициям в горы упоминалась одна из них, я не обращала на это внимания. Но, несомненно, интересуешься всем, что связано с человеком, которого любишь, и утверждать, что это не так, было бы простым жеманством. Поэтому я тут и там черпала информацию о них, и у меня в голове начала складываться картинка, я уже могла расставить этих девушек в хронологическом порядке.

Однажды вечером мы вернулись в квартиру Деборы в Сохо, но на этот раз в качестве гостей. Должен был прийти Дэниел. Я предложила, чтобы и он участвовал в экспедиции на Эверест. Обычно Адам относился к моим советам в области альпинизма так, как если бы их высказала ручка от двери в нашу спальню, но на этот раз он казался скорее задумчивым, чем настроенным скептически. Большую часть вечера они с Дэниелом были погружены в разговор, оставив нас с Деборой заниматься собой.

Это была простая еда: равиоли, купленные через дорогу, салат из лавки за углом и бутылки красного итальянского вина, разлитые в опасно большие стаканы. После обеда Дебора захватила со стола одну из бутылок, и мы сели на пол у камина. Она снова наполнила мой стакан. Я не чувствовала себя опьяневшей, но было ощущение, что все мои углы округлились, а между мной и полом постелен мягкий матрас. Дебора потянулась ко мне.

— Иногда мне кажется, что в этой комнате продолжают жить призраки, — улыбнувшись, сказала она.

— Ты имеешь в виду призраки людей, которые жили здесь раньше? — сказала я. Она засмеялась:

— Нет, я имею в виду тебя и Адама. Именно здесь все это началось.

Я подумала, что краску на моем лице скроют жар от огня и выпитого вина.

— Надеюсь, мы все привели в порядок. — Это все, что я смогла придумать.

Она прикурила сигарету и потянулась к столу за пепельницей. Потом снова легла на пол.

— Ты подходишь Адаму, — сказала она.

— Правда? Иногда меня тревожит, что я не в достаточной мере являюсь

частичкой его мира.

— Именно это я и имею в виду.

Я посмотрела в сторону стола. Адам и Дэниел рисовали диаграммы и говорили о больших таблицах. Дебора подмигнула мне.

— Это будет самая очаровательная коллекция мусора в истории. — Она засмеялась.

Я оглянулась. Мужчины нас не слушали.

— Но ведь его последняя... э-э... подружка, Лили, не была связана с альпинизмом, не так ли? Ты с ней встречалась?

— Всего несколько раз. Но она была пустышкой. Просто переходное увлечение. Она сама по себе вроде ничего, но бывала настоящей зубной болью, постоянно скулила по Адаму. Когда он очнулся и увидел, что она собой представляет, то сразу бросил ее.

— А какой была Франсуаза?

— Амбициозная. Богатая. Обладала неплохой техникой скалолазания.

— И красивая.

— Красивая? — иронически переспросила Дебора. — Только если нравятся длинноногие худые загорелые женщины с длинными ухоженными черными волосами. К сожалению, большинству мужчин такие нравятся.

— Для Адама это было ужасно.

— Для Франсуазы хуже. В любом случае, — Дебора скорчила рожицу, — все было кончено, не так ли? Она была поклонницей знаменитых альпинистов. Любила парней. — Она понизила голос. — Должно быть, Адаму потребовалось бы какое-то время, чтобы это понять, но ведь он взрослый человек. Он-то знает, что происходит, когда спишь с докторами-альпинистками.

И тут я поняла.

— Значит, ты и... — Я кивнула в сторону Адама.

Дебора наклонилась вперед и положила ладонь мне на руку.

— Элис, для нас обоих это ничего не значило. Просто я не хочу, чтобы между нами оставались тайны.

— Конечно, — сказала я. Я была не против. — Значит, до Франсуазы была та девушка по имени Лайза, — сказала я, подстегивая ее.

— Тебе это нужно? — спросила Дебора с удивленным подозрением. — Адам бросил Лайзу, когда связался с Франсуазой.

— Она была американка?

— Нет. Англичанка. Валлийка, шотландка, что-то вроде этого. Временами занималась альпинизмом, мне кажется. Они были парой, — она выделила эти слова так, словно в них изначально содержался комизм, — многие годы. Но, Элис, ты все это должна понимать правильно. Парой, — она изобразила пальцами в воздухе невидимые кавычки, — но никогда не жили вместе. Адам никогда и ни к кому не был привязан так, как он привязан к тебе. Это совершенно другое дело.

Я настойчиво продолжала:

— В прошлом всегда есть кто-то. Хоть у него и были ничего не значащие связи, как ты говоришь, должен существовать и какой-нибудь постоянный роман. Когда заканчивается один, начинается другой.

Дебора прикурила следующую сигарету и задумчиво нахмурилась.

— Вполне возможно. Не могу вспомнить, с кем он был на самом деле до Лайзы. Видимо, я не была с ней знакома. Была какая-то девушка за несколько лет до того, как я с ним познакомилась. Как ее звали? Пенни. Она вышла замуж за моего старого приятеля, альпиниста по имени Брюс Мэддерн. Они живут в Сиднее. Я не виделась с ними лет десять. — Она взглянула на меня, затем на Адама. — Господи, что мы делаем? Ты же не хочешь ломать голову по поводу всего этого. Единственное, что

здесь есть, так это то, что Адам оставался привязанным к людям, в которых на самом деле не был влюблен. — Она улыбнулась. — Ты можешь на него положиться. Он тебя не подведет. И ты не должна подводить его. Я с этим парнем ходила в горы. Он не выносит, когда не могут сделать то, что положено.

— Звучит тревожно, — весело сказала я.

— Как насчет того, чтобы заняться альпинизмом, Элис? Есть намерения? Эй, Адам, ты собираешься взять с собой на следующий год Элис?

Адам повернулся ко мне с дружелюбной улыбкой.

— Может, спросишь об этом ее?

— Меня? — встревожилась я. — Я постоянно набиваю мозоли. Я устаю, и у меня вообще плохой характер. Я для этого не гожусь. Люблю быть в тепле и хорошо одеваться. Мое представление о счастье — это горячая ванна и шелковая рубашка.

— Вот именно поэтому ты и должна ходить в горы, — сказал Дэниел, подойдя с двумя кружками кофе и усевшись с нами на пол. — Знаешь, Элис, несколько лет назад я был на Аннапурне. Там возник некоторый бардак со снаряжением. Всегда бывает бардак с тем или другим. Как правило, оказываешься на высоте двадцати тысяч футов с одной парой рукавиц, зато в этот раз кто-то вместо пяти пар носков заказал пятьдесят. Это означало, что каждый раз, заходя в палатку, я мог натянуть совершенно свежую, чистую пару носков и блаженствовать. Тебе никогда не приходилось бывать в горах, и потому ты не можешь вообразить, каково мне было всовывать свои мокрые ноги в теплые сухие носки. Однако просто представь все теплые ванны, вместе взятые.

— Деревья, — сказала я.

— Что? — спросил Дэниел.

— Почему вы не лазаете по деревьям? Почему это обязательно должны быть горы?

На лице Дэниела появилась широкая улыбка.

— Думаю, что переадресую этот вопрос знаменитому авантюристу-альпинисту Адаму Таллису.

Адам немного подумал.

— Невозможно позировать перед объективом камеры, стоя на вершине дерева, — наконец заявил он. — Вот почему люди ходят в горы. Попозировать для фотографии на вершине.

— Только не ты, дорогой, — сказала я и сразу смутилась из-за серьезности собственного тона.

В комнате воцарилась тишина, все мы лежали на полу и смотрели на огонь. Я потягивала кофе. Затем, поддавшись порыву, потянулась вперед, взяла у Деборы сигарету, затащила и вернула ей.

— Я так легко могла бы начать все сначала, — сказала я. — Особенно в такой вечер, как сегодня, валяясь на полу перед огнем, немного пьяная, среди друзей и после такого чудесного обеда. — Я взглянула на Адама, который смотрел на меня, на его лице плясали отблески огня. — Но настоящая причина заключается не в этом. Думаю, что могла бы сделать что-нибудь вроде этого до того, как встретила Адама. Смешно. Именно Адам заставил меня понять, какая чудесная вещь — взбираться на вершины, и одновременно заставил меня не желать делать это. Если бы я собралась этим заняться, то мне хотелось бы присматривать за другими. Я бы ни за что не согласилась, чтобы кому-то пришлось все время смотреть за мной. — Я огляделась. — Если нам придется вместе идти в горы, то вы будете тащить меня вверх всю дорогу. Дебора, возможно, свалится в пропасть, Дэниелу придется отдать мне свои перчатки. Я-то буду в порядке. За это придется платить вам.

\* \* \*

- Ты была сегодня вечером очень красивая.
- Спасибо, — сонно пробормотала я.
- И очень смешно говорила о деревьях.
- Спасибо.
- Это почти заставило меня простить тебя за выпрашивание у Дебби о моем прошлом.
- Ах.
- Знаешь, чего мне хочется? Хочу, чтобы было так, будто наши жизни начались с того момента, когда мы впервые встретились. Как ты думаешь, такое возможно?
- Да, — сказала я. Но в душе знала, что нет.

## Глава 25

История, которую я когда-то учила в школе, но уже почти забыла, разделяется на удобные периоды: Средние века, Реформация, Ренессанс, Тюдоры и Стюарты... Для меня прежняя жизнь Адама тоже разложилась на отдельные эпохи, словно подкрашенный слоями песок в бутылке. Была эпоха Лили, эпоха Франсуазы, эпоха Лайзы, эпоха Пенни. Я больше не говорила с Адамом о его прошлом: это было запретной темой. Но я об этом думала. Собирала мозаику — маленькие детали о женщинах, которых он любил, — и выкладывала общую картину. В процессе этого мне стало ясно, что в хронологии существует белое пятно — пустое пространство, где должна была присутствовать женщина, но ее не было. Мог, конечно, пройти год или что-то около этого без устойчивой связи, но это не соответствовало тому, что виделось мне характерной чертой Адама.

Это было как если бы я смотрела на любимого, который идет ко мне издалека, все время приближаясь, и вдруг теряется в дымке. Я рассчитала, что пробел возник лет восемь назад. Я не собиралась ничего ни у кого выпытывать, но желание заполнить этот пропуск становилось все сильнее. Я спросила у Адама, нет ли у него снимков, на которых он запечатлен в молодости; у него их, естественно, не было. Я пыталась выяснить окольными путями, чем он занимался в то время, словно это помогло бы мне связать незначительные факты в значимый ответ. Но, узнавая названия вершин и опасные маршруты, я никак не могла обнаружить женщину, способную заполнить собой пробел между Лайзой и Пенни. Однако я была непревзойденным экспертом по Адаму. Мне необходимо было все знать точно.

В один из уик-эндов в конце марта мы снова отправились в его старый родительский дом. Адаму было нужно взять кое-что из снаряжения, которое было складировано там в одном из огромных сараев, поэтому он взял напрокат фургон.

— Мне нужно вернуть его только в воскресенье. Быть может, нам удастся на субботний вечер снять номер в гостинице.

— С обслуживанием в номерах, — добавила я. Мне даже в голову не пришло предложить переночевать в доме его отца. — И, пожалуйста, с ванной.

В путь мы тронулись очень рано. Было прекрасное, кристально ясное весеннее утро. На некоторых деревьях уже начали лопаться почки, в полях, которые мы проезжали по пути на север, клубился туман. Во всем ощущалась надежда. Мы остановились позавтракать на станции техобслуживания. Адам выпил кофе и едва притронулся к датскому печенью, а я проглотила громадный сандвич с ветчиной — волокнистые пластины ярко-розового мяса меж обильно сдобренных маслом кусков хлеба — и запила все это кружкой какао.

— Люблю женщин с хорошим аппетитом, — сказал он. После чего я прикончила и его печенье.

Мы приехали на место около одиннадцати часов, и все, как в волшебной сказке,

было таким же, как и в прошлый приезд. Никто не встретил нас, отца Адама нигде не было видно. Мы прошли в темную прихожую, где, словно часовой на посту, стояли древние дедовские часы, и сняли пальто. Адам позвал отца, но никто не откликнулся.

— Наверное, мы можем начать, — сказал он. — Вряд ли это займет много времени.

Мы снова оделись и вышли через заднюю дверь. За домом стояли несколько старых сараев различных размеров, так как, объяснил Адам, при имени находилась действующая ферма. Почти все сараи были заброшены, кроме двух, подправленных на скорую руку. Они были заново покрыты шифером, сорная трава у дверей скошена. Проходя мимо, я заглядывала через окна внутрь. В одном стояла поломанная мебель, ящики с пустыми винными бутылками, старые тепловые аккумуляторы и задвинутый в угол стол для пинг-понга без сетки. Широкая полка была уставлена старыми деревянными теннисными ракетками, была там и пара крикетных бит. На полке, устроенной выше, стояло много банок с краской, бока которых были заляпаны разноцветными потеками. В другом сарае хранились инструменты. Я заметила там газонокосилку, пару грабель, ржавую косу, лопаты, вилы, мотыги, большие мешки с компостом и цементной смесью, зубастые пилы.

— Что это? — спросила я, указав на несколько серебристых хитроумных устройств, которые висели на крупных крюках, ввинченных в стену.

— Ловушки для белок.

В одно из строений мне захотелось войти, так как через разбитое стекло я заметила там большой фарфоровый чайник без носика, который выглядел из ящика, и висящий на крючке старый порванный воздушный змей. Было похоже, что там собраны все ставшие непригодными вещи, все, что стало ненужным, но что жалко было просто выбросить. На полу лежали чемоданы и поставленные друг на друга ящики. Все было аккуратно сложено и выглядело очень печально. Мне подумалось, что здесь, должно быть, хранятся вещи, которые когда-то принадлежали матери Адама и к которым с тех пор никто не прикасался. Я спросила у Адама, так ли это, но он оттащил меня от окна.

— Оставь это, Элис. Это просто старье, от которого следовало избавиться еще много лет назад.

— Ты никогда не ковырялся там?

— Зачем? Вот здесь хранятся мои вещи.

Я и представить себе не могла, что будет так много всего. Длинное низкое помещение было почти заполнено. Все аккуратно разложено и упаковано; коробки и мешки снабжены бирками с надписями, сделанными четким почерком Адама. Лежали тугие бухты веревок разной толщины и цветов. С балок свешивались ледорубы. Была пара рюкзаков, пустых и плотно застегнутых от пыли. В одном аккуратном чехле находилась палатка, в другом — покороче — спальник. Ящик альпинистских кошек стоял рядом с ящиком длинных тонких гвоздей. В другом ящике лежали разнообразные клипсы, скобы, винты. На небольшой полочке стояли стопы завернутых в целлофан бинтов, на полке побольше виднелась газовая плитка, несколько баллонов с газом, оловянные кружки, бутылки с водой. В стороне стояли сильно поношенные альпинистские ботинки.

— А что здесь? — спросила я, пнув ногой мягкий нейлоновый мешок.

— Перчатки, носки, теплое белье и другие вещи.

— Ты не путешествуешь налегке.

— Стараюсь не перегружаться, — ответил он, оглядываясь по сторонам. — Я таскаю эти шмотки не ради развлечения.

— Зачем мы приехали сюда?

— Начнем с этого. — Он вытащил довольно большой мешок. — Это порталедж. Вроде палатки, которую можно укрепить на почти вертикальном склоне. Однажды я

провел в нем четыре дня в страшную бурю.

— Звучит жутковато, — поежилась я.

— Удобная вещь.

— Для чего она тебе сейчас?

— Это не для меня. Для Стэнли.

Он порылся в картонной коробке, набитой тюбиками с мазью, достал пару и положил в карман куртки. Снял один ледоруб и поставил его рядом с палаткой. Затем, опустившись на корточки, принялся вытаскивать маленькие коробочки и ящички, внимательно вчитываясь в надписи на них. Казалось, он полностью ушел в работу.

— Пойду погуляю, — наконец сказала я. Адам даже не поднял головы.

На улице было достаточно тепло, и я сняла пальто. Я прошла в огород, где виднелись несколько сгнивших кочанов капусты, а по решетке, предназначенной для бобовых, вились сорняки. Кто-то оставил слегка приоткрытым поливной кран, и в центре огорода разлилась большая грязная лужа. Все это производило довольно гнетущее впечатление. Я завернула кран, посмотрела вокруг, не видно ли где отца Адама, и уверенно направилась к хлипкому строению, в котором заметила фарфоровый чайник и воздушного змея. Мне хотелось порыться в коробках, прикоснуться к детским вещам Адама, найти фотографии его и его матери.

В замке торчал большой ключ, который без труда удалось повернуть. Дверь открылась внутрь. Я тихо прикрыла ее за собой. Кто-то совсем недавно был здесь, так как толстый слой пыли лежал только на некоторых коробках и чемоданах, остальные были чисто вытерты. В одном углу я увидела скелет птицы. Воздух был густой, затхлый.

Я оказалась права: здесь складировались старые вещи семьи. Чайник был частью чайного сервиза, в отдельных чашках еще виднелись тусклые коричневатые следы от чая, который когда-то в них наливали. Один ящик был почти доверху набит высокими сапогами. Некоторые были небольшого размера. Они, должно быть, принадлежали маленькому Адаму. На крышке самого большого черного сундука красовались позолоченные инициалы «В.Т.». Как звали его мать? Я не могла вспомнить, упоминал ли он когда-нибудь ее имя. Я осторожно открыла чемодан. Я уверяла себя, что не делаю ничего предосудительного, просто осматриваю окрестности, но мне почему-то казалось, что Адам отнесется к этому совсем по-другому. Чемодан был набит одеждой, от которой исходил запах нафталина. Я трогала темно-синее крапчатое платье, вязаную шаль, лиловый кардиган с перламутровыми пуговицами. Элегантная, но практичная одежда. Я захлопнула крышку и открыла потрепанный белый чемодан. Он был полон детской одежды: вещи Адама. Свитера с вышитыми кораблями и воздушными шарами, полосатые штаны, шерстяные шапочки, комбинезон с капюшоном, маленькие брючки. Я чуть не прослезилась. Там лежала и пожелтевшая от времени крестильная рубашка. Стоявший у стены комод, у которого не хватало нескольких ручек, а бок сильно поцарапан, был заполнен маленькими буклетами, оказавшимися при ближайшем рассмотрении школьными тетрадками, дневниками с отзывами — двух девушек и Адама из Итона. Открыла первый попавшийся в руки за 1976 год. Тогда ему было двенадцать лет. В тот год умерла его мать. Математика: «Если бы Адам приложил свои недюжинные способности к учебе, а не к шалостям, — гласила четкая запись синими чернилами, — то дела у него шли бы прекрасно. А поскольку...» Я закрыла дневник. Это не просто засовывание носа в чужие дела; это больше походило на подглядывание в замочную скважину.

Я прошла в другой угол комнаты. Мне хотелось найти фотографии. Вместо этого в шкатулке, перевязанной для надежности полоской материи, я обнаружила письма. Сначала я подумала, что это письма от матери Адама, не знаю почему. Может, потому, что я искала ее следы, а что-то в почерке говорило мне, что это письма от



женщины. Но когда я стала перебирать первую пачку, то поняла, что они от многих людей и написаны самыми разными почерками. Я взглянула на верхнее, написанное синей шариковой ручкой, и едва не вскрикнула.

«Милый, милый Адам» — этими словами начиналось письмо. Оно было от Лили. Остатки совести заставили меня воздержаться от чтения. Я отложила пачку, но тут же опять схватила ее. Я не вчитывалась в буквы, но волей-неволей выхватывала отдельные яркие фразы, которые, я знала это, не смогу забыть никогда. Я просто смотрела, от кого они. Я говорила себе, что это словно работа археолога, который раскапывает слои истории Адама, его уже известные эпохи.

Сначала в пачке были письма — короткие, написанные впопыхах — от Лили. Потом исполненные черными чернилами с красивыми завитушками письма на французском языке — от Франсуазы. Они обычно были длинными. В них не было страсти, как в письмах Лили, но многочисленные интимные подробности заставляли меня морщиться. Когда она писала по-английски, ее язык был живым и красивым, несмотря на отдельные ошибки. Под письмами Франсуазы оказалось два не относящихся к делу послания. Одно от некоего восторженного Бобби, другое от женщины, подписавшейся буквой "Т", затем шла целая подборка открыток от Лайзы. Ей нравились восклицательные знаки, еще она любила подчеркивание.

А потом, под Лайзой — до Лайзы, — обнаружилась серия писем от женщины, о которой я никогда не слышала. Я украдкой посмотрела на подпись: Адель. Я села на корточки и прислушалась. Кругом было совершенно тихо. Единственным звуком, который доносился до меня сверху, был шелест плохо закрепленных кусков шифера, в которых играл ветер. Видимо, Адам все еще копался в своих вещах. Я посчитала письма от Адель; их было тринадцать, и все они были довольно короткими. Под ее письмами было шесть писем от Пенни. Мне удалось найти женщину, которая была между Лайзой и Пенни, Пенни и Лайзой. Адель. Начав с письма, которое лежало в самом низу, предположительно ее первого письма, написанного ему, я принялась читать.

Первые семь или восемь писем были короткими и конкретными: она договаривалась о месте встречи с Адамом, называя место, время и прося быть осторожным. Адель была замужем: значит, вот почему Адам не упоминал о ней. Он даже сейчас хранил их тайну. Следующие письма были длиннее, в них ощущалось страдание. Адель явно чувствовала себя виноватой перед мужем, которого она называла своим «доверчивым Томом», и целой массой других людей: родственниками, родителями, сестрой, друзьями. Она непрерывно умоляла Адама облегчить ее положение. Последнее письмо было прощальным. Она писала, что более не может продолжать предавать Тома. Она писала Адаму, что любит его и что он никогда не узнает, как много значит для нее. Она говорила, что он самый удивительный любовник из всех, кого она знала. Но она не могла оставить Тома. Он нуждался в ней, а Адам нет. Не просила ли она его о чем-то?

Я положила все тринадцать писем себе на колени. Значит, Адель оставила Адама ради своего мужа. Возможно, он так и не смог свыкнуться с мыслью об этом, потому и не упоминал о ней. Возможно, он чувствовал себя униженным. Я убрала волосы за уши, мои ладони от возбуждения стали слегка влажными. Я снова прислушалась. Мне послышалось или хлопнула дверь? Я собрала письма и положила их поверх писем от Пенни.

Прежде чем прикрыть этот слой прошлого слоями более близкого прошлого, я заметила, что последнее письмо от Адель написано в отличие от остальных на фамильной бумаге, бланке, словно она хотела подчеркнуть этим свое положение. Том Фанстон и Адель Бланшар. Что-то в моей памяти зашевелилось, показалось, что по спине прошел холодок. Бланшар — имя казалось смутно знакомым.

— Элис!

Я закрыла шкатулку и поставила ее, не обмотав лоскутом, на место.

— Элис, где ты?

Я осторожно поднялась. Колени брюк были в пыли.

— Элис.

Он был рядом, звал меня, приближался. Стараясь не шуметь, я пошла к закрытой двери, приглаживая на ходу волосы. Будет лучше, если он найдет меня не здесь. В углу помещения, слева от двери, стояло сломанное кресло, заваленное желтыми парчовыми шторами. Я чуть-чуть отодвинула кресло и съежилась за ним, ожидая, пока не стихнут шаги. Это показалось нелепым. Если бы Адам увидел меня посередине комнаты, то я могла бы сказать, что просто зашла посмотреть, что здесь есть. Если же он найдет меня скрывающейся за креслом, то мне вообще нечего будет сказать. Это будет не просто неловко — это будет жутко неприятно. Я знала своего мужа. Я уже почти приготовилась встать, как дверь распахнулась и я услышала, как он вошел в помещение.

— Элис?

Я затаила дыхание. А вдруг он видит меня сквозь груды штор?

— Элис, ты здесь?

Дверь снова захлопнулась. Я сосчитала до десяти и встала. Вернулась к шкатулке с письмами, открыла ее и вынула последнее письмо Адель, прибавив тем самым воровство к своим супружеским преступлениям. Потом я закрыла шкатулку и на этот раз перевязала ее. Я не знала, куда спрятать письмо. Уж точно не в карман. Я попыталась засунуть его в бюстгальтер, но на мне был тесный эластичный топ, и письмо было видно. Может, в трусики? В конце концов я сняла туфлю и спрятала письмо в ней.

Я глубоко вздохнула и подошла к двери. Она оказалась заперта. Должно быть, Адам, выходя, автоматически повернул ключ. Я дернула дверь, но для меня она была слишком крепкой. Я в панике огляделась в поисках какого-нибудь инструмента. Сняла со стены старого змея, вытянула из старой материи центральную рейку и просунула ее в скважину, хотя не особенно понимала, для чего. Было слышно, как ключ выпал из замка, звякнув на земле за дверью.

Стекло в нижней части окна было разбито. Если удалить осколки, то я смогла бы пролезть наружу. Возможно. Я стала вынимать из рамы куски стекла. Потом просунула в окно пальто. Придвинув сундук и встав на него, я опустила в окно одну ногу. Оно было расположено слишком высоко: я никак не могла дотянуться ногой до земли. С большим трудом ухитрилась достать мыском до твердой поверхности. Я почувствовала, как кусок стекла, который я не вынула из рамы, прорезал мне джинсы и поцарапал бедро. Изогнувшись, я просунула наружу голову. Если бы кто-нибудь увидел меня в этот момент, что бы я сказала? Вот на земле и вторая нога. Так. Я наклонилась и подняла пальто. Левая рука кровоточила. Я вся была в пыли и паутине.

— Элис?

Его голос доносился издалека. Я набрала полную грудь воздуха.

— Адам. — Голос прозвучал довольно уверенно. — Ты где, Адам? Я повсюду искала тебя. — Я отряхнула с себя пыль и облизала палец.

— Где ты пропадала, Элис? — Адам вышел из-за угла, он выглядел взволнованным и особенно красивым.

— Скорее, где ты пропадал?

— Ты порезала руку.

— Ничего страшного. Но мне нужно промыть ранку.

В умывальной, устроенной по старинке, где теперь хранились ружья, твидовые кепки и другие вещи, я сполоснула руки и обрызгала водой лицо.

Его отец сидел в кресле в гостиной, как будто он там был все время, а мы просто

его не заметили. Рядом с ним стоял стакан с виски. Я подошла и поздоровалась с ним за руку, ощутив под дряблой кожей кости.

— Значит, ты нашел себе жену, Адам, — сказал полковник. — Останетесь на ленч?

— Нет, — сказал Адам. — Мы с Элис едем в гостиницу. — Он помог мне надеть пальто, которое я по-прежнему держала под мышкой. Я улыбнулась ему.

## Глава 26

Однажды вечером в нашей квартире, чтобы поиграть в покер, собралось примерно пятнадцать человек. Они расселись на полу, на подушках, пили много пива, виски и курили, пока все блюда не оказались переполненными окурками. К двум часам ночи я проигрывала около трех фунтов, Адам выигрывал двадцать восемь фунтов.

— Где ты так хорошо научился играть? — спросила я после того, как разошлись все, кроме Стэнли, который с почти пустыми карманами отрубился на нашей кровати, разбросав по подушке свои многочисленные косички.

— Годы практики. — Адам ополоснул стакан и поставил на сушилку.

— Иногда бывает странно думать обо всех этих годах, когда мы не были вместе, — сказала я. Взяв в руки первый попавшийся бокал, я насухо вытерла его. — Что в то время, когда я была с Джейком, ты был с Лили. А еще ты был с Франсуазой, Лайзой и... — Я замолчала. — Кто там был до Лайзы?

Он посмотрел на меня прохладно, мой заход не остался для него незамеченным.

— Пенни.

— Ага. — Я старалась казаться безразличной. — А никого не было между Пенни и Лайзой?

— Ничего серьезного. — Он в свойственной ему манере повел плечом.

— Кстати, у тебя в кровати лежит мужчина. — Я встала и зевнула. — Тебя диван устроит?

— Меня устроит что угодно, если там будешь и ты.

Существует большая разница между тем, чтобы о чем-то умолчать, и тем, чтобы что-то явно скрывать. Я позвонила ей с работы в промежутке между двумя шумными совещаниями о том, чтобы отложить работу по ВМУ. Это, пообещала я себе, будет последней, самой последней попыткой совать нос в прошлое Адама. Только узнаю это и затем все оставлю в покое.

Я захлопнула дверь, крутанулась на стуле, чтобы быть лицом к окну, из которого открывался вид на стену, и набрала номер, указанный на бланке письма. Молчание. Я сделала еще одну попытку, просто на всякий случай. Ничего. Я попросила, чтобы на станции проверили линию, и там мне сказали, что номер отключен. Тогда я спросила номер семьи А. Бланшар в Западном Йоркшире. В справочнике на станции не было никаких Бланшаров. А Фанстон Т.? Никого и под таким именем. Простите, абонент, сказали мне бесцветным голосом. Я готова была завывать от досады.

Что делаешь, когда хочешь найти кого-нибудь? Я перечитала письмо, выискивая ключ к разгадке и уже зная, что его там нет. Это было хорошее письмо: прямое и искреннее. Том, писала она, для нее муж, Адам — друг. Их отношения никогда не были свободны от присутствия Тома. В один прекрасный день он неизбежно все узнает, а она не готова нанести ему такую рану. Не может она и жить с чувством переполняющей ее вины. Она говорила Адаму, что обожает его, но больше не может с ним встречаться. Писала, что собирается побыть несколько дней у сестры, и просила не пытаться заставить ее переменить свое решение или установить с ней контакт. Она была настроена решительно. Их связь останется в тайне: он не должен

открывать ее никому, даже самым близким друзьям, даже женщине, которая появится после нее. Она писала, что никогда не забудет его и надеется, что когда-нибудь он сможет ее простить. Она желала ему счастья.

Это было письмо взрослого человека. Я отложила его на стол и потерла глаза. Видимо, мне теперь следовало оставить его в покое. Адель попросила Адама ничего никому не рассказывать, даже будущим любовницам. Адам всего лишь выполняет ее просьбу. Это соответствовало его характеру. Он держит слово. В Адаме это до жути буквально.

Я снова взяла в руки письмо и посмотрела на него, не концентрируя взгляд на буквах. Отчего я почувствовала, что в памяти что-то слегка шевельнулось при виде ее имени? Бланшар. Где я раньше слышала это имя? Возможно, от кого-то из коллег Адама по альпинизму. Я помучилась еще несколько минут, а потом пошла на очередное совещание в отдел маркетинга.

Адель не выходила из головы. Если начинаешь ревновать, то это чувство подпитывается всем, чем угодно. Можно подтвердить подозрения, но невозможно их отместить. Я говорила себе, что после того, как узнаю об Адель, сразу же освобожусь от присущего женщинам любопытства. Я позвонила Джоанне Нобл и поинтересовалась, не могу ли воспользоваться ее профессиональным опытом.

— Что у вас на этот раз, Элис? Опять приступ женской паранойи? — Она говорила так, словно устала от меня.

— Ничего подобного. — Я выдала короткий смешок. — Это не имеет никакого отношения к прошлой теме. Просто... мне необходимо кое-кого найти. И мне кажется, ее имя упоминалось раньше в газетах. Я знаю, что у вас есть доступ к газетным файлам.

— Да, — сказала она. — Не имеет отношения, говорите?

— Да. Совершенно.

На другом конце провода послышался звук, будто она постучала карандашом по столу.

— Если вы приедете с самого утра, — наконец сказала Джоанна, — часов в девять, то мы могли бы прокрутить через компьютер любое имя и распечатать все, что с ним связано.

— Я буду вашей должницей.

— Да, — сказала она. Наступила пауза. — На фронте Адама все хорошо? — Она словно говорила о боевых действиях на Сомме.

— Ага, — весело откликнулась я. — Затишье.

— Тогда до завтра.

\* \* \*

Я приехала до девяти, Джоанны еще не было на месте. Я подождала ее в фойе и увидела раньше, чем она меня. Она выглядела усталой и озабоченной, но когда наконец заметила меня, сказала:

— Хорошо, тогда займемся делом. Библиотека в цоколе. У меня примерно десять минут.

Библиотека состояла из многочисленных рядов выдвижных полок, заполненных коричневыми папками, рассортированными по предметам и по алфавиту: «Диана», «диеты», «катастрофы/природные» и так далее. Джоанна провела меня мимо всего этого к громадному компьютеру. Подставила второй стул, указала мне на него и устроилась перед монитором.

— Ну, называйте имя, Элис.

— Бланшар, — сказала я. — Адель Бланшар. Б... Л...

Но она уже набрала его.

Компьютер ожил; в правом верхнем углу забегали цифры, на значке часов по кругу закрутилась стрелка. Мы молча ждали.

— Адель, говорите?

— Да.

— Здесь нет никакой Адель Бланшар, Элис. Мне жаль.

— Ничего страшного, — сказала я. — Это просто пристрелка. Я очень вам благодарна. — И встала.

— Подождите, тут всплыла другая Бланшар. Мне показалось, что имя знакомое. Я посмотрела через плечо Джоанны.

— Тара Бланшар.

— Да, здесь всего один-два абзаца о молодой женщине, которую выловили в канале в восточном Лондоне пару недель назад.

Вот почему имя показалось таким знакомым. Я ощутила укол разочарования. Джоанна нажала на клавишу, чтобы вызвать остальные упоминания имени: оказалось, что была только одна более или менее подходящая заметка.

— Хотите распечатать? — спросила она, в ее голосе прозвучала легкая насмешка. — Адель может оказаться вторым именем.

— Конечно.

Пока принтер выдавал текст про Тару Бланшар, я спросила у Джоанны, нет ли чего от Мишель.

— Нет, благодарение Богу. Вот вам.

Она вручила мне распечатку. Я сложила лист пополам, потом еще раз. Мне подумалось, что его следует просто бросить в мусорную корзину. Однако я этого не сделала. Засунула бумагу в карман, поймала такси и отправилась на работу.

Я не притрагивалась к заметке до самого ленча. В перерыв я купила в кафе неподалеку сандвич с сыром и помидором, яблоко и вернулась с этим к себе в кабинет. Перечитала несколько строчек текста: тело двадцативосьмилетней Тары Бланшар, секретарши, 2 марта было найдено группой подростков в канале в восточном Лондоне.

В письме Адель упоминалась сестра. Я схватила с полки телефонный справочник с адресами жителей Лондона и стала листать, не особенно надеясь что-нибудь найти. Но вот оно: «Бланшар, Т.М., 236, Бенч-роуд, Лондон». Я взялась за телефон, потом передумала. Позвонила Клаудии, предупредила, что мне нужно ненадолго отлучиться, попросила принимать мои звонки.

\* \* \*

236, Бенч-роуд — хрупкое на вид здание, покрытое бежевой штукатуркой. Дом был зажат между другими строениями и казался неухоженным. В одном из окон виднелся засохший цветок, а в другом — кусок розовой материи, заменяющий занавеску. Я нажала на кнопку звонка с литерой "B" и стала ждать. Было половина второго, и если с Тарой жил кто-то еще, то его, видимо, не было дома. Я уже было собралась попытаться счастья с другими кнопками, потревожить кого-нибудь из соседей, когда услышала шаги и увидела сквозь толстое ребристое стекло приближающуюся тень. Дверь приоткрылась на цепочке, в щель выглянула женщина. Я явно подняла ее с постели: она придерживала рукой полы халата, глаза припухли со сна.

— Да?

— Мне очень неловко тревожить вас, — начала я, — но я подруга Тары, и, проходя мимо...

Створка закрылась, послышался звук снимаемой цепочки, потом дверь широко распахнулась.

— Тогда проходите, — сказала она. Это была невысокая пухлая молодая женщина с копной рыжеватых волос и крошечными ушами. Она выжидательно смотрела на меня.

— Я Сильвия, — сказала я.

— Мэгги.

Я прошла за ней по лестнице в кухню.

— Хотите чаю?

— Нет, если я не вовремя.

— Я уже проснулась, не так ли? — довольно доброжелательно проговорила она. — Я работаю медсестрой, сейчас ночные смены.

Она налила в чайник воды и села напротив меня за неряшливый кухонный стол.

— Вы были подружкой Тары?

— Да, — уверенным тоном заявила я. — Но я здесь никогда не была.

— Она не приводила сюда людей.

— Мы были знакомы с самого детства, — сказала я. Мэгги занималась приготовлением чая. — Я прочла в газетах про ее смерть, и мне захотелось узнать, что случилось.

— Это было ужасно, — сказала Мэгги, встав, чтобы положить в чайник пару пакетиков чая и налить кипятку. — Сахар?

— Нет. Полиции известно, как это случилось?

— Хулиганское нападение. Когда ее нашли, при ней не было сумочки. Я постоянно говорила ей, что не следует ходить вдоль канала в темноте. Но она всегда там ходила. Чтобы срезать полпути от станции.

— Ужасно, — сказала я. Представила темный канал и поежилась. — На самом деле я больше дружила с Аделью.

— Ее сестрой? — У меня по телу прошла волна возбуждения: значит, Тара все же сестра Адели. Мэгги плюхнула передо мной чашку с чаем. — Бедняжка. И родителей тоже жаль. Представьте, что они, должно быть, чувствуют. С неделю назад приезжали за ее вещами. Я даже не знала, что им сказать. Они хорошо держались, однако что может быть хуже, чем потерять ребенка.

— Хуже ничего не бывает. Они не оставили адреса или телефонного номера? Мне бы хотелось связаться с ними и выразить соболезнования. — Я стала слишком умелой лгуньей.

— Где-то есть. Не думаю, правда, что записала себе в книжку. Не считала, что мне понадобится. Но номер может быть среди бумажек. Подождите. — Мэгги принялась рыться в куче бумаг, лежащих возле тостера — счета с черными и красными текстами, рекламные письма, открытки, меню ресторанов на вынос, — и наконец нашла номер, небрежно записанный на обложке телефонного справочника. Я списала его на обрывок использованного конверта и положила в кошелек.

— Когда будете говорить с ними, скажите, что все старые вещи, которые они оставили, я выкинула, как они и просили, кроме одежды, ее я отдала в детский приют.

— Так они забрали не все ее вещи?

— Взяли почти все; личные вещи, конечно, украшения, книги, фотографии. Вы знаете. Но кое-что они оставили. Удивительно, сколько у человека накапливается хлама, не правда ли? Я сказала, что разберусь с ним.

— Нельзя мне взглянуть на ее вещи? — Мэгги удивленно посмотрела на меня. — Может, что-нибудь на память, — невнятно пробормотала я.

— Все в мусорном контейнере, если дворник еще не очистил его.

— Можно, я хоть посмотрю?

Мэгги колебалась.

— Если хотите ковыряться в апельсиновой кожуре, консервных банках из-под кошачьей еды и использованных пакетиках чая, то пожалуйста. Контейнеры стоят

прямо за дверь — вы, возможно, видели их, когда подходили к дому. На моем белой краской написан номер 236.

— Тогда я взгляну на обратном пути. И спасибо вам большое.

— Там ничего нет. Просто старый хлам.

\* \* \*

Должно быть, я походила на сумасшедшую — женщина в дорогом сером брючном костюме, роющаяся в мусорном контейнере. Что, черт возьми, я делала, пытаюсь разузнать о Таре, которая была для меня никем, разве только сомнительным средством выйти на ее родителей, которых я уже и без того нашла и тоже для меня были не более чем ниточкой к женщине по имени Адель. Которая не должна была ничего для меня значить. Она была всего лишь утерянным фрагментом прошлого другого человека.

Куриные кости, пустые банки из-под рыбных и кошачьих консервов, несколько салатных листьев, одна-две старых газеты. Когда я вернусь на работу, от меня будет вонять. Разбитая миска, лампочка. Лучше делать это методично. Я принялась вытаскивать вещи из контейнера и раскладывать на крышке. Мимо прошла парочка, и я сделала непроницаемое лицо, стараясь выглядеть так, словно мое поведение вполне нормально. Помада и карандаши для век: они, возможно, принадлежали Таре. Губка, порванная купальная шапочка, несколько журналов на глянцевой бумаге. Я отложила их на тротуар рядом с переполненной контейнерной крышкой, а потом заглянула в почти пустой контейнер. Оттуда на меня смотрело лицо. Знакомое лицо.

Очень медленно, как в кошмарном сне, я протянула руку и подняла обрывок газеты. К нему прилипли чайники. «Герой возвращается», — гласил заголовок. В углу около контейнера я нашла смятый пластиковый пакет. Я развернула его и положила внутрь газету. Я покопалась на дне контейнера и собрала еще несколько обрывков газеты. Они были грязными и мокрыми, но на них можно было разобрать имя Адама, лицо Адама. Я нашла еще несколько мокрых газет и конвертов и переправила их в пакет, проклиная вонь и сырость.

Маленькая старушка с двумя громадными псами на двойном поводке, проходя мимо, взглянула на меня с отвращением. Я в ответ скорчила рожу. Я уже даже начала разговаривать сама с собой. Сумасшедшая, которая ковырялась в помойке, испугала ее до смерти.

## Глава 27

Руки у меня были липкими и грязными. В таком виде я не могла вернуться на работу и решила поехать домой, чтобы смыть все это с тела, с волос, из мозгов. Пакет с мокрыми провонявшими газетами принести в квартиру я не могла. Нужно было найти место, где можно посидеть и разобраться с мыслями. Я уже столько навывдумывала, столько утаила от Адама, что было немыслимо без подготовки явиться к нему. Мне постоянно приходилось думать о том, что я говорила ему раньше, каким должен быть мой рассказ, чтобы соответствовать прежней лжи. В этом-то и заключается преимущество правды. Не нужно постоянно напрягаться. Правдивые слова подходят друг к другу автоматически. Мысль о канаве, которую я прорыла между собой и Адамом, вдруг заставила мрачный день казаться еще мрачнее, еще невыносимее.

Я бесцельно брела по улицам, высматривая какое-нибудь кафе, где можно отдохнуть и подумать, наметить дальнейший план действий. Мне не попалось ничего, кроме магазинчика на углу, и в конце концов я свернула в маленький скверик у школы с фонтанчиком для питья и детским манежем. Там сидели несколько молодых мам с

младенцами в колясках и только что начавшими ходить бутузами, которые с воркованием возились в манеже. Я подошла к фонтанчику, попила, потом сполоснула руки и вытерла их о подкладку пиджака.

Одна лавочка была свободна, и я присела на нее. Должно быть, это Тара звонила, посылала записки и экспериментировала с молоком из-за какого-то болезненного чувства к Адаму, оставшегося как похмелье от его связи с сестрой. Возможно, когда-нибудь такое поведение покажется мне немыслимым из-за несоразмерности проявления эмоций, но сейчас я стала чем-то вроде специалиста по различным крайностям. Я попыталась успокоиться. Некоторое время я не осмеливалась даже заглянуть в пакет.

Когда я училась в школе, у одного из моих парней был двоюродный брат, который играл в группе панк-рока, популярной в течение одного-двух лет. Я то и дело натывалась на упоминание его имени или даже находила его изображения в журналах, иногда вырезала их, чтобы показать своим подругам. Разве не естественно, что Тара интересовалась газетными статьями об Адаме? Что она их собирала? Ведь почти все, кого я знала в любом качестве, были очарованы Адамом, о котором читали в газетах. Тара наверняка была с ним знакома. Я поднесла пальцы к носу. От них все еще исходил сладковатый тошнотворный запах. Я подумала о том, как выглядела со стороны, когда копалась в мусорном контейнере, принадлежавшем умершей сестре бывшей подружки моего мужа. Подумала, что снова и снова обманываю Адама. Отличается ли это от того, как прежде я изменяла Джейку?

Ко мне пришла мысль, что правильнее всего было бы бросить этот пакет в ближайший мусорный ящик, пойти домой к Адаму, признаться во всем, что я сделала, и просить, чтобы простил. Если я по трусости не решусь все ему рассказать, то хотя бы смогу подвести черту и дать нам дальше жить своими жизнями. Я уговорила себя. Я даже встала, оглянулась по сторонам и обнаружила урну. Но не смогла просто так расстаться со своими находками.

По дороге домой я зашла в магазин канцтоваров и купила несколько картонных папок. Выйдя из магазина, я развернула их и написала на одной: «Дрэг-спираль. Апрель 1995 г., записи». Это звучало достаточно скучно, чтобы привлечь чье-либо внимание. Я осторожно извлекла из пакета печальные вырезки Тары, стараясь не испачкать себе одежду, вложила их в папку и выбросила пакет. Затем с маниакальным упрямством сделала бессмысленные надписи на трех остальных папках. Когда я пришла домой, папки как ни в чем не бывало торчали у меня из-под мышки. Они не отличались от обычных рабочих материалов.

\* \* \*

— Ты какая-то напряженная, — заметил Адам. Он подошел ко мне сзади и положил руки на плечи. — Вот тут затвердели мышцы. — Он принялся надавливать на них так, что я застонала от удовольствия. — Что заставило тебя так напрячься?

Мне в голову пришла мысль.

— Не знаю, Адам... Быть может, те звонки и записки, они меня сильно беспокоили. — Я повернулась и обняла его. — Но теперь мне намного лучше. Они прекратились.

— Закончились, да? — Адам нахмурился.

— Да. Ничего не было больше недели.

— Ты права. Тебя они и в самом деле беспокоили?

— Они приходили все чаще. Даже интересно, почему они так внезапно прекратились.

— Такое всегда бывает, когда твое имя появляется в газетах.

Я поцеловала его.



— Адам, у меня есть предложение.

— Какое?

— Год поскучать. Не совсем, конечно. Но не выше восьми тысяч метров или что-то вроде этого. Я хочу, чтобы все, чем я буду занята, было полным занудством.

Потом я вскрикнула. Я не могла сдержаться, так как Адам поднял меня к самому потолку. Он пронес меня через комнату и бросил на кровать. Он смотрел на меня улыбаясь.

— Посмотрю, что можно сделать, — сказал он. — А что касается тебя, — он взял в руки Шерпа и чмокнул его в нос, — то это будет зрелище, не подходящее для кота, пребывающего в нежном возрасте. — Осторожно выставив его из спальни, закрыл дверь.

— А как быть мне? — спросила я. — Тоже уйти?

Он покачал головой.

\* \* \*

На следующее утро мы вместе вышли из дома и сели в метро. Адам собирался поехать за город на электричке и вернуться не раньше восьми часов. У меня был сумасшедший рабочий день, состоявший из сплошных совещаний, которые потребовали всего моего внимания. Когда, прищурившись, я вышла из «Дрэга» на свежий воздух, у меня было ощущение, что в голове поселился пчелиный рой. По пути домой я купила бутылку вина и готовую еду, которую требовалось только разогреть и выложить из коробочки.

Когда я подошла к дому, передняя дверь оказалась не заперта, но ничего необычного в этом не было. На первом этаже жила учительница музыки, которая держала общую дверь открытой в те дни, когда у нее были уроки. Но, оказавшись перед дверью своей квартиры, я поняла, что все полетело к чертям, и уронила пакет с покупками. Хлипкая дверь была взломана. К ней было что-то пришпилено. Знакомый коричневый конверт. С пересохшим ртом я дрожащими руками взяла его и оторвала край. Там была записка, написанная грубыми черными прописными буквами:

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ, АДАМ? ПРИМИ ВАННУ.

Я тихонько толкнула дверь внутрь и прислушалась. Не было слышно ни звука.

— Адам? — неуверенно позвала я. Безрезультатно. Ответа не последовало. Я подумала, не лучше ли будет просто повернуться и уйти, позвать полицию, дожждаться Адама — все, что угодно, только не входить внутрь. Я еще немного подождала, прислушиваясь. Было очевидно, что в квартире никого нет. Поддавшись какому-то нелепому, автоматическому ощущению неловкости, я подняла с пола пакет и вошла в квартиру. Поставила продукты на кухонный стол и почти минуту старалась притвориться сама перед собой, что не знаю, что должна сделать в следующий момент. Ванная комната. Я должна пойти и посмотреть, что в ванной. Кто-то пошел дальше, он приходил и затеял какую-то шутку. Они что-то оставили, чтобы показать, что могут проникнуть в квартиру, если захотят. Что могут заставить нас увидеть, что они захотят.

Я осмотрелась. Все было на местах. Поэтому, чувствуя неизбежность, я оцепенело двинулась в ванную. У двери немного постояла. Может, это ловушка? Я чуть приотворила дверь. Ничего. Я распахнула дверь и отскочила. Опять ничего. Я вошла. Возможно, это просто какая-то глупость, ничего не значащий розыгрыш... А потом я взглянула в ванну. В первый момент я подумала, что кто-то, видимо, взял меховую шапку, обмазал ее шутки ради ярко-красной краской и бросил в ванну. Но когда я наклонилась, то увидела, что это Шерпа. Кота было трудно узнать, так как его живот от самой груди был не только распорот, но выглядел так, словно его пытались

вывернуть наизнанку. Его превратили в жуткое кровавое месиво, но я все же склонилась над ним и притронулась к окровавленной голове, чтобы проститься.

Когда Адам нашел меня, я уже час или два лежала в кровати, не раздевшись и прикрыв голову подушкой, точно сказать я не могла, так как потеряла счет времени. Я увидела его озадаченное лицо.

— Ванная, — сказала я. — Записка на полу.

Я услышала, как он отошел, потом вернулся. У него было застывшее лицо, но, когда он лег рядом и обнял меня, я заметила, что на глазах Адама стояли слезы.

— Мне очень-очень жаль, моя милая Элис, — сказал он.

— Да, — всхлипнула я. — Я имею в виду, не страдай.

Он покачал головой.

— Нет, я в том смысле... я... — Его голос дрогнул, и он прижался ко мне. — Я не послушал тебя, я был... Полиция. Может, просто набрать 999?

Я пожалала плечами, по моему лицу бежали слезы. Я не могла произнести ни слова. Я смутно слышала довольно долгий разговор по телефону, голос Адама звучал настойчиво. К тому времени, когда приехали два полицейских офицера, часа через полтора, я привела себя в порядок. Оба мужчины были крупными, а может, их присутствие заставило квартиру казаться маленькой, и когда они вошли, их движения были робкими, словно полицейские боялись что-нибудь свалить. Адам провел их в ванную. Один из них выругался. Потом оба мужчины вышли в коридор, качая головами.

— Дьявол их побери, — сказал один. — Чертовы выродки.

— Вы думаете, их было больше одного?

— Дети, — сказал другой. — Безмозглые.

Значит, в конечном счете это была не Тара. Я больше ничего не понимала. Я ведь была уверена, что это проделывала она. Я взглянула на Адама.

— Смотрите, — сказал он, передавая им последнюю записку. — Мы получаем такие последние две недели. И еще телефонные звонки.

Офицеры посмотрели на записку без особого интереса.

— Вы будете снимать отпечатки пальцев? — спросила я.

Они посмотрели друг на друга.

— Мы примем ваше заявление, — сказал один из них, доставая крошечный блокнот из своей огромной куртки.

Я рассказала, что нашла нашего кота зарезанным в ванне. Что наша дверь была взломана. Что мы получали анонимные телефонные звонки и письма, которые мы не удосужились сохранить и о которых не стали сообщать. Но потом звонки и письма, как мы решили, прекратились. Полицейский, пыхтя, все записал. На половине у него закончилась паста, и мне пришлось дать ему свою ручку.

— Это дети, — сказал он, когда я окончила рассказ.

Выходя из квартиры, они критически осмотрели дверь.

— Нужно что-нибудь покрепче, — задумчиво произнес один из полицейских. — Мой трехлетний сорванец без труда выбил бы ее ногой. — И ушли.

\* \* \*

Спустя два дня Адам получил из полиции письмо. «Уважаемый мистер Таллис» — было написано от руки в верхней части письма, однако остальной текст представлял собой неважно сделанную копию. Там говорилось: «Вы заявили о преступлении. Никаких арестов произведено не было, но мы будем держать это дело на заметке. Если у вас появится любая новая информация, пожалуйста, свяжитесь с дежурным офицером в полицейском участке на Уингейт-роуд. Если вам потребуется помощь от Группы поддержки потерпевших, свяжитесь с дежурным офицером в

полицейском участке на Уингейт-роуд. С искренним уважением». Подпись была неразборчивой.

## Глава 28

Ложь давалась все легче. В определенной мере это дело практики. Я стала настоящей актрисой, прекрасно чувствующей себя в роли Сильвии Бушнелл, журналистки и заботливой подруги. Я также открыла для себя, что люди в основном принимают все, что им говоришь, за чистую монету, особенно если не стараешься продать им страховку или пылесос промышленных размеров.

Итак, через три дня после копания в мусорном контейнере убитой женщины, с которой я никогда не была знакома, я сидела в деревенском доме в самом сердце Англии и пила чай, приготовленный для меня ее матерью. Мне не составило никакого труда позвонить по телефону и сказать, что я знала Тару, что я нахожусь неподалеку от них и хотела бы засвидетельствовать им свое уважение. Мать Тары разволновалась, стала уговаривать приехать.

— Вы очень добры, миссис Бланшар, — сказала я.

— Джин, — сказала женщина.

Джин Бланшар оказалась женщиной лет шестидесяти, примерно ровесницей моей матери, на ней были узкие брючки и кардиган. Волосы с проседью, лицо избороздено глубокими морщинами, словно вырезанными на твердом дереве. Я подумала о том, какими могли быть ее ночи. Она подставила мне поднос с бисквитами. Я взяла маленькое, тонкое печенье и откусила от него, пытаюсь загнать подальше мысль, что я у нее его ворую.

— Откуда вы знаете Тару?

Я набрала побольше воздуха. Но у меня все было продумано.

— Я не особенно хорошо знала ее, — сказала я. — Познакомилась с ней через нескольких общих друзей в Лондоне.

Джин Бланшар кивнула:

— Мы беспокоились, когда она отправилась в Лондон. Она была первой из семьи, кто уехал из этой местности. Я понимала, однако, что она взрослая и может позаботиться о себе. Как она вам показалась?

— Лондон — большой город.

— Вот и я так думала, — сказала миссис Бланшар. — Я никогда не могла его выносить. Мы с Кристофером ездили проводить дочку, и, сказать по чести, нам там не понравилось, уж очень много шума, движения и людей. Мы не сильно беспокоились о квартире, которую она снимала. Планировали помочь ей подобрать где-нибудь... но потом это... — Она замолчала.

— А что думает Адель? — спросила я.

Лицо миссис Бланшар сделалось озадаченным.

— Простите? Не понимаю?

Я сделала ошибку. У меня что-то дрогнуло внутри, я ощутила головокружение, словно споткнулась на самом краю обрыва. Я отчаянно пыталась понять, что сделала неправильно. Может, я вышла не на ту семью? Может, Адель и Тара одно и то же лицо? Нет, я упомянула ее имя женщине в квартире. Скажи что-нибудь нейтральное. Ну же.

— Тара иногда говорила об Адели...

Миссис Бланшар кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Я ждала, не смея больше ничего сказать. Она достала из кармана платок, промокнула глаза и высморкалась.

— Конечно, она поэтому и переехала в Лондон. Она так и не увидела Адель... А потом еще смерть Тома.

Я подалась вперед и положила ладонь на руку миссис Бланшар.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Должно быть, это для вас так ужасно. Одно за другим. — Мне необходима была дальнейшая информация. — Когда это случилось?

— Том?

— Адель.

Миссис Бланшар печально улыбнулась:

— Думаю, для других это уже давно. Январь 1990 года, Я привыкла считать дни.

— Я не была знакома с Аделью, — сказала я, и это была практически первая правдивая фраза, которую я произнесла в присутствии Миссис Бланшар. — Но думаю, что знаю, раньше знала, — поправились я, — некоторых из ее друзей-альпинистов. Дебору, Дэниела, Адама... не помню, как его фамилия.

— Таллис?

— Кажется, да, — осторожно сказала я. — Столько времени прошло.

— Да, Том бывал с ним в горах. Но мы знали его, когда он был мальчиком. Мы дружили с его родителями много лет назад.

— Правда?

— Он стал довольно знаменитым. Он спас в горах несколько человек, и о нем писали в газетах.

— Правда? Я не видела этих газет.

— Он сможет вам сам все рассказать. Он сегодня днем собирался приехать сюда на чай.

Во мне появился почти научный интерес к тому, как я могла продолжать тянуться вперед с заботливым выражением на лице, даже когда казалось, что полированный деревянный пол вздыбился и вот-вот ударит меня по лицу. У меня было несколько секунд, чтобы хоть что-то придумать. Или мне просто расслабиться и пустить все на самотек, дать катастрофе разразиться? Какая-то активная часть моей души, глубоко внутри, еще живая, продолжала бороться.

— Это было бы прекрасно, — услышала я свой голос. — К сожалению, мне пора возвращаться. Спасибо вам за чай.

— Но вы ведь только что приехали, — взволнованно запротестовала миссис Бланшар. — Прежде чем вы уйдете, я должна вам кое-что показать. Я разбираю вещи Тары, и, думаю, вам будет интересно взглянуть на ее фотографии.

Я посмотрела в ее печальное лицо.

— Конечно, Джин, я бы с удовольствием, — сказала я. И мельком бросила взгляд на часы. Двадцать пять минут третьего. Поезда прибывали в Коррик по целым часам, дорога от станции заняла у меня десять минут, значит, Адам не мог приехать на прошлом поезде. А не может он быть на машине? Едва ли. — Не знаете, когда будет следующий поезд на Бирмингем? — спросила я миссис Бланшар, которая возвращалась с зажатым под мышкой альбомом.

— Да, он идет в четыре минуты... — Она посмотрела на свои часы. — Следующий поезд будет в четыре минуты четвертого.

— Значит, у меня уйма времени, — натянуто улыбнулась я.

— Еще чаю?

— Нет, спасибо, — сказала я. — Я бы с удовольствием посмотрела фотографии. Если позволите.

— Конечно, моя дорогая.

Она придвинулась ко мне вместе со стулом. Пока она говорила, я делала в голове расчеты. Если я выйду до без четверти три, то смогу добраться до станции до приезда Адама... Но конечно, он, может, и не приедет в три ноль четыре, но если приедет, то я буду в полной безопасности на другой платформе, где смогу найти место, чтобы спрятаться от его глаз. Миссис Бланшар обязательно скажет, что здесь

была дама, которая знает его, но я не припомнила ничего, чем могла бы раскрыть себя. Что касается Адама, то он подумает, что это была одна из десятков, сотен девушек из его прошлого.

А если мои расчеты не верны? Если Адам появится, когда я буду еще здесь? Я попыталась предпринять жалкие усилия, чтобы придумать какие-то фразы, но отменяла все как жуткую глупость. Мне было нужно все внимание, чтобы просто оставаться на плаву, сохранять способность говорить. Я ничего не знала о Таре Бланшар, кроме того, что ее тело обнаружили в канале в восточном Лондоне. Теперь же я видела ее толстощеким ребенком в песочнице в детском саду. С косичками. В форменном жакете. В купальниках и вечерних платьях. Адель тоже часто была на фотографиях. Она в детстве казалась плаксивой и угловатой, а потом стала длинноногой и красивой. Адам не изменял себе, должна была признать я. Но процесс продвигался слишком медленно. Я постоянно посматривала на часы. К без восемнадцати три мы просмотрели только половину альбома. Потом миссис Бланшар прервалась на рассказ, который я никак не могла себя заставить слушать. Я сделала вид, что так заинтересована, что перевернула лист, чтобы посмотреть, что там за снимки. Без четверти. Мы еще не дошли до конца. Без тринадцати.

— А вот он, Адам, — сказала миссис Бланшар.

Я заставила себя посмотреть. Он был очень похож на того Адама, которого я знала. Волосы немного длиннее. Небрит. С улыбающимися Аделью, Тарой, Томом и парой других людей, которых я не знала. Я постаралась найти намек на близость между ним и Аделью, но ничего не обнаружила.

— Нет, — сказала я. — Видно, я спутала его с кем-то другим.

Я могла бы даже попросить миссис Бланшар не упоминать обо мне при Адаме. Но я не должна была быть слишком настойчивой. Без десяти. С неожиданным отчаянным облегчением я увидела, что миссис Бланшар дошла до пустого листа альбома. Он был заполнен не до конца. Мне нужно было быть твердой. Я взяла ее за руку.

— Джин, это было... — Я замолчала, словно меня захлестнули эмоции. — А теперь мне нужно идти.

— Давайте я отвезу вас на машине, — предложила она.

— Нет, — ответила я, стараясь не сорваться на крик. — После этого, всего этого, мне хотелось бы пройтись пешком.

Она шагнула вперед и заключила меня в объятия.

— Приезжайте еще, Сильвия, — сказала она.

Я кивнула и через несколько секунд уже шла по дорожке. Но потребовалось больше времени, чем я думала. Было уже без шести минут три. Я подумала было о том, чтобы пойти в другом направлении, но это показалось еще хуже. Свернув с подъездной дорожки на дорогу, я тут же припустилась бежать. Мое тело к этому было не готово. Через сотню ярдов я уже задыхалась, в груди кололо. Я повернула за очередной угол и впереди увидела станцию. Слишком далеко. Я заставила себя продолжать бежать, но, добежав до парковки автомобилей, полной автобусов, увидела, как подходит поезд. Я не могла рисковать, чтобы на платформе не наткнуться на Адама. Я в отчаянии посмотрела по сторонам. Похоже, вокруг не было никакого укрытия. Все, что мне попало на глаза, телефонная будка. Я заскочила в нее, сняла трубку. Из предосторожности повернулась к станции спиной, но как бы там ни было, я оказалась прямо против выхода. Я взглянула на часы. Одна минута четвертого. Я услышала звук отходящего поезда. Мой подойдет через минуту или две. Я ждала. Что, если Адам, выйдя со станции, захочет позвонить?

Возможно, я дурачила саму себя. Во мне поселилась уверенность, что его нет в этом поезде. Желание повернуться стало почти непреодолимым. Я слышала шаги нескольких людей, они вышли со станции и спустились на гравий парковой дорожки.

Чьи-то шаги затихли позади меня. Я видела в стекле кабинки часть отражения человека, который стоял и ждал, когда я закончу говорить. Кто это, мне было не видно. В дверь постучали. Я вспомнила, что пытаюсь изобразить, и бросила в трубку несколько поспешных фраз. Потом чуть обернулась. А вот и он. Одет немного элегантнее, чем обычно, — в пиджаке. Мне не было видно, есть ли галстук.

Миновал телефонную будку и направился к стоянке автомобилей, где остановил пожилую женщину и что-то ей сказал. Она огляделась и указала вдоль улицы. Он пошел в указанном направлении.

Я услышала, как подходит поезд. Мой. Я с ужасом вспомнила, что он останавливается на другой стороне. Придется переходить мост. Не оборачивайся, Адам, не оборачивайся. Я повесила трубку, выбежала из будки и буквально столкнулась с женщиной. Та раздраженно вскрикнула и принялась что-то говорить, но от меня и след простыл. Не обернулся ли Адам? Когда я выбежала на платформу, автоматические двери вагона закрывались. Я сунула руку в их щелкающие челюсти. Я надеялась, что какой-нибудь электронный разум обратит на это внимание и приоткроет их. Или поезд все равно тронется? Я мгновенно представила себе, как меня тащит под колеса, а потом находят изуродованной до неузнаваемости на следующей станции. Адам был бы сильно озадачен.

Двери открылись. Мне показалось, что это было больше, чем я заслуживала. Я села в конце вагона, подальше от остальных людей, и заплакала. Потом взглянула на руку. Резиновое уплотнение двери оставило на ней узкий черный след, похожий на траурную повязку. Это меня рассмешило. Я не могла справиться со смехом.

## Глава 29

Я была одинока. Я поняла наконец, насколько я теперь одинока, и вместе с этим пониманием пришел страх.

Конечно, Адама не было, когда я вернулась от Бланшаров, хотя я полагала, что он может скоро вернуться. Я поспешно натянула на себя старую футболку и нырнула под одеяло, как провинившаяся девочка. Я лежала в темноте. Весь день у меня не было ни крошки во рту, и в животе время от времени урчало, но мне не хотелось вставать и идти на кухню. Я не хотела, чтобы Адам, вернувшись, застал меня за обшариванием холодильника, за кухонным столом или в какой-нибудь другой обычной домашней ситуации. Что я могла сказать ему? У меня были одни вопросы, но эти вопросы нельзя было задать. С каждой новой ложью я загоняла себя в угол и не знала, как из него выбраться. Но и он обманывал меня. Я вздрогнула, вспомнив, как пряталась в будке, когда он проходил мимо. Что за отвратительный фарс! Весь наш брак был построен на страсти и обмане.

Когда он вошел, тихонько насвистывая, я затихла и притворилась спящей. Услышала, как он открыл дверцу холодильника, взял что-то и закрыл снова. Послышался звук откупориваемой банки пива. Потом он раздевался, сбрасывая одежду на пол у кровати. Когда он скользнул в кровать, одеяло откинулось, и меня обдало прохладным воздухом. Его теплые руки обняли меня сзади. Я вздохнула, словно во сне, и отодвинулась от него. Он последовал за мной, прижался ко мне всем телом. Я старалась дышать глубоко и ровно. В скором времени Адам уснул, я ощущала его горячее дыхание у себя на шее. Потом я попыталась обдумать положение.

Что мне известно? Я знала, что у Адама была тайная связь с женщиной, с которой, это теперь ясно, что-то случилось. Я знала, что у той женщины была сестра, которая собирала вырезки из газет об Адаме и которую несколько недель назад выловили в канале. Еще, конечно же, мне известно, что еще одна из его любовниц, Франсуаза, женщина с длинными черными волосами, погибла в горах и что Адам не

смог ее спасти. Я думала об этих трех женщинах, а он спал рядом со мной. Нас было пятеро в одной кровати.

Адам был человеком, всю жизнь окруженным насилием и утратами. Но ведь он жил в мире, где мужчины и женщины понимали, что могут умереть раньше срока, где риск был частью условий игры. Я осторожно вывернулась из его объятий и легла к нему лицом. В свете фонарей с улицы я могла лишь едва различать его черты, безмятежные во сне, пухлые губы чуть подрагивали при каждом вздохе. Я ощутила острый приступ жалости. Не удивительно, что он такой угрюмый, странный, а его любовь проявляется в жестокости.

Я проснулась, когда забрезжил рассвет, и потихоньку соскользнула с кровати. Половицы скрипнули, но Адам не проснулся. Одна его рука была закинута за голову. Спящий и голый, он выглядел таким доверчивым, однако я поняла, что больше не могу лежать рядом с ним. Я схватила первую попавшуюся под руку одежду — черные брюки, ботинки, оранжевую водолазку, которая протерлась на локтях, — и оделась в ванной. Я не стала даже чистить зубы и умываться. Я могла все это сделать позже. Мне необходимо было выбраться отсюда, побыть один на один с мыслями, не быть здесь, когда он проснется и опять захочет подчинить меня себе. Я вышла из квартиры, поморщившись при щелчке, который раздался, когда закрылась дверь.

Я не знала, куда иду. Быстро шагала, ощущая холод, так как была без куртки, и глубоко вдыхая воздух. Когда стало светло, я почувствовала себя спокойнее: все как-то образуется. В кафе возле Шепардз-Буш остановилась, чтобы выпить кофе, черного, без сахара. От запаха топленого сала и ветчины меня затошнило. Было почти семь часов, и улицы уже заполнились машинами. Я снова тронулась в путь, вспоминая инструкции Адама, которые он давал в Лэйк-дистрикт. Войти в ритм, шаг за шагом, дышать правильно, не смотреть слишком далеко вперед. Я ни о чем не думала, просто шла. Газетные киоски были открыты, как и некоторые продовольственные магазины. Через какое-то время я поняла, куда меня принесли ноги, но не стала останавливаться, хотя двигалась все медленнее. Что ж, может, это, в конце концов, и не самая плохая идея. Мне нужно было с кем-то поговорить, а людей, к которым хотелось бы обратиться, осталось совсем мало.

Я добралась до места в десять минут девятого, уверенно постучала в дверь и внезапно почувствовала страшное волнение. Но убежать было слишком поздно. Послышался звук шагов, и мы оказались с ним друг перед другом.

— Элис?

Судя по тону, он не был поражен при виде меня, но не слышалось и особой радости. Он не пригласил меня зайти в квартиру.

— Привет, Джейк.

Мы смотрели друг на друга. Когда мы виделись в последний раз, я обвинила его в том, что он положил в мое молоко пауков. Он был еще в халате, но в халате, который был мне не знаком, халате, появившемся «в период после Элис».

— Просто проходила мимо? — спросил он с тусклой тенью прежней иронии.

— Можно войти? Всего на минуту.

Он открыл дверь шире и отступил на шаг.

— Здесь все изменилось, — сказала я, оглядевшись.

— А чего ты ожидала?

В комнате был новый диван и шторы, у камина лежали новые большие подушки. Пара новых картин, которых я прежде не видела, появилась на стенах, теперь зеленых. Старых фотографий, на которых изображены мы с ним, больше не было.

Я не очень задумывалась об этом или не думала вовсе. Но теперь-то поняла: мне почему-то казалось, что, когда я войду в свой старый, закрытый для меня дом, увижу, что там меня ждали. Хотя я грубо дала понять, что никогда не вернусь. Если бы я могла не кривить душой, то, возможно, предположила бы, что Джейк будет

ждать меня, как бы я с ним ни поступила. Что он обнимет меня, усадит на диван, приготовит чай с тостами и станет выслушивать мои семейные печали.

— Не очень хорошо, — наконец выговорила я.

— Может, выпьешь чашку кофе, раз уж пришла?

— Нет. Да, с удовольствием.

Я прошла за ним на кухню: новый чайник, новый тостер, новые, в цвет, кружки, висящие на новых крючках, много цветов на подоконнике. Цветы на столе. Я села на стул.

— Ты пришла, чтобы забрать оставшиеся вещи? — спросил он.

Мне стало ясно, что приходить сюда было бессмысленно. Прошлой ночью меня вдруг посетила странная мысль: даже если я потеряю всех, то Джейка каким-то образом удастся сохранить. Я выдала еще несколько жутких фраз.

— Я немного не в себе, — сказала я.

Джейк удивленно взглянул на меня и передал мне кофе. Он был слишком горячим, чтобы пить, поэтому я поставила чашку перед собой и крутанула на столе, расплескав немного темной жидкости.

— Все стало немного странным.

— Станным? — повторил он.

— Можно, я зайду в туалет?

Я неуверенной походкой прошла в крошечную комнатку и посмотрела на себя в зеркало. Мои волосы засалились, кожа на осунувшихся щеках казалась нездоровой, под глазами залегли глубокие тени. Я не умывалась ни вечером, ни утром, поэтому на лице остались следы туши и грязи. Оранжевая водолазка была надета наизнанку, однако я не стала переодевать ее. Для чего?

Я умылась, а когда спускала воду в унитазе, услышала скребущий звук в комнате наверху. В спальне. Там был еще кто-то.

— Прости, — сказала я, выйдя из туалета, — это было ошибкой.

— Что случилось, Элис? — спросил он, в его голосе зазвучало настоящее беспокойство. Но не похожее на то, как если бы он все еще любил меня; скорее, как если бы я была уличной кошкой, оказавшейся у него под дверью.

— Просто я немного не в своей тарелке. — Вдруг мне в голову пришла мысль. — Нельзя ли воспользоваться твоим телефоном?

— Ты знаешь, где он, — сказал Джейк.

Я позвонила в справочную и выяснила телефонный номер полицейского участка в Коррике. Записала его на ладони фломастером, который валялся на полу. Стала набирать номер, потом вспомнила о звонках, которые докучали нам с Адамом. Мне нужно было быть осторожной. Поэтому я повесила трубку.

— Ну, я пошла, — сказала я.

— Когда ты последний раз ела? — спросил Джейк.

— Я не голодна.

— Вызвать тебе такси?

— Я могу идти пешком.

— Куда?

— Что? Не знаю.

Наверху кто-то принимал ванну. Я поднялась со стула.

— Прости, Джейк. Знаешь, прости.

Он улыбнулся.

— Теперь все в норме, — сказал он.

## Глава 30

В газетном киоске я купила самую дорогую телефонную карточку, затем нашла



будку.

— Полицейский участок, — ответил металлический женский голос.

Я заранее заготовила первую фразу.

— Могу я поговорить с кем-нибудь, кто ведет дело Адель Бланшар? — напористо проговорила я.

— Какой отдел?

— Господи, не знаю. — Я заколебалась. — Криминальный?

На другом конце провода наступила пауза. Раздражение?

Смущение? Потом я услышала приглушенные голоса. Она явно прикрывала трубку ладонью. Потом она снова заговорила.

— Дайте подумать, с кем вас соединить.

Послышался сигнал, она соединяла.

— Чем могу вам помочь? — другой голос, на этот раз мужской.

— Я подруга Адели Бланшар, — уверенно произнесла я. — Я несколько лет была в Африке и просто хотела бы узнать, как продвигается ее дело.

— Будьте любезны, представьтесь.

— Меня зовут Полин, — солгала я. — Полин Уилкс.

— Боюсь, что по телефону мы не сможем дать информацию.

— Вы слышали о ней?

— Простите, мадам, у вас есть что сообщить?

— Я... нет, простите, до свидания.

Я повесила трубку, набрала номер справочной и спросила номер публичной библиотеки Коррика.

\* \* \*

Приехав в Коррик второй раз, я ощутила некоторое беспокойство. Что, если я встречу миссис Бланшар? Затем я прогнала эту мысль из головы. Какое это имело значение? Я бы солгала, как обычно. Мне с детства не приходилось бывать в публичной библиотеке. Они представлялись мне старомодными муниципальными зданиями вроде ратуши, темными, с массивными металлическими радиаторами и укрывшимися от дождя бродягами. Коррикская публичная библиотека была светлой и новой, она располагалась рядом с супермаркетом. Казалось, компактв и видеокассет там не меньше, чем книг, и я забеспокоилась, что придется возиться с мышью или микрофишами. Но когда я спросила у библиотекаря о местной газете, меня направили к полкам, где в массивных подшивках стояла «Коррик энд Уитэм эдвертайзер» за восемьдесят лет. Я взяла подшивку за 1990 год и тяжело бухнула ее на стол. Просмотрела первые четыре страницы всех газет за январь. Там шла дискуссия по поводу объездной дороги, описывалась авария грузовика, закрытие завода и была статья о работе городского совета и утилизации мусора, но ничего об Адели Бланшар. Поэтому я вернулась назад и пролистала все остальные новостные страницы за январь. По-прежнему ничего. Я не знала, что делать, к тому же у меня было мало времени. Я не решилась снова ехать на поезде и позаимствовала машину у своей помощницы Клаудии. Если бы выехала в девять и сразу же вернулась обратно, то могла бы успеть к двум часам на совещание у Майка и притвориться занятой обычной работой.

Я не могла предположить, что копание в газетах займет столько времени. Что мне было делать? Возможно, Адель проживала где-нибудь еще, хотя ее мать говорила, что Тара была первой, кто уехал отсюда. Я просмотрела первый февральский номер. Опять ничего. Я глянула на часы. Почти половина двенадцатого. Пробежусь по февральской подшивке и уеду, даже если не найду того, что мне было нужно.

Как и следовало ожидать, это оказалось в номере за последнюю пятницу месяца, 23 февраля. Короткое сообщение было помещено в самом низу на четвертой странице:

#### ПРОПАЛА МЕСТНАЯ ЖИТЕЛЬНИЦА.

Растет тревога по поводу судьбы молодой женщины из Коррика. Адель Фанстон, двадцати трех лет, была объявлена пропавшей без вести. Ее муж, Томас Фанстон, работавший за границей, рассказал корреспонденту «Эдвертайзер», что Адель планировала отправиться на праздники в туристическую поездку, пока он находился в неустановленном месте: «Я начал беспокоиться, когда от нее перестали поступать известия». Он вместе со своим тестем Кристофером Бланшаром, также проживающим в Коррике, выражает надежду на то, что у миссис просто затянулся отпуск. Детектив Хорнер заявил, что «не склонен чрезмерно тревожиться. Если миссис Фанстон находится в безопасности, то я хотел бы призвать ее отозваться». Миссис Фанстон известна здесь как учительница уитэмской начальной школы Святого Эдмунда".

Пропала без вести. Я огляделась по сторонам. Поблизости никого не было. Стараясь не шуметь, я вырвала заметку из газеты. Злонамеренная порча имущества, мрачно подумала я.

### Глава 31

Джоанна Нобл прикурила сигарету.

— Прежде чем мы начнем, ты не будешь против, если скажу несколько слов, которые могут показаться грубыми?

— Прежде чем мы начнем? Это звучит так, словно ты доктор или юрист.

— Ну а кто я? Именно это я и имела в виду. Подожди секунду. — Она наполнила наши бокалы белым вином, которое я купила в баре.

— За все хорошее, — иронически произнесла я.

Она сделала глоток вина и ткнула сигаретой в мою сторону.

— Смотри, Элис, я интервьюировала множество людей, иногда я ненавидела их, несколько раз я думала, что мы могли бы подружиться, но такого по тем или иным причинам никогда не случалось. Теперь же, похоже, становлюсь на дружескую ногу с женой человека, у которого я брала интервью, если не считать...

— Если не считать чего?

Она затянулась сигаретой.

— Я не знаю, чего ты хочешь. Если ты хочешь встречаться со мной, то не потому ли, что я такая удобная и надежная персона и ты не можешь найти никого лучше, чтобы поделиться своими проблемами? Или ты думаешь, что у меня имеется некоторый профессиональный опыт, который тебе может пригодиться? Что мы здесь делаем? Не лучше ли было рассказать все, что ты, как мне кажется, собираешься мне поведать, какому-нибудь другу, родственнику или...

— Или психиатру? — рассерженно перебила я, но тут же постаралась успокоиться. Было нечестно винить ее в том, что она отнеслась ко мне с некоторым подозрением. — Ты не подруга, я понимаю, но это не то, о чем я могла бы поговорить с подругой или родственником. И ты права, что не доверяешь мне. Я обратилась к тебе, потому что тебе известны вещи, о которых другие люди и не подозревают.

— Это залог наших отношений? — почти глумливо спросила Джоанна, однако потом улыбнулась более доброжелательно. — Не обращай внимания. Мне тоже по-своему приятно, что тебе захотелось со мной поговорить. Так в чем дело?

Я набрала в грудь воздуха и рассказала ей обо всем, что делала в течение последних нескольких дней и недель: о деталях нашей прежней сексуальной жизни с Адамом, о найденных мною письмах от неизвестной Адели, о смерти ее сестры, о

свидании с ее матерью. На этом месте Джоанна подняла брови, но промолчала. Для меня было крайне странно обращать все это в слова, и я поймала себя на мысли, что слушаю собственный рассказ словно историю незнакомой женщины. Это заставило меня осознать, насколько замкнутой жизнью я живу, снова и снова прокручивая ситуацию в голове и не имея возможности поделиться своими переживаниями с кем-то другим. Я старалась, чтобы повествование было внятным, последовательным и ясным. Закончив рассказ, я показала Джоанне вырезку об исчезновении Адели. Она прочитала ее с хмурым видом, потом вернула мне.

— Итак? — сказала я. — Я сошла с ума?

Она подожгла очередную сигарету.

— Слушай, — произнесла она смущенно, — если все пошло так плохо, почему бы тебе просто не оставить этого парня?

— Адель оставила Адама. У меня есть письмо, в котором она порывает с ним. Оно датировано 14 января 1990 года.

Джоанна выглядела искренне удивленной, и было заметно, что она делает усилие, чтобы собраться с мыслями и заговорить.

— Дай-ка я произнесу это вслух, — наконец сказала она, — чтобы мы обе могли понять, о чем идет речь. Ты говоришь, что, когда эта Адель порвала с Адамом, твоим мужем, он убил ее и так надежно избавился от тела, что его не смогли обнаружить.

— Кто-то избавился от ее тела.

— Или она убила сама себя. Или просто ушла из дома и больше никогда там не появлялась.

— Люди просто так не исчезают.

— Да ну? Тебе известно, сколько людей в настоящее время числятся пропавшими во всей Британии?

— Конечно, нет.

— Столько, сколько проживает в Бристоле, Стокпорте или каком-нибудь другом городе средних размеров. В Британии есть целый город-призрак, состоящий из исчезнувших и пропавших людей. Люди просто уходят.

— В ее последнем письме к Адаму не чувствуется отчаяния. Оно все посвящено тому, что она остается с мужем, что намерена жить своей жизнью.

Джоанна снова наполнила бокалы.

— У тебя, случайно, нет какой-нибудь улики против Адама? Откуда ты знаешь, что он не был с экспедицией в горах?

— Это случилось зимой. В любом случае ее письмо было отправлено на его лондонский адрес.

— Боже, дело не просто в полном отсутствии улик. Ты и в самом деле думаешь, что он способен хладнокровно убить женщину и просто продолжать жить?

Я минуту подумала.

— Думаю, для Адама нет ничего невозможного, если он что-то задумал.

Джоанна улыбнулась:

— Не пойму я тебя. В первый раз за вечер ты на самом деле говоришь так, точно любишь его.

— Конечно. Не в этом дело. Но что ты об этом думаешь, Джоанна? О том, что я тебе рассказала.

— Что ты подразумеваешь под «что я думаю»? О чем ты просишь? Я по-своему чувствую себя ответственной за это. Ведь это я рассказала тебе о деле об изнасиловании и втравила в этот идиотизм. Я чувствую, что навесила на тебя такое ярмо, что ты хочешь доказать что-нибудь — все, что угодно, — только бы знать наверняка. Слушай... — Она безнадежно махнула рукой. — Люди не делают таких вещей.

— Неправда, — сказала я. Я неожиданно почувствовала себя совершенно

спокойной. — Ты лучше многих знаешь это. Но что мне делать?

— Даже если бы это было правдой, а это не так, то нет никаких улик и нет возможности их найти. Тебя поразило то, что ты узнала, что само по себе выведенного яйца не стоит. Это означает, что у тебя есть выбор. Например, уйти от Адама.

— Я не смогла бы. Я не посмею это сделать. Ты его не знаешь. Если бы ты была на моем месте, то просто знала бы, что это невозможно.

— Если оставаться с ним, то нельзя же всю жизнь вести себя как двойной агент? Ты отравишь все вокруг себя. Если ты соберешься избавиться от этого, то будешь обязана ради вас обоих все рассказать ему. Объяснить ему свои страхи.

Я рассмеялась. Мне было вовсе не смешно, но я не могла удержаться.

\* \* \*

— Может, вам хочется приложить немного льда?

— К какому месту, Билл? Болит все тело.

Он засмеялся:

— Однако подумайте, какую услугу вы оказали своей сердечно-сосудистой системе.

Билла Левенсона можно было бы принять за отставного телохранителя, однако на самом деле он был старшим администратором из Питсбурга, который руководил нашим отделом. Он приехал в начале недели, проводил совещания и давал оценку работе. Я ожидала, что он вызовет меня, чтобы пропесочить, в зал совета директоров, но он вместо этого пригласил меня в свой спортивный клуб составить ему партию в игре под названием ракетбол. Я заявила, что никогда даже не слышала такого названия.

— Вам доводилось играть в скуош?

— Нет.

— Но в теннис-то вы играли?

— В школе.

— Это одно и то же.

Я вырядилась в какие-то довольно тесные клетчатые шорты и встретила с ним у сооружения, которое напоминало обычный корт для сквоша. Он вручил мне специальные защитные очки и ракетку, которая выглядела похожей на снегоступ. Ракетбол оказался вовсе не похожим на теннис. У меня были кое-какие смутные воспоминания о теннисе со школы: несколько красивых пробежек к сетке и обратно, немного изящных взмахов ракеткой, много смеха и флирта с тренером. Ракетбол же состоял из отчаянных изматывающих выпадов и резких рывков, из-за которых в скором времени я дышала, как больная туберкулезом, мои мышцы дрожали мелкой дрожью, и их сводило судорогой в странных местах: на бедрах и у плеча. В течение первых нескольких минут было приятно отжаться игре, вытолкнувшей из моей головы все тревоги. Если бы только тело было способно перенести такую нагрузку.

Через двадцать минут из намеченного получаса я упала на колени, едва выдохнув: «Достаточно», и Билл увел меня с корта. Я была по меньшей мере не в состоянии наблюдать за реакцией других гибких загорелых членов клуба. Он довел меня до дверей женской раздевалки. Когда я присоединилась к нему в баре, то хотя бы выглядела немного лучше, однако простой процесс ходьбы превратился для меня в нечто, требующее полной концентрации, словно я только-только начала учиться передвигать ноги.

— Я заказал для нас бутылку воды, — сказал Билл, стоя приветствуя меня. — Вам требуется пополнить запас жидкости в организме.

Мне хотелось выпить двойной джин с тоником и лечь, однако я малодушно приняла воду. Билл снял свои часы и положил их на столик между нами.

— Я читал ваш доклад, и нам понадобится ровно пять минут, чтобы с ним разобраться.

Я было открыла рот, чтобы возразить, но какое-то время не могла придумать, что сказать.

— Это было полное дерьмо. Как вам известно, «Дрэг-спираль» быстро падает в черную дыру, а нам за это придется платить. По — могу я назвать его беспристрастным? — тону вашего доклада я бы заключил, что вы тоже понимаете это.

Все, что, положив руку на сердце, я могла сказать, это то, что тон моего доклада был беспристрастным потому, что мои мысли последние несколько месяцев были заняты совершенно другим. Так что я промолчала.

Билл продолжал говорить:

— Новый дизайн до сих пор не выработан. Я не верю, что из этого что-то получится. И вы тоже не верите, что из этого что-то получится. Поэтому я обязан закрыть отдел. Если есть другой выход, то назовите его.

Я положила голову на руки и подумала, что хорошо бы так и сидеть, пока Билл не уйдет. А может, лучше уйти самой? Другая часть моей жизни теперь тоже летит в тартарары. Потом я подумала: черт, да что же это такое! Подняла голову и посмотрела в слегка удивленное лицо Билла. Видимо, он решил, что я заснула.

— Что ж, — сказала я, давая себе время на размышление, — медное напыление оказалось пустой тратой времени. Преимущества незначительны, да их и не удалось использовать. Ошибкой был также упор на удобство установки. Это делает спираль менее надежной с точки зрения контрацепции. — Я сделала глоток воды. — Дело не в дизайне. Дело в шейке матки, где предстоит устанавливать спираль.

— Ну и?.. — сказал Билл. — Что будем делать?

Я пожала плечами:

— Выбросим на рынок следующую модель. Немного изменим «Дрэг III» и назовем «Дрэг IV». Потратим некоторое количество денег на рекламу в дамских журналах. Но без всяких идиллических картинок с изображением парочек, любующихся закатом на берегу моря. Дадим подробную информацию о том, каким женщинам ВМУ подходит, каким нет. Главное — дадим им советы, как их подгонять. Умелая подгонка дала бы лучший эффект, чем сама «Дрэг IV», если даже она сработает. — Меня осенило. — Вы могли бы поручить Джованне организацию программы переподготовки врачей по подгонке устройства. Вот так. Я свое дело сделала. Билл хмыкнул и взял часы.

— Пять минут в любом случае прошли, — сказал он, застегивая ремешок. Потом он поднял с пола небольшой кожаный портфель, поставил его на стол и открыл. Я подумала, что он собирается выложить передо мной бумаги о сокращении штатов, но вместо этого у него в руке появился отпечатанный на глянцевой бумаге журнал.

— Посмотрите сюда, — сказал он. — Я кое-что о вас знаю. — У меня упало сердце, но я удержала на губах улыбку. Я поняла, что произойдет в следующий момент. — Боже, — сказал он. — У вас потрясающий муж. — Он открыл журнал. Передо мной промелькнули горные вершины, лица в защитных очках — некоторые из них были знакомы: Клаус, изящный снимок Франсуазы, похоже, единственный такого плана, отличная фотография Адама, сделанная исподтишка, на которой он разговаривает с Грегом.

— Да, потрясающий, — согласилась я.

— В старших классах я бывал в туристических походах и катался на лыжах, но альпинисты — это что-то. Это то, на что мы все хотели бы быть способными.

— Знаете, многие из них погибли, — сказала я.

— Я не об этом. Я о том, что сделал ваш муж. Знаете, Элис, я бы бросил все —

карьеру, все, — чтобы только знать, что я на это способен, доказать, что я могу такое сделать. Это удивительная статья. Они опросили каждого, и все были едины. Все назвали Адама. Слушайте, не знаю, какие у вас планы, но я вылетаю в воскресенье. Может, мы сможем собраться все вместе.

— Было бы здорово, — устало сказала я.

— Это было бы для меня честью, — сказал Билл.

— Можно, я позаимствую у вас это? — указала я на журнал.

— Конечно, — сказал Билл. — Это вас поставит на ноги.

## Глава 32

Я, похоже, разбудила его, хотя шел уже двенадцатый час: он выглядел опухшим, глаза заспанными, на нем была несвежая пижама с неправильно застегнутыми пуговицами. Волосы на голове торчали дыбом, отчего он казался еще более волосатым, чем я его помнила.

— Грег?

— Да? — Он смотрел на меня из-за двери, никак не показывая, что узнает.

— Это Элис. Простите, что побеспокоила.

— Элис?

— Элис, та Элис, которая из пары Элис — Адам. Мы познакомились на приеме по поводу книги.

— Я помню. — Пауза. — Может, зайдешь? Как видишь, я сегодня утром вовсе не ожидал посетителей. — Он вдруг улыбнулся; по-детски голубые глаза очень ласково засветились на его помятом, неумытом лице.

Я ожидала, что Грег живет в полном дерьме, но это оказался уютный маленький домик, где было чисто и все расставлено по местам. И повсюду фотографии с изображением гор; на белых стенах красовались черно-белые и цветные снимки величественных заснеженных вершин. Было немного странно находиться в таком крошечном домике в окружении столь грандиозных пейзажей.

Он не предложил мне присесть, но я все-таки села. Я проехала через весь Лондон, чтобы повидать его, хотя сама не знала, для чего. Возможно, я припомнила, что он мне понравился, когда мы познакомились, и уцепилась за это. Я прокашлялась, а его лицо вдруг стало озадаченным.

— Вот что я скажу тебе, Элис, — сказал он. — Ты смущена тем, что без приглашения оказалась на моем пороге, и не знаешь, с чего начать. И я смущен тем, что не одет, как подобает всякому уважающему себя человеку, и что у меня страшное похмелье. Почему бы нам не пройти на кухню? Я покажу тебе, где яйца, ты сможешь взбить парочку для омлета и сварить кофе, пока я надену на себя что-нибудь. Потом расскажешь о цели своего прихода. Это ведь не просто визит вежливости, как я понимаю?

Я стояла в оцепенении.

— И не похоже, что в последние несколько недель ты что-то ела.

— Не часто, — призналась я.

— Тогда яйца?

— Яйца — это просто замечательно.

\* \* \*

Я взбила в соуснике четыре яйца и поставила их на тихий огонь, постоянно помешивая. Омлет должен готовиться медленно и подаваться мягким, а не жестким, как резина. Даже я это знаю. Я приготовила кофе — слишком крепкий, однако, подумалось мне, мы оба вполне справимся с инъекцией кофеина — и поджарила

четыре кусочка зачерствевшего хлеба. Когда Грег вошел на кухню, завтрак был на столе. Я поняла, что очень голодна, и подсоленные нежные яйца и сдобренные маслом тосты утешили и подкрепили меня. Мир перед глазами перестал плыть. Я запивала еду большими глотками горького кофе. Сидевший напротив меня Грег поглощал еду размеренно и с удовольствием, тщательно укладывая на тосты куски омлета и цепляя их на вилку небольшими квадратиками. В этом ощущалась странная коммуникабельность. Мы не разговаривали.

Когда его тарелка опустела, он отложил нож и вилку, отодвинул все от себя и выжидательно взглянул на меня. Я вобрала в себя воздух, улыбнулась и, к собственному ужасу, почувствовала у себя на щеках горячие слезы. Грег подал мне коробку с салфетками и стал ждать.

— Ты, должно быть, думаешь, что я сумасшедшая, — сказала я и высморкалась. — Мне кажется, ты сможешь помочь понять...

— Понять что?

— Полагаю, Адама.

— Ясно.

Он резко поднялся из-за стола:

— Пойдем погуляем.

— Я не захватила пальто. Оставила в офисе.

— Я найду тебе куртку.

Выйдя на улицу, мы быстрым шагом пошли вдоль оживленной дороги, ведущей к Шордитчу и дальше, к Темзе. Грег вдруг спустился на несколько ступеней вниз, и мы оказались на дорожке над каналом. Движение осталось позади, здесь было тихо, как в деревне. Все, казалось, способствовало разговору, но тут мне вспомнилась Тара. Не в этом ли канале было выловлено ее тело? Я не знала. Грег ходил так же быстро, как Адам, той же легкой походкой.

— Почему, чтобы задавать вопросы, из всех людей ты выбрала именно меня?

— Все произошло так быстро, — сказала я. — Я имею в виду меня и Адама. Я думала, что прошлое ничего не значит и что вообще ничего не имеет значения. Но все оказалось совсем не так.

Я замолчала. Я не могла поведать Грегу о всех своих страхах. Он был человеком, которому Адам спас жизнь. Он был другом Адама, своего рода другом. Я смотрела на воду. Она была неподвижной. Вода в каналах не течет, как в реках. Мне хотелось поговорить об Адели, о Франсуазе, о Таре. Вместо этого я спросила:

— Как ты относишься к тому, что все считают Адама героем, а тебя злодеем?

— Злодеем? — переспросил он. — Я считал, что был просто трусом, слабаком, персонажем Элиши Кука-младшего.

— Кого?

— Он был актером, который играл трусов и слабаков.

— Прости, я не хотела...

— Я не против того, чтобы люди относились к нему как к герою, потому что он и был героем. В тот день он показал небывалую смелость, силу духа, спокойствие. — Он искоса взглянул на меня. — Это то, что ты хотела услышать? Что касается всего остального, то я не уверен, что хотел бы обсуждать с тобой, что чувствую по поводу своей несостоятельности. С женой героя и все такое.

— Это совсем не так, Грег.

— Думаю, что именно так. И именно поэтому ты нашла меня сегодня утром в пижаме, мучающимся от похмелья. Но я одного не понимаю, и это меня мучает. Что сам Адам говорит об этом?

Я собралась с духом.

— Видимо, Адам считает, что в экспедиции находились люди, которым было не место на склоне Чунгават.

Из груди Грегa вырвался смех, который перешел в рокоchущий кашель.

— Он может сколько угодно повторять это, — сказал он, прокашлявшись. — Кэрри Фрэнк, дерматолог, была неплохой туристкой, но никогда до того не ходила в горы. Она даже не знала, как надевать «кошки». И помню, что я предостерегал Томми Бенна, когда тот неправильно крепил страховку. Он чуть не сорвался. Он тогда не ответил, и я вспомнил, что он не понимает по-английски. Ни слова. Боже, что он творил с нами! Мне пришлось скатиться к нему, чтобы переукрепить его карабин. Но я считал, что справлюсь со всем, что придумал совершенно безопасную систему. Она не сработала, и погибли пять доверившихся мне людей. — Я притронулась к его руке. Но Грег продолжал говорить. — Когда подошла развязка, Адам оказался героем, а я нет. Ты сама себя не понимаешь. Присоединяйся к клубу.

— Но мне страшно.

— Присоединяйся к клубу, Элис, — повторил он, выдавив едва заметную усмешку.

Вдруг в самом неподходящем месте на другом берегу канала показался маленький сад, где виднелись клумбы красных и фиолетовых тюльпанов.

— Тебя пугает что-то конкретное? — наконец спросил он.

— Полагаю, все это связано с его прошлым. Все оно так смутно.

— И так заполнено женщинами, — добавил Грег.

— Да.

— Да, тебе непросто.

Мы присели на берегу.

— Он рассказывает о Франсуазе?

— Нет.

— У меня с ней был роман, ты же знаешь. — Говоря это, он не смотрел на меня, и у меня возникло ощущение, что прежде он никогда не произносил этого вслух. Для меня это стало ударом, совершенно неожиданным ударом.

— Роман с Франсуазой? Нет. Нет, я не знала. Боже, Грег, а Адам знал?

Грег ответил не сразу. Потом он сказал:

— Все началось в экспедиции. Она была забавная. Очень красивая.

— Да, все о ней так говорят.

— Между ней и Адамом все было кончено. Она сама сказала об этом Адаму, когда мы приехали в Непал. С нее было достаточно его измен.

— Она решила с ним расстаться?

— Разве Адам тебе не рассказывал?

— Нет, — медленно произнесла я. — Он ничего об этом не рассказывал.

— Ему было непросто смириться с тем, что его отвергли.

— Давай без околичностей, — сказала я. — Франсуаза разорвала длительную связь с Адамом, и спустя несколько дней у тебя с ней начался роман?

— Да. А потом, раз уж тебе хочется, чтобы я сказал это для тебя, через несколько недель она погибла в горах, так как я обгадился со своими размеченными шнурами маршрутами, а Адам спас меня, своего друга, который украл у него женщину.

Я пыталась придумать что-нибудь, что могло бы его утешить, но отказалась от этой затеи.

— Мне нужно возвращаться.

— Послушай, Грег, Адам знал о вас с Франсуазой?

— Тогда мы не стали говорить ему. Мы считали, что это может вызвать разлад. Ведь он тоже не вел жизнь затворника. А потом... — Фраза повисла в воздухе.

— Он никогда не упоминал об этом?

— Нет. Ты не собираешься обсуждать это с ним?

— Нет.



«Ни это, ни что другое, — подумала я. — Мы давно миновали этап рассказов».

— Можешь не сдерживаться на мой счет. Это больше не имеет значения.

Мы повернули назад, и я отдала ему куртку.

— Я здесь сяду на автобус, — сказала я. — Спасибо, Грег.

— Я ничего такого не сделал.

Поддавшись порыву, я обняла его за шею и поцеловала в губы, ощутив его колючую бороду.

— Береги себя, — сказала я.

— Адам — счастливчик.

— Всегда считала, что я должна была быть счастливой женщиной.

## Глава 33

Иногда у меня создавалось впечатление, что когда я была с Адамом, то настолько теряла голову, что оказывалась не в состоянии реально смотреть на него, не говоря уже о том, чтобы оценивать или анализировать его поступки. Были секс, сон, обрывочные разговоры, еда и иногда попытки что-то организовать, но и это все происходило впопыхах, словно мы старались успеть, пока лодка не пошла ко дну, пока пожар не поглотит дом вместе с нами. Я просто сначала отдалась этому беспомощно, с благодарностью за то, что можно отделаться от мыслей, от болтовни, от ответственности. Единственная возможность рационально оценивать его представлялась опосредованно, через суждения о нем других людей. Этот видимый издалека Адам мог приносить облегчение и пользу, как снимок солнца, на который можно смотреть прямо, чтобы таким образом узнать об этом предмете на небе, который жжет тебя сверху, но недоступен для прямого наблюдения.

Когда я вернулась после свидания с Грегом, Адам смотрел телевизор. Он курил и пил виски.

— Где ты была? — спросил он.

— На работе, — сказала я.

— Я звонил. Мне сказали, что ты ушла из офиса.

— Встреча, — неопределенно отозвалась я.

Когда лжешь, важно не давать лишней информации, на которой тебя можно поймать. Адам, обернувшись, посмотрел на меня, но ничего не сказал. Что-то было не так с этим его движением, словно оно было чуть замедленное или немного слишком быстрое. Он мог быть слегка пьян. Он переключал каналы, посмотрев программу несколько минут, включал другую, спустя несколько минут переходил на другой канал.

Я вспомнила о журнале, взятом у Билла Левенсона.

— Ты видел это? — спросила я, взяв его в руки. — Тут есть о тебе.

Он на мгновение обернулся, но не произнес ни слова. Я во всех подробностях знала историю про катастрофу на склоне Чунгават, но мне хотелось прочесть о ней в свете того, что мне стало известно об Адаме, Франсуазе и Грее, чтобы понять, не прозвучат ли факты как-то по-другому. Поэтому я пристроилась за кухонным столом и принялась нетерпеливо листать страницы с рекламой кроссовок, парфюмерии, тренажеров, итальянских костюмов, страницы, заполненные всякими мужскими вещами. Потом нашла что искала — большую, бросающуюся в глаза статью, озаглавленную «Зона смерти: мечты и несчастье на высоте 28 000 футов».

Статья была больше и полнее, чем статья Джоанны. Автор, Энтони Каплан, побеседовал со всеми оставшимися в живых членами экспедиции, включая, увидела я с забившимся сердцем, и самого Адама. Почему он не рассказал мне об этом? Должно быть, это был один из тех длительных телефонных разговоров или одна из встреч в баре, которые занимали значительную часть его времени на протяжении

последних месяца-двух.

— Я и не знала, что ты беседовал с этим журналистом, — проговорила я, стараясь, чтобы тон был достаточно беззаботным.

— Как его зовут? — спросил Адам, вновь наполняя свой стакан.

— Энтони Каплан.

Адам сделал глоток, потом другой и слегка поморщился.

— Этот парень просто сопляк, — бросил он.

Я почувствовала себя обманутой. Это вполне обычное дело, когда знаешь какие-то тривиальные, бытовые факты из жизни друга или коллеги, но ничего из того, чем живут их пылкие души. Что касается Адама, этим ограничивалось все, что мне было о нем известно. Его воображение, фантазии, мечты, однако, лишь случайные фрагменты того, чем он на самом деле занимался изо дня в день. Я изголодалась по любой информации об Адаме, о его способности тащить на себе снаряжение других, когда они начинали ползти, едва дыша в разреженном воздухе. Все говорили о его внимательности, благоразумии, его ясном уме.

Была там и новая деталь. Еще один член экспедиции, дизайнер по интерьерам по имени Лора Типлер, рассказала Каплану, что по пути к базовому лагерю в течение нескольких дней делила с Адамом палатку. Видимо, Грег имел в виду именно это, когда говорил, что Адам после разрыва с Франсуазой не жил отшельником. Потом Адам спокойно перешел жить в другую палатку. Чтобы и там демонстрировать свои способности, это несомненно. Я была совсем не против. Все было по-взрослому, по взаимному согласию, без глубоких чувств с обеих сторон. Типлер рассказала Каплану, что голова Адама была явно занята чем-то другим, наверное, приготовлениями к восхождению, обдумыванием разных степеней риска и способностей различных членов экспедиции справиться с нагрузкой, но его тела для нее было достаточно. Сука! Она почти досконально поведала Каплану об этом эпизоде, ее рассказ был словно дополнительным материалом в брошюре. Но неужели он спал со всеми женщинами, которые ему встречались? Интересно, что бы он подумал, если бы и я вела столь же насыщенную половую жизнь?

— Двадцать вопросов, — сказала я. — Кто такая Лора Типлер?

Адам минуту подумал, потом хрипло рассмеялся:

— Чертово ярмо, вот кто.

— Ты жил с ней в одной палатке. Она так говорит.

— О чем ты, Элис? Что ты хочешь от меня услышать?

— Ничего. Просто я продолжаю узнавать разные вещи о тебе из журналов.

— Из этого дерьма ты обо мне ничего не узнаешь. — Он выглядел раздраженным. — Зачем ты носишься с этим? Чего ты всюду суешь нос?

— Я не сую нос, — устало проговорила я. — Я интересуюсь твоей жизнью.

Адам налил себе еще порцию.

— Я не хочу, чтобы ты интересовалась моей жизнью. Я хочу, чтобы ты интересовалась мной.

Я стала лихорадочно соображать. Узнал ли он что-то? Однако его внимание было снова приковано к телевизору, он опять перепрыгивал с канала на канал: щелк, щелк, щелк.

Я продолжала читать. Я надеялась и одновременно опасалась, что в статье будут и другие подробности о разрыве между Адамом и Франсуазой и о напряженности, которая могла возникнуть в их отношениях на склоне горы. Но Каплан только коротко упомянул о том, что они прежде были парочкой, и Франсуаза практически не появлялась в статье до того момента в конце, когда исчезла. У меня в голове неотступно крутилась мысль о том, что две женщины, которые отвергли Адама, погибли. Не могло ли быть так, что он не особенно старался спасти группу, где была Франсуаза, как было с остальными? Но это сразу же вступило в

противоречие с напоминанием Каплана о том, что значило оказаться в горах во время бури. И Грег, и Клод Брессон были выведены из игры. Значение имело не то, что погибли пять человек, а то, что вообще кто-то остался в живых, и это стало возможно исключительно благодаря усилиям Адама, который вновь и вновь уходил в бурю. Но вопрос мучил меня, хотелось узнать, не этим ли объясняется то хладнокровие, с которым он вспоминает весь этот кошмар.

Адам, как обычно, говорил немного, но в одном месте Каплан спросил его, не двигала ли им великая романтическая традиция британских исследователей типа капитана Скотта. «Скотт погиб, — был ответ Адама. — И его люди с ним. Мой герой — Амундсен. Он добрался до Южного полюса, словно юрист, составивший юридический документ. Легко славно погубить людей, находящихся под твоей командой. Трудно сделать так, чтобы узлы были завязаны как надо, и привести людей назад».

Каплан перешел от цитирования к проблеме узлов, которые оказались ненадежными. Как он указал, жестокий парадокс трагедии заключался в том, что, по собственной идее Грега Маклафлина, после экспедиции не было никакой возможности избежать ответственности. Клод Брессон отвечал за маршрут, обозначенный веревкой красного цвета, Адам — желтого, а Грег взял на себя всю ответственность за обеспечение голубого маршрута, того, который должен был привести экспедицию от хребта Близнецы к седловине непосредственно под вершиной.

Все оказалось ужасно просто, но чтобы было еще проще, на подробной схеме показаны прохождение голубого маршрута по западному отрогу и то место в верхней точке, где он потерялся, из-за чего одна группа альпинистов отошла от маршрута и двинулась вниз по восточному отрогу навстречу своей гибели. Бедный Грег. Интересно, дошел ли до него этот новый вброс информации.

— Бедный Грег, — сказала я вслух.

— А?

— Я сказала «бедный Грег». Опять его вытащили на свет.

— Падальщики, — с горечью отозвался Адам.

В статье Каплана фактически не было ничего отличного, даже в расстановке акцентов, от того, что я прочла в статье Джоанны и — в более личной интерпретации — в книге Клауса. Я еще раз перечитала статью, пытаюсь найти хоть какое-то отличие. Все, что я обнаружила, было тривиальной поправкой. В книге Клауса альпинистом, которого нашли на следующее утро едва живым и бормотавшим лишь одно слово «помогите», был Пит Папуорт. Каплан сопоставил свидетельства всех очевидцев и установил, насколько этому можно было доверять, что Папуорт погиб накануне ночью, а тем человеком был немец, Томас Бенн, которого нашли умирающим. Кроме этой детали, изложение событий в обоих случаях полностью совпадало.

Я подошла и присела на подлокотник кресла, в котором находился Адам, и потерпела ему волосы. Он передал мне свой стакан, я немного отпила и вернула Адаму.

— Ты остался на ней, Адам?

— Где?

— На Чунгават. Ты возвращаешься к ней в мыслях снова и снова? Думаешь, могло ли быть иначе, можно ли было спасти погибших или о том, что сам мог погибнуть?

— Нет, ни о чем таком я не думаю.

— А я думаю.

Адам подался вперед и резким тычком выключил телевизор. В комнате внезапно сделалось очень тихо и стал слышен шум с улицы, где-то пролетел

самолет.

— С какой, черт побери, стати?

— Женщина, которую ты любил, погибла в горах. Эта мысль преследует меня.

Глаза Адама сузились. Он отставил стакан, встал и взял мое лицо в ладони. Они были большими и очень сильными. Я почувствовала, что он мог бы без труда свернуть мне шею, если бы захотел. Он смотрел мне прямо в глаза. Может, он пытался заглянуть мне в душу?

— Ты женщина, которую я люблю, — сказал он, не сводя с меня глаз. — Ты женщина, которой я верю.

## Глава 34

— Вас Билл Левенсон. — Клаудиа протянула мне трубку с сочувственным выражением лица, словно передавала меня в руки палачу.

Я, скорчив гримасу, взяла трубку:

— Алло, это Элис.

— Хорошо, Элис. — Для человека, готового меня четвертовать, его голос звучал доброжелательно. — Вы в деле.

— Что? — Я выпучила глаза на Клаудиу, которая торчала у дверей в ожидании, когда мое лицо горестно сморщится.

— Вы в деле, — повторил он. — Займитесь этим. «Дрэг-спираль» четвертой модели, это ваше детище.

— Но...

— Вы ведь не передумали, правда, Элис?

— Вовсе нет.

Я вообще не могла ни о чем думать. А «Дрэг-спираль» была последним, о чем я вспоминала в последние два дня. Даже теперь я едва могла собраться с силами, чтобы постараться изобразить заинтересованность в голосе.

— Тогда начинайте делать все, что нужно. Составьте список своих потребностей и план работы и пошлите мне по электронной почте. Я подобрал несколько светлых голов, все готовы к работе. Так что я перепасовал мяч вам, Элис. Обработайте его как следует.

— Прекрасно, — сказала я. Если ему хотелось услышать в моем голосе волнение или благодарность, то его ждало разочарование. — А что будет с Майком, Джованной и другими?

— Оставьте это веселенькое дельце мне.

— Ах.

— Отлично, Элис. Я уверен, вы преуспеете с «Дрэг-спиралью IV».

Я ушла с работы позже обычного, чтобы не пришлось встречаться с Майком. Потом, сказала я себе, я вытащу его куда-нибудь, и мы вместе напьемся, обругаем высокое начальство, его грязные махинации, словно они нас совершенно не касаются. Но не сейчас. Мне и без того было о чем тревожиться, и заботиться о Майке я могла лишь в условной форме. Та часть моей жизни временно отступила на второй план. Я расчесала волосы, завязала их на затылке в узел, взяла наполненный доверху лоток с входящей корреспонденцией и сбросила все содержимое в корзину для бумаг.

Клаус ждал меня у вращающихся дверей, он жевал пончик и читал вчерашнюю газету, которую, увидев меня, поспешно свернул.

— Элис! — расцеловал меня в обе щеки, потом изучающе оглядел. — Ты выглядишь немного уставшей. У тебя все в порядке?

— Что ты здесь делаешь?

К его чести, у него на лице появилось смущенное выражение.

— Адам попросил, чтобы я проводил тебя домой. Он беспокоился о тебе.

— Со мной все в порядке. Ты понапрасну тратишь время.

Он взял меня под руку:

— Для меня это удовольствие. Мне все равно нечего делать. Можешь у себя угостить меня чашкой чая.

Я заколебалась, демонстрируя нежелание.

— Я дал слово Адаму, — сказал Клаус и потащил меня к станции подземки.

— Мне хочется прогуляться.

— Пешком? Отсюда?

Это начало раздражать.

— Со мной все в порядке, и я хочу идти домой пешком. Ты со мной?

— Адам всегда говорит, что ты упрямая.

— На улице весна. Посмотри на небо. Мы могли бы пройтись через Вест-Энд и Гайд-парк. Или проваливай, тогда я пойду одна.

— Ты победила, как всегда.

— А чем же таким занят Адам, что не мог прийти сам, чтобы составить мне компанию? — спросила я, когда мы переходили через улицу в том самом месте, где я впервые увидела Адама, а он меня.

— Кажется, он собирался встретиться с каким-то оператором или еще с кем-то, кто может принять участие в экспедиции.

— Ты видел статейку о Чунгават в журнале «Гай»?

— Я беседовал с Капланом по телефону. Он мне показался профессионалом.

— Он не пишет ничего особо нового.

— Так он мне и сказал.

— Кроме одного. Ты говорил, что тот человек, который пережил ночь, был найден умирающим и все звал на помощь, был Пит Папуорт, а Каплан пишет, что на самом деле это был Томас Бенн.

— Немец? — Клаус нахмурился, будто пытался вспомнить, потом улыбнулся. — Должно быть, Каплан прав. Я был тогда не вполне...

— И еще у тебя ничего не было о том, что Лора Типлер делила с Адамом палатку.

Он как-то странно посмотрел на меня, не меняя темпа ходьбы.

— Это мне казалось копанием в чужих делах.

— Какой она была?

У Клауса на лице появилось слегка недовольное выражение, словно я нарушила некое неписаное правило. Потом он заговорил:

— Это было до того, как он познакомился с тобой, Элис.

— Знаю. Поэтому мне нельзя ничего о ней спрашивать? — Он промолчал. — Или о Франсуазе? Или о любой из них? — Я прикусила язык. — Прости. Я не собиралась говорить об этом в таком тоне.

— Дебби говорила, что ты немного зациклилась на этих вещах.

— Правда? Она тоже с ним как-то флиртowała. — Мой голос звучал неестественно пискляво. Я сама себя начинала тревожить.

— Боже, Элис.

— Может, нам не стоит идти пешком. Пожалуй, возьму такси до дома. Я чувствую себя уставшей.

Не говоря ни слова, Клаус вышел на проезжую часть и махнул проезжавшей мимо черной машине. Он помог мне сесть в такси, затем, несмотря на мои протесты, сел сам.

— Прости, — сказала я снова.

Некоторое время мы ехали в неловкой тишине, пока такси пробиралось вперед в вечернем потоке машин.

— У тебя нет причин ревновать, — наконец проговорил он.

— Я не ревную. Я устала, и меня мутит от секретов и тайн, и еще от получения информации об Адаме из статей в газетах или из случайных фразочек, которые у кого-нибудь бездумно вылетают. Такое чувство, что постоянно ожидаешь засады. Никогда не знаешь, с какой стороны ждать очередного сюрприза.

— Как я слышал, — возразил Клаус, — не то чтобы эти сюрпризы появляются сами. Скорее, это ты копаешься, стараясь их выудить. — Он положил свою теплую загрубевшую ладонь мне на руку. — Верь ему, — сказал он. — Перестань себя мучить.

Я рассмеялась, но смех перешел в судорожные рыдания.

— Прости, — еще раз проговорила я. — Обычно я так себя не веду.

— Видимо, тебе нужна помощь, — отозвался Клаус.

Его слова меня поразили.

— Думаешь, я схожу с ума? Ты так думаешь?

— Нет, Элис, может, будет полезно поговорить обо всем этом с кем-нибудь посторонним. Послушай. Адам мой приятель, но я знаю, каким упрямым выродком он может быть. Если у тебя проблемы, попроси помощи, чтобы в них разобраться.

— Наверное, ты прав. — Я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Я ощущала страшную усталость и жуткую тоску. — Наверное, я вела себя как дура.

— Временами мы все бываем дураками, — сказал он. Казалось, он немного успокоился, увидев мою неожиданную уступчивость.

Когда такси затормозило, я не стала предлагать Клаусу чашку чая, на которую он напрашивался, и он в свою очередь, как мне показалось, был не против такого развития событий. Он торопливо обнял меня перед дверью и быстро пошел вниз по улице, полы пальто развевались на ветру. Я устало поднялась по ступеням, подавленная и с чувством стыда за свое поведение. Прошла в ванную комнату, посмотрела на себя в зеркало, и мне не понравилось то, что я там увидела. Потом я осмотрела квартиру, которая пребывала в том же состоянии, в каком я оставила ее утром. В раковине лежали несколько дней не мытые тарелки, ящики комода были выдвинуты, на столе стояли открытые банки с медом и вареньем, на разделочной доске черствел хлеб, у двери приткнулись два наполненных мусором пакета, на линолеуме виднелись крошки и засохшая грязь. В гостиной повсюду стояли грязные кружки, на полу вместе с пустыми бутылками из-под виски и вина валялись газеты и журналы. В банке из-под варенья съезжился побуревший букетик нарциссов. Ковер, казалось, не пылесосили несколько недель. Вдруг вспомнилось, что мы также несколько недель не занимались стиркой и не меняли постельное белье.

— Черт, — с отвращением пробормотала я. — Я сама и все вокруг похоже на дерьмо. Точно.

Я засучила рукава и принялась за кухню. Мне нужно было вернуть свою жизнь. С каждой протертой поверхностью я чувствовала себя все лучше. Я вымыла посуду, собрала и выкинула всю засохшую и испортившуюся еду, свечные огарки, все полученные по почте рекламные проспекты, промыла пол с горячей мыльной водой. Я подобрала все пустые бутылки и старые газеты и выбросила их прочь, даже не делая перерывов на то, чтобы прочесть новости недельной давности. Выбросила я и мисочку Шерпы, стараясь не вспоминать, каким я видела его в последний раз. Я сняла с постели белье и свалила в угол, приготовив таким образом для прачечной. Я расставила парами обувь, книжки сложила в ровные стопки, оттерла желтизну в ванной и известковые пятна с душа. Полотенца тоже бросила в приготовленную для стирки кучу.

Потом я приготовила себе чашку чая и принялась за картонные коробки, сложенные под нашей кроватью, в которые мы с Адамом по обыкновению сбрасывали все, что не нужно, но что пока не хотелось выбрасывать. Сначала я

думала просто вынести их на улицу и поставить возле мусорного контейнера, даже не разбирая. Однако мне попался на глаза клочок бумаги, на котором был нацарапан рабочий телефон Полин. Его не следовало выкидывать. Я начала рыться в старых счетах, новых счетах, открытках, еще не прочитанных научных журналах, фотостатах материалов по «Дрэг-спирали», клочках бумаги, на которых я оставляла Адаму записки или Адам мне. «Вернусь в полночь; не засыпай», — прочла я, и от слез защипало глаза. Пустые конверты. Нераспечатанные конверты, адресованные владельцу квартиры. Я отнесла их на письменный стол в углу комнаты и начала раскладывать в три стопки. Одна на выброс, с другой разобраться тут же, третью положить назад в коробку. Одна из стопок развалилась, несколько бумажек упали за стол. Я попыталась просунуть за ними руку, но пространство оказалось слишком узким. Я было подумала оставить их там, но нет — я была полна решимости убрать в квартире все. Даже невидимые пылинки. Поэтому я с большим трудом отодвинула стол от стены и достала бумажки. Конечно, там были и другие вещи, которые обычно заваливаются за столы: сморщенная кожа от яблока, обрезок бумаги, колпачок от ручки, порванный старый конверт. Я взглянула на конверт, чтобы решить, можно ли его сразу выбросить. Он был адресован Адаму. Я перевернула его другой стороной и тут же, словно меня с силой ударили в живот, задохнулась.

«Был неважный день?» — прочла я. Это были каракули, написанные рукой Адама черными чернилами. На следующей строчке еще. «Был неважный день, Адам?» Потом: «Тяжелый день, Адам? Прими ванну». Наконец, в самом низу было написано знакомыми прописными буквами: «ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ».

Слова были написаны одно за другим, словно в детской прописи: «ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ».

Потом: «АДАМ АДАМ АДАМ АДАМ АДАМ АДАМ АДАМ».

И, наконец, — «ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ, АДАМ? ПРИМИ ВАННУ».

Не может быть, чтобы я сошла с ума. Не может быть, чтобы у меня была мания преследования. Я вновь и вновь старалась собраться с мыслями, чтобы придумать всему разумное убедительное объяснение. Наверное, Адам просто бездумно водил рукой, обдумывая полученную записку, повторяя написанные в ней слова. Но на бумаге было совсем другое. Это не было бессмысленным упражнением. Адам имитировал почерк прежних записок — записок Тары, — пока не добился сходства, чтобы уничтожить связь между ними и Тарой. Теперь я все поняла. Я знала о Шерпе, знала обо всем. Я знала то, о чем догадывалась уже давно. Единственную правду, которая была для меня невыносимой.

Я взяла конверт. Руки не дрожали. Я спрятала его в ящик комода, где хранилось мое нижнее белье, вместе с письмом Адели, потом вернулась к кровати и уложила назад в коробки все, что я оттуда вытащила. Я затолкала коробки обратно под кровать и даже затерла на ковре оставленные ими следы.

На лестнице послышались шаги, и я неторопливо прошла в кухню. Он вошел и стал наблюдать за моей работой. Я поцеловала его в губы и крепко обняла.

— Весенняя уборка, — сказала я, мой голос прозвучал как ни в чем не бывало.

Он ответил на мой поцелуй и посмотрел в глаза. Я не моргнула и не отвела взгляд.

## Глава 35

Адам догадался. Или что-то заподозрил, потому что не отходил от меня ни на шаг, не выпускал из поля зрения. Со стороны могло показаться, что все было, как в начале нашего знакомства, когда для нас обоих разлука была физически невыносима. На самом же деле это больше напоминало добросовестного врача, который не может ни на минуту выпустить из поля зрения эмоционально неустойчивую пациентку из

боязни, что она способна причинить себе вред.

Было бы преувеличением сказать, что Адам следовал за мной повсюду. Он не провожал меня на работу и не встречал каждый день. Он не звонил мне постоянно. Однако мне было достаточно, чтобы понимать — продолжение моего частного расследования становится рискованным. Он находился где-то рядом, и я была уверена, что временами он рядом, а я его не замечаю. Раз или два, идя по улице, я оглядывалась, так как чувствовала, что за мной наблюдают, или мне казалось, что кто-то мелькнул неподалеку, но я никогда не видела его. Однако он вполне мог там быть. Так или иначе, это не имело значения. У меня было такое чувство, что я знаю все, что нужно. Все уже в моей голове. Просто надо это обдумать. Разложить события по полочкам.

Грег собирался лететь на несколько месяцев в Штаты, и в субботу накануне его отлета друзья устроили для него прощальную вечеринку. Почти весь день шел дождь, и мы с Адамом не вылезали из постели почти до полудня. Потом Адам неожиданно поспешно оделся и сказал, что ему нужно уйти на пару часов. Он сделал мне чай, крепко поцеловал в губы и ушел. Я лежала в кровати и заставляла себя думать обо всем — спокойно, пункт за пунктом, словно Адам был проблемой, которую я должна была решить. Все факты были налицо, просто их нужно расставить в правильном порядке. Я лежала под одеялом, вслушивалась в шум дождя по крыше, в звуки машин, рассекавших лужи, и думала до тех пор, пока не заболело сердце.

Я вновь и вновь прокручивала в уме события на склоне Чунгават, бурю, высотную болезнь Грега и Клода Брессона, сверхъестественную удачу Адама, который вывел альпинистов вниз по хребту Близнецы, потерю маршрутного шнура и последовавший за этим ошибочный, катастрофический выбор направления пятью альпинистами: Франсуазой Коле, Питом Папуортом, Кэролайн Фрэнк, Алексисом Хартуняном и Томасом Бенном. Франсуазой Коле, которая незадолго до этого порвала с Адамом и у которой возник роман с Грегом...

Адель Бланшар порвала с Адамом. Как реагировал бы Адам, которого я знаю, на то, что его бросили? Он пожелал бы ей умереть — и вот она исчезла. Франсуаза Коле порвала с Адамом. Он пожелал бы ей умереть — и она погибла в горах. Это не означало, что он убил ее. Если хочешь, чтобы кто-то умер, и это случилось, означает ли это, что ты ответственен, даже если не ты стал причиной гибели? Я снова и снова возвращалась к этой мысли. Что, если он не очень старался ее спасти? Но ведь, как говорят все остальные, он сделал больше, чем мог сделать в тех обстоятельствах любой другой. Что, если он поставил ее группу последней в список, спасая жизни других людей? Делает ли это его хоть в какой-то степени ответственным за ее смерть и смерть других членов экспедиции? Но кто-то же должен был определить очередность. Например, Клауса нельзя винить в смертях — он был не в состоянии спасти даже самого себя, не говоря уже о том, чтобы принять решение, в каком порядке спасать остальных. Полная чушь. Как бы там ни было, Адам не мог знать о приближении бури.

И все-таки что-то было, и это напоминало крошечную занозу, которая так мала, что не можешь определить, то ли она на поверхности кожи, то ли где-то глубоко, однако это не дает покоя. Может, дело в какой-то технической детали, но эксперты не упоминали ничего подобного. Единственная подходящая техническая деталь заключалась в том, что закрепленный маршрутный трос Грега отвязался в самом опасном месте, но это событие в равной степени сказалось на всех группах. Лишь по случайности именно группа Франсуазы выбрала не тот маршрут спуска. Что-то не давало мне покоя. Почему я не могу прекратить думать об этом?

Я сдалась. Долго стояла под душем, надела на себя какие-то джинсы, одну из рубашек Адама и приготовила тост. Я не успела его съесть, так как на входе зазвонил звонок. Я никого не ждала и уж точно никого не хотела видеть, поэтому сначала даже



не пошла открывать дверь. Но звонок зазвонил снова — на этот раз настойчивее, — и я сбежала по лестнице вниз.

За дверью под большим черным зонтом стояла женщина среднего возраста. Она была довольно полной, с короткими седеющими волосами, морщины лучились вокруг ее глаз и двумя глубокими складками спускались от носа к уголкам рта. Мне сразу же показалось, что она выглядит печальной. Никогда прежде я ее не видела.

— Да? — сказала я.

— Адам Таллис? — спросила она. Она говорила с сильным акцентом.

— Мне жаль, но сейчас его нет дома.

У нее на лице появилось озадаченное выражение.

— Нет дома, — повторила я медленно, наблюдая за ее лицом и резким движением плеч. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

Она покачала головой, потом приложила руку к обтянутой плащом груди.

— Ингрид Бенн, — назвалась она. — Я жена Томаса Бенна. — Мне пришлось напрячься, чтобы понять ее, а от нее, казалось, произносимые слова требовали больших усилий. — Простите, мой английский нет... — Она сделала беспомощный жест. — Я хочу говорить с Адамом Таллисом.

Тогда я распахнула дверь.

— Входите, — пригласила я. — Входите, пожалуйста. — Я взяла у нее зонт и сложила его, стряхнув капли дождя. Она вошла внутрь, и я захлопнула за ней дверь.

Теперь я вспомнила, что несколько недель назад она писала Адаму и Грегу, спрашивая, нельзя ли ей приехать и поговорить о смерти мужа. Она сидела за кухонным столом в своем красивом удобном костюме, изящных ботинках, держала в руках чашку чая, но не пила. Женщина беспомощно смотрела на меня, словно я могла ей что-то ответить, хотя она, как и Томас, практически не говорила по-английски, а я совсем не знала немецкого языка.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Вашего мужа. Мне в самом деле очень жаль.

Она кивнула и расплакалась. Слезы струились по ее щекам, но она не вытирала их, словно не замечая этого горестного водопада. Было что-то особо впечатляющее в ее молчаливом, несдерживаемом горе. Она не пыталась ему противостоять, а позволяла захлестывать себя. Я подала ей салфетку, и она держала ее в руке, словно не представляя, как ей пользоваться.

— Почему? — наконец проговорила она. — Почему? Томми говорит... — Она попыталась подобрать слово, но оставила это занятие.

— Мне жаль, — очень медленно сказала я. — Адама нет дома.

Казалось, что это не имело особого значения. Она достала сигарету, я пододвинула ей блюдце. И она курила, рыдала и говорила на ломаном английском и немецком. Я просто сидела и смотрела в ее большие печальные карие глаза, пожимала плечами, кивала. Потом она постепенно затихла, и мы несколько минут молчали. Встречалась ли она уже с Грегом? Возникшая в голове картинка, как они сидят вместе, не показалась особенно трогательной. Журнал «Гай», открытый на статье о трагедии, лежал на столе, Ингрид увидела его и подтянула к себе. Она увидела групповую фотографию экспедиции и коснулась лица своего погибшего мужа. Взглянула на меня, и у нее на лице появилась тень улыбки.

— Томас, — едва слышно проговорила она.

Она перевернула страницу и посмотрела на рисунок горы, на котором было показано расположение маршрутных тросов. Она принялась тыкать в них пальцем.

— Томми говорит, прекрасно, он говорит. Нет проблем. Затем она перешла на немецкий, и я утратила нить, пока не услышала знакомое слово, повторенное несколько раз.

— Да, — сказала я. — Help, помогите. — Ингрид выглядела озадаченной. Я вздохнула. — Помогите, — медленно сказала я. — Последнее слово Томаса. Help.

— Нет-нет, — настойчиво проговорила она. — Gelb.

— Help.

— Нет-нет. Gelb. — Она показала на журнал. — Rot — вот. Blau — вот. И gelb.

Я смущенно посмотрела на нее:

— Rot, э-э, красный, да? A blau...

— Голубой.

— Agelb...

Она осмотрелась вокруг и указала на подушку на диване.

— Желтый, — сказала я.

— Да, желтый.

Я невольно рассмеялась по поводу этой путаницы, Ингрид тоже печально улыбнулась. И тут у меня в голове словно что-то провернулось; последняя цифра в комбинации замка с щелчком встала на место. Двери распахнулись. Желтый. Gelb. Да. Он не стал бы, умирая, говорить на английском, так? Конечно, нет. Во всяком случае, не Томас — человек, который был помехой для экспедиции из-за незнания английского языка. Его последнее слово означало цвет. Почему? Что он пытался этим сказать? На улице не прекращался дождь. Потом я снова улыбнулась. Как я могла быть такой душой?

— Пожалуйста. — Она во все глаза смотрела на меня.

— Миссис Бенн, — сказала я. — Ингрид. Мне очень жаль.

— Да.

— Думаю, вам нужно идти.

— Идти?

— Да.

— Но...

— Адам не в состоянии вам помочь.

— Но...

— Возвращайтесь домой, к детям, — сказала я. Я не знала, есть ли у нее дети, но мне она казалась матерью, немного похожей на мою мать.

Она послушно встала и взяла свой плащ.

— Мне очень жаль, — повторила я, вложила ей в руку зонт, и она ушла.

\* \* \*

Когда мы приехали, Грег был пьян. Он слишком бурно обнял меня, потом Адама. Была та же старая компания: Дэниел, Дебора, Клаус, другие альпинисты. Мне пришла в голову мысль, что они похожи на солдат, приехавших домой в отпуск, которые встречаются избранной компанией, так как осознают — гражданским не понять, через что им пришлось пройти. Это промежуточное место и промежуточное время, которое нужно переждать, прежде чем вернуться к настоящей жизни, полной крайнего напряжения и опасностей. Мне было интересно узнать — уже не в первый раз, — что они думают обо мне. Может, я для них просто прихоть вроде тех мимолетных безумных интрижек у отпускных солдат времен Второй мировой?

Атмосфера была по-настоящему веселой. Если Адам казался немного не в своей тарелке, то это могло быть плодом моей сверхчувствительности, и в скором времени он был вовлечен в общий разговор. Но по поводу Грега не было никаких сомнений: он выглядел ужасно. Он кочевал от группы к группе, однако говорил мало и все время наполнял свой стакан. Через какое-то время я оказалась одна рядом с ним.

— Я не ощущаю себя по-настоящему частью клуба, — смущенно проговорила я.

— Я тоже, — сказал Грег. — Слушай. Дождь закончился. Пойдем, я покажу тебе сад Фила и Марджори.

Вечеринка проходила в доме их давнего общего приятеля по экспедициям в горы, который после колледжа забросил это дело и стал работать в Сити. Пока его друзья продолжали, словно бродяги, кочевать по миру, зарабатывая то тут, то там, ища спонсоров, Фил обзавелся этим большим красивым домом, расположенным сразу за Лэдброк-гроув. Мы вышли во двор. Трава была мокрой, и я почувствовала, что ноги у меня замерзли и промокли, хотя на улице было приятно. Мы прошли к низкой стене в дальней части сада и стали смотреть на дом на другой стороне. Я обернулась. В окне на первом этаже я увидела Адама, стоявшего в группе других людей. Раз или два он бросил взгляд на нас. Мы с Грегом отсалютовали ему своими стаканами. Он ответил тем же.

— Мне это нравится, — сказала я. — Мне нравится знать, что сегодня вечером светлее, чем вчера, а завтрашний вечер будет светлее, чем сегодняшней.

— Если бы Адам не стоял там и не смотрел на нас, то у меня было бы такое чувство, словно я целую тебя, Элис, — сказал Грег. — В том смысле, что я как будто тебя целую, но если бы Адам не подсматривал, то я обязательно поцеловал бы.

— Тогда я рада, что он стоит там, Грег, — сказала я. — Посмотри-ка сюда. — Я поднесла руку к его лицу, демонстрируя обручальное кольцо. — Доверие, верность навсегда и так далее.

— Прости, я понимаю. — Грег снова помрачнел. — Ты знаешь о «Титанике»?

— Слышала, — с легкой улыбкой ответила я, понимая, что стою с совершенно пьяным Грегом.

— Знаешь?.. — Он помолчал. — Ты знаешь, что ни один из офицеров, выживших на «Титанике», никогда не получил под командование судно?

— Нет, этого я не знала.

— Невезение, понимаешь ли. Ошибка в расчетах. Что касается капитана, то ему повезло — он ушел на дно с судном. Это капитанам и положено делать. Знаешь, зачем я еду в Штаты?

— Лазить по горам?

— Нет, Элис, — чересчур живо отозвался он. — Нет. Я еду ликвидировать компанию. Вот так. Финита. Линия, начертанная на песке. Буду искать другое направление деятельности. По крайней мере капитан Ахав утащил с собой на дно кита. Люди, о которых я должен был заботиться, погибли, это моя вина, и со мной все кончено.

— Грег, — сказала я, — ты не конченный человек. Я имею в виду, что это была не твоя вина.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

Я посмотрела по сторонам. Адам был по-прежнему наверху. Обезумевшему, теперь еще и пьяному, я должна была все рассказать Грегу, прежде чем он уедет. Я просто обязана была сделать это для него. Возможно, у меня больше никогда не будет такого шанса. «Быть может, — думала я, — я найду в Греге союзника и не буду чувствовать себя такой одинокой, если расскажу ему». Во мне жила сумасшедшая надежда, что он стряхнет с себя это пьяное слезливое настроение и придет ко мне на выручку.

— Ты читал книгу Клауса? — спросила я.

— Нет, — сказал он, поднося к губам стакан с водкой.

— Не нужно, — остановила я его. — Не пей больше. Я хочу, чтобы ты сосредоточился на том, что я сейчас скажу. Тебе должно быть известно, что, когда пропавшую партию на Чунгават доставили в лагерь, один из ее членов был еще жив. Ты помнишь, кто именно?

Лицо Грега закаменело и стало мрачнее тучи.

— Я в тот момент был не совсем в сознании. Это был Питер Папуорт, разве нет? Он просил о помощи, бедняга. О помощи, которую я не сумел оказать.

— Нет, — сказала я. — Это ошибка Клауса. То был не Папуорт. То был Томас Бенн.

— Ну что ж, — сказал Грег. — Тогда мы все были не в лучшей форме. Отсиживались внизу.

— Что было главной чертой Бенна?

— Он был дерьмовый альпинист.

— Нет, ты ведь сам говорил. Он ни слова не говорил по-английски.

— Ну и что?

— Help. Help. Помогите. Вот что все слышали от него, умирающего, впадавшего в кому. Хорошенькое время, чтобы вдруг начать говорить по-английски.

Грег пожал плечами:

— Возможно, он сказал это по-немецки.

— По-немецки будет hilfe. Звучит совсем непохоже.

— Может быть, это был кто-нибудь другой.

— Это не был никто другой. В журнальной статье три человека цитируют его последние слова. Два американца и один австралиец.

— Так почему они сообщили, что слышали это?

— Они сообщили это, потому что ожидали от него услышать именно это слово. Но я сомневаюсь, что он произнес именно его.

— Что же, по-твоему, он сказал?

Я огляделась. Адам по-прежнему оставался в доме. Я махнула ему рукой.

— Думаю, что он сказал gelb.

— Gelb? Что, черт возьми, это значит?

— Это «желтый» по-немецки.

— Желтый? За каким дьяволом ему вспоминать о желтом цвете, находясь при смерти? Может, у него были галлюцинации?

— Нет. Я полагаю, что он думал о том, что его убило.

— Что ты имеешь в виду?

— Цвет маршрутного шнура, по которому двигалась его группа вниз по хребту Близнецы. Не по той стороне хребта Близнецы. По желтому тросу.

Грег начал было говорить, потом замолк. Я наблюдала, как до него медленно доходит смысл сказанного мной.

— Но ведь маршрутный шнур, который вел вниз по хребту Близнецы, был голубым! Это мой маршрут. Они пошли не по той стороне хребта из-за того, что веревку снесло с маршрута. Потому что я плохо закрепил ее.

— Не думаю, — сказала я. — Мне кажется, два верхних крюка на твоей линии вырвало потому, что кто-то этому помог. И я думаю, что Франсуаза, Питер, Кэрри, Томас и еще один... как его звали?

— Алексис, — пробормотал Грег.

— Все они пошли по другому отрогу, потому что их туда вел маршрутный шнур. Желтый шнур.

Грег выглядел сбитым с толку, больным.

— Как туда мог попасть желтый шнур?

— Его натянули, чтобы увести группу в другом направлении.

— Но кто?

Я обернулась и еще раз посмотрела на окно. Адам взглянул вниз на нас, потом снова повернулся к женщине, с которой беседовал.

— Могла произойти ошибка, — сказал Грег.

— Никакой ошибки быть не могло, — медленно проговорила я.

Повисла долгая, долгая тишина. Несколько раз Грег поднимал на меня глаза, потом опять отводил взгляд в сторону. Он вдруг опустился на влажную землю под куст, который качнулся, и на нас посыпались капли воды. Он сотрясаясь в судорогах

и беспомощно всхлипывал.

— Грег, — прошипела я, — соберись же.

Он рыдал и рыдал.

— Я не могу. Не могу.

Я наклонилась, схватила его и встряхнула.

— Грег, Грег. — Я заставила его подняться на ноги. Его лицо было красным и все в слезах. — Ты должен мне помочь, Грег. У меня больше никого нет. Я одна.

— Я не могу. Не могу. Проклятый ублюдок. Я не могу. Где моя выпивка?

— Ты выплеснул ее.

— Мне нужно выпить.

— Нет.

— Мне нужно выпить.

Грег неверным шагом прошел через сад в дом. Я минуту подождала. От учащенного дыхания вздымалась грудь. Потребовалось несколько минут, чтобы немного успокоиться. Теперь я должна была вернуться в дом и выглядеть так, словно ничего не произошло. В ту минуту, как я вступила на порог кухни на цокольном этаже, раздался страшный грохот, потом наверху послышались крики, звон разбивающегося стекла. Я побежала по каменным ступеням наверх. В передней был полный разгром, по полу катались дерущиеся люди. Мебель была перевернута, шторы сорваны. Раздавались крики и стоны. Сначала я не могла даже разобрать, кто участвует в свалке, потом увидела Грега, которого оттаскивали от другого человека. Это был Адам, он зажимал руками лицо. Я подбежала к нему.

— Ты проклятый ублюдок, — кричал Грег. — Ублюдок! — Он, как сумасшедший, выбежал из комнаты. Дверь на улицу громко хлопнула. Он ушел.

На лицах у всех находившихся в комнате читалось недоверие. Я взглянула на Адама. У него на скуле была глубокая царапина. Глаз уже заплывал. Он смотрел на меня.

— Ах, Адам! — вскрикнула я и бросилась к нему.

— В чем дело? — послышался чей-то голос. Это была Дебора. — Элис, вы с ним разговаривали. Что на него нашло?

Я оглядела лица друзей, коллег, товарищей Адама, все ждали, сбитые с толку, рассерженные внезапным нападением. Я пожала плечами.

— Он был пьян, — сказала я. — Видно, у него произошел душевный надлом. До него наконец дошло все сразу. — И повернулась к Адаму. — Дай я промою тебе рану, любовь моя.

## Глава 36

Этот бассейн был таким же, как те, куда я ходила в детстве, — выложенный зеленой плиткой, со старыми заплатками и пучочками волос, плавающими возле дна; надписи, требующие не бегать, не нырять, не курить и не шалить, порванные флаги, свисающие под моргающими лампами дневного освещения, мрачные кабинки. В общей раздевалке можно было увидеть женщин всех форм и размеров. Это напоминало картинку из детской книжки, иллюстрирующую разнообразие человеческих типов: обвисшие зады; покрытые сеткой вен, обвисшие груди; ребра, которые легко пересчитать, и костлявые плечи. Прежде чем надевать купальник, я взглянула на себя в тусклое зеркало и опять с тревогой заметила, что выгляжу очень нездоровой. Почему раньше я не обращала на это внимания? Потом натянула шапочку я плавательные очки, которые оказались настолько тесными, что у меня выпучились глаза, и прошла к бассейну. Пятьдесят раз туда и обратно — столько я собиралась проплыть.

Я не плавала уже несколько месяцев. В ногах, которыми я по-лягушачьи

отталкивалась в бросе или била, когда плыла кролем, ощущалась тяжесть. Грудь болела. Вода забралась под очки и щипала глаза. Плывший на спине мужчина, который вращал руками, словно циркулярная пила, больно ударил меня по животу и на меня же накричал. Я плавала, считая про себя, и смотрела на зеленую воду сквозь очки. Это было скучно: туда — сюда, туда — сюда. Теперь я вспомнила, почему бросила занятия плаванием. Но примерно через двадцать раз я начала входить в ритм, который стал действовать почти успокаивающе. Вместо того чтобы отдуваться и считать, я стала думать. Уже не лихорадочно, а неспешно. Я понимала, что нахожусь в страшной опасности и что никто не придет мне на помощь. Грег был моим последним шансом. Теперь я могла рассчитывать только на себя. С каждым гребком я ощущала ломоту в мышцах рук.

Это могло показаться абсурдом, но я все же была спокойна. Предоставленная самой себе, я в первый раз за многие месяцы чувствовала, что опять стала собой. После всех этих страстей, ярости, страха, головокружительной бесконтрольности я снова могла здраво мыслить, будто вышла из лихорадочного забытья. Я была Элис Лаудон. Я потерялась и вот теперь нашлась. Сорок два, сорок три, сорок четыре. Неторопливо двигаясь в бассейне и избегая плывущих кролем мужчин, я выработала план. Припухлости у меня на плечах стали спадать.

В раздевалке я быстро растерлась полотенцем, аккуратно, чтобы не замочить одежду, оделась и подкрасилась перед зеркалом. Рядом со мной еще одна посетительница бассейна подводила глаза. Мы улыбнулись друг другу — две женщины, вооружавшиеся против внешнего мира. Я высушила феном волосы и гладко зачесала назад, чтобы на лицо не упала ни одна прядка. В скором времени я собиралась их остричь, стать новой Элис. Адаму нравились мои волосы: он иногда зарывался в них, словно тонул. Это было, казалось, так давно — вся эта восторженная изматывающая тьма. Я подстригу их у парикмахера, чтобы не таскать с собой эту вызывающую, возбуждающую желание тяжесть.

Я не сразу пошла на работу, а отправилась в расположенный неподалеку от бассейна итальянский ресторан, где заказала бокал красного вина, бутылку газированной воды и салат из морепродуктов с чесночным хлебом. Потом вытащила лист писчей бумаги, которую купила утром, и ручку. В верхней части листа я написала крупными буквами: «ДЛЯ ТОГО, КОГО ЭТО МОЖЕТ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ» — и дважды подчеркнула. Принесли мое вино, и я стала пить его мелкими глотками. Сейчас мне нужна была ясная голова. «Если меня найдут мертвой, — написала я, — или я бесследно исчезну, это будет означать, что я убита моим мужем, Адамом Таллисом».

Принесли салат из морепродуктов и чесночный хлеб, официант по своей инициативе намолот на огромной мельнице черного перца и обильно посыпал им мою еду. Я подцепила похожий на резинку кружок кальмара и отправила его в рот, прожевала и запила.

Я изложила все, что мне было известно, убористым почерком и в самой убедительной форме, на какую была способна. Я объяснила смерть Адели, отметив, что ее последнее письмо к Адаму, написанное непосредственно перед исчезновением, находится у меня в ящике комода под нижним бельем. Потом я рассказала о сестре Адели, Таре, которая преследовала Адама и была выловлена в канале в восточном Лондоне. Я даже описала убийство Шерпы. Странно, но именно смерть кота, а не женщин заставила меня ясно осознать размеры опасности, грозящей лично мне. Я вспомнила его, лежавшего в ванне с распоротым животом. Внутри у меня все сжалось. Я откусила кусочек хрустящего хлеба и сделала глоток вина, чтобы успокоить нервы. Потом проанализировала то, что случилось в горах с Франсуазой. Я рассказала о том, как Франсуаза отвергла Адама, о совершенно безопасной системе Грега, о предсмертных словах немца. Максимально подробно

восстановила схему из журнала со всеми указательными стрелками и пунктирными линиями. Написала адрес Грегга и сообщила, что все, что я здесь пишу, он может подтвердить.

На отдельном листе я в общих словах составила завещание. Я оставляла все деньги родителям, драгоценности — ребенку Полин, если это будет девочка, или самой Полин, если у нее родится мальчик. Я оставляла Джейку две свои картины и брату — мои немногочисленные книги. Вот так. Мне особо и нечего было завещать. Я подумала о тех, кто наследует мое имущество, правда, как-то отстраненно. Когда я вспомнила свою жизнь с Джейком, то не ощутила никакого сожаления. Просто все казалось очень далеким — другой мир, другая я. И мне не хотелось возвращаться в прежний мир даже сейчас. Я не знала, чего хочу. Я была не в состоянии смотреть вперед, в будущее — может, потому, что не смела этого делать. Я оказалась заперта в страшном настоящем, и теперь существовали только шаги наугад, на ощупь, когда пробираешься сквозь опасность. Мне не хотелось умирать.

Я свернула документы, запечатала в конверт и положила в сумочку. Потом покончила с ленчем, неспешно пережевывая еду, и допила вино. Затем я заказала кусок лимонного пирога, который оказался довольно жирным и терпким, и двойной эспрессо. Расплатившись, я достала свой новый мобильник, позвонила Клаудии и сообщила, что задерживаюсь и буду в офисе только через час. Если позвонит Адам, пусть скажет ему, что у меня встреча. Выйдя из ресторана, поймала такси.

У Сильвии была встреча с клиентом, и ее помощница сказала, что она будет очень занята весь остаток дня.

— Передайте ей, пожалуйста, что это Элис по совершенно неотложному делу и что мне понадобится всего несколько минут.

Я подождала в холле, просматривая прошлогодние дамские журналы с рецептами — как похудеть, как добиться множественных оргазмов и как испечь морковный торт. Минут через двадцать из кабинета Сильвии вышла женщина с красными глазами, а я вошла.

— Элис. — Она обняла меня, потом немного отстранилась. — Ты стала ужасно костлявой. Прости, что заставила тебя ждать. Я вынуждена была с самого ленча сидеть с истеричной разведенкой.

— Я тебя не задержу надолго, — сказала я. — Понимаю, что ты жутко занята. Хочу попросить об одолжении. Очень простом.

— Конечно, говори. Как поживает твой великолепный муж?

— Именно поэтому я здесь, — сказала я и села напротив нее, между нами был огромный, заваленный бумагами стол.

— С ним что-нибудь случилось?

— В некотором роде.

— Ты же не собираешься подавать на развод, не правда ли?

У нее в глазах загорелось какое-то хищное любопытство.

— Прошу всего лишь об одном одолжении. Я хочу, чтобы ты кое-что сохранила для меня. — Я вытащила из сумочки запечатанный конверт и толкнула его по столу в ее сторону. — И еще. Понимаю, что это звучит слишком театрально, но если меня найдут мертвой или я исчезну, прошу — передай это в полицию.

Я почувствовала растерянность. В комнате повисла абсолютная тишина. Сильвия сидела с открытым ртом, на ее лице застыло изумленное выражение.

— Элис, дорогая, это шутка?

— Нет. Тебя это не затруднит?

У нее на столе зазвонил телефон, но она не стала снимать трубку, и мы обе ждали, когда звонки прекратятся.

— Нет, — рассеянно проговорила она. — Думаю, что нет.

— Хорошо. — Я встала и взяла сумочку. — Передавай привет всей компании.

Скажи, что я скучаю по ним. Что мне всегда их не хватало, хотя я сама сначала этого не понимала.

Сильвия осталась сидеть и не отрываясь смотрела на меня. Когда я подошла к двери, она вскочила и кинулась за мной. Положила руку мне на плечо.

— Элис, что случилось?

— Прости, Сильвия. — Я поцеловала ее в щеку. — Может, как-нибудь в другой раз. Береги себя. И спасибо, что была мне подругой. Это придает сил.

— Элис, — беспомощно повторила она. Но я уже была за дверью.

К четырем я вернулась на работу. Час провела, давая указания отделу маркетинга, еще полчаса проспорила с бухгалтерами по поводу моего будущего бюджета. Под конец они сдались, так как я не собиралась отступать. Я поковырялась в бумагах на столе и ушла с работы раньше обычного. Адам, как я и предполагала, ждал меня. Он не читал газету, не глазел по сторонам и не поглядывал на часы; он стоял совершенно неподвижно, весь внимание, и не спускал глаз с вертящихся дверей. Возможно, он уже целый час так стоял.

Увидев меня, он не улыбнулся, но взял мою сумку, потом обнял за талию и посмотрел в глаза.

— От тебя пахнет хлоркой.

— Я ходила в бассейн.

— И духами.

— Ты их мне подарил.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, любовь моя. Такая свежая и красивая. Не могу поверить, что ты моя жена.

Он крепко поцеловал меня, я ответила и прижалась к нему. Было ощущение, что мое тело сделано из какой-то инертной твердой субстанции, которую больше никогда не охватит трепет желания. Я закрыла глаза, не в силах вынести его пристального взгляда. Что он мог увидеть? Что ему известно?

— Хочу вытащить тебя на обед сегодня вечером, — сказал он. — Но сначала мы поедем домой, где я смогу трахнуть тебя.

— Ты все это придумал заранее, — сказала я, податливая и улыбающаяся в тесном кольце его рук.

— Да. Все до последней детали, моя Элис.

## Глава 37

Я не стала протестовать, когда он взял мою упаковку с пилюлями и одну за другой вытряс в унитаз маленькие желтые таблетки. Если бы кто-нибудь шесть месяцев назад сказал, что я позволю своему любовнику — мужу — без моего согласия спустить в унитаз мои противозачаточные таблетки, я рассмеялась бы этому человеку в лицо. Адам вытряс из упаковки последнюю таблетку, потом взял меня за руку и молча повел в спальню. Когда мы занимались любовью, он был очень нежным и просил меня все время смотреть ему в глаза. Я не протестовала. Но мой мозг все время был занят яростными расчетами. Возможно, он не знает, что эффект от пилюль сохраняется в течение какого-то времени, и к тому моменту я миную это месячное окно возможностей. Я догадывалась, что по крайней мере ближайшие две недели не забеременею. У меня было время. И все же я чувствовала, что он высаживает в меня ребенка, а я просто лежу на спине и принимаю его без всякой попытки протестовать. Это заставило меня понять, насколько мало я задумывалась о судьбе старых жен или партнерш алкоголиков. Катастрофа надвигается, приливная волна вот-вот накатит на пляж, где отдыхают люди. К тому моменту, когда ее видишь, ты уже не в силах с ней бороться или сопротивляться ей, и она поднимает тебя и уносит на своем гребне. Полагаю, однако, что я слабо представляла себе многие



вещи. Большую часть жизни трагедии обходили меня стороной, и я не задумывалась должным образом о том, как живут и страдают другие.

Когда я всматривалась в события последних нескольких месяцев, каждый раз ощущала стыд за то, с какой легкостью отринула прежнюю, любимую жизнь: семью, друзей, свои интересы, свое мировосприятие. Джейк обвинил меня в том, что я сожгла мосты, и это придало моему поведению ореол безоглядности и возвышенности. Но ведь я отвергла еще и людей. Теперь мне нужно было привести в порядок свои дела или по крайней мере сделать жест примирения в адрес тех, кого мое поведение, быть может, заставило страдать. Я написала письмо родителям, говоря, что понимаю, что давно с ними не виделась, но они всегда должны помнить, что я их очень люблю. Отправила открытку брату, к которому последний раз ездила год назад, постаравшись быть жизнерадостной и любящей. Я позвонила Полин и оставила на автоответчике сообщение, где интересовалась ходом беременности, говорила, что хотела бы в ближайшее время повидаться с ней, и сообщала, что соскучилась. Я послала запоздалую карточку Клайву — поздравление с днем рождения. И, собравшись с духом, позвонила Майку. Он казался скорее подавленным, чем обиженным, но мой звонок вроде бы не был ему неприятен. Он собирался на следующий день ехать в отпуск с женой и младшим сыном в Бретань, это был его первый отпуск за многие годы. Я прощалась со всеми, но они об этом не знали.

Я решительно разрушила свой прежний мир и теперь пыталась спланировать, как обрушить и свой новый мир, чтобы получить возможность из него сбежать. Бывали еще времена — с каждым проходящим днем все реже, — когда мне казалось невозможным поверить, что все это происходит со мной. Я замужем за убийцей, красивым голубоглазым убийцей. Если он когда-нибудь узнает о том, что мне все известно, то убьет и меня, в этом сомнений не было. Если я попытаюсь скрыться, то он тоже убьет меня. Найдет и убьет.

В тот вечер я приготовилась пойти на лекцию, где докладчик рассматривал новые данные о зависимости между лечением бесплодия и раком яичника: отчасти потому, что тема была отдаленно связана с моей работой, отчасти потому, что с ней выступал мой знакомый, но главным образом для того, чтобы побыть вдали от Адама. Он будет ждать меня снаружи и, конечно, я не смогу противиться тому, чтобы муж пошел со мной, если он будет на этом настаивать. Но на сей раз мы вместе будем находиться в моем мире, в мире убедительных научных поисков, эмпиризма и временной безопасности.

Адам не ждал меня на улице. Мое облегчение было так велико, что походило на возбуждение. У меня мгновенно стала легче походка, прояснилось в голове. Все выглядело по-иному, когда он не стоял, ожидая моего появления в дверях и глядя на меня напряженным, задумчивым взглядом, который для меня теперь стал загадкой. Что это, ненависть или любовь, страсть или намерение убить? Эти пары всегда были тесно связаны с Адамом, и снова мне вспомнилась — с дрожью настоящего отвращения, смешанного со жгучим стыдом, — жестокость нашей брачной ночи в Лэйк-дистрикт. Я почувствовала, что нахожусь в ловушке долгого серого утра следующего дня.

Я прошла пешком до лекционного зала, что заняло у меня четверть часа, и, когда завернула за угол, чтобы подойти к зданию, увидела его. Он стоял у входа с букетом желтых роз. Женщины, проходя мимо, с воодушевлением посматривали на него, но он, казалось, этого не замечал. Его глаза искали только меня. Он ждал меня, но с другой стороны. Я остановилась и юркнула в ближайшую дверь, так как к горлу подступила волна тошноты. Мне никогда от него не скрыться: он всегда на шаг опережал меня, всегда ждал, всегда прикасался и прижимал к себе, не отпускал ни на минуту. С меня его было достаточно. Я подождала, пока не уляжется паника, затем осторожно, чтобы он не увидел, повернулась, побежала вниз по улице и

свернула за угол. Там я махнула такси.

— Куда едем, дорогуша?

Куда? Куда я могла ехать? Я не могла убежать от него — ведь тогда он поймет, что я все знаю. Я пожала плечами, ощутив опустошающее поражение, и попросила водителя отвезти меня домой. В тюрьму. Я понимала, что долго так не выдержу. Ужас, который меня охватил при виде Адама, был практически осязаемым. Сколько еще я могу притворяться, что люблю его, что блаженствую, когда он меня ласкает, что вовсе не испугана? Мое тело бунтовало. Но я не знала, что делать.

Когда я вошла в дверь, зазвонил телефон.

— Алло.

— Элис? — Это была Сильвия, и ее голос звучал взволнованно. — Не думала, что застану тебя.

— Так почему звонишь?

— На самом деле я хотела поговорить с Адамом. Мне немного неловко.

Я вдруг почувствовала, что мои ноги стали холодными и мягкими, словно я вот-вот упаду в обморок.

— С Адамом? — спросила я. — С чего это тебе захотелось поговорить с Адамом, Сильвия?

На другом конце провода замолчали.

— Сильвия?

— Да. Слушай, я не собиралась рассказывать тебе, в смысле он хотел поговорить с тобой, но раз уж так случилось, то ладно. — Я услышала, как она затягивается сигаретой. Потом она заговорила: — Дело в том, что ты подумаешь, что это акт предательства, но однажды ты поймешь, что я действовала из дружеских побуждений: я прочитала письмо. А потом показала его Адаму. Я имею в виду, что он как гром среди ясного неба появился у меня дома, и я не знала, что делать, но я показала ему письмо, так как думала, что у тебя нервное расстройство или что-то в этом роде, Элис. То, что ты написала, — просто безумие, ты бредишь. Ты должна это понимать, конечно, должна. Я не знала, как быть, и показала это Адаму. Алло, Элис, ты слушаешь?

— Адаму. — Я не узнала собственного голоса, он был бесцветным, безжизненным. Я лихорадочно думала: больше нет времени. Время кончилось.

— Да, он держался великолепно, просто великолепно. Конечно, ему было обидно, Боже, так обидно. Он плакал, когда читал письмо, и снова и снова повторял твое имя. Но он не винит тебя, ты должна это понять, Элис. И еще, видишь ли, он опасался, что ты сотворишь какую-нибудь глупость. Это последнее, что он мне сказал. Он сказал, что в состоянии, в котором ты пребываешь, ты способна причинить себе вред.

— Ты хоть понимаешь, что наделала?

— Но слушай, Элис...

Я положила трубку, чтобы не слышать ее умоляющего голоса, и несколько секунд, словно в параличе, не могла сдвинуться с места. Комната казалась очень холодной и тихой. Был слышен каждый звук, скрип половицы, когда я переминалась на месте, бормотание воды в трубах, легкие вздохи ветра за окном. Вот оно. Еще до того, как меня нашли мертвой, Адам выразил опасение, что я способна причинить себе вред. Я бросилась в спальню, открыла комод, где прятала письмо Адели и записку Адама самому себе. И то и другое пропало. Я побежала к входной двери и тут услышала его шаги, пока далекие, в самом низу длинного лестничного марша.

Из ловушки не было выхода. Наша квартира находилась на самом верху. Я огляделась, зная, что других выходов нет, что спрятаться негде. Подумала было о том, чтобы позвонить в полицию, но я не успела бы даже набрать номер. Я вбежала в ванную комнату и открыла душ так, чтобы вода с шумом текла на плитки пола. Потом

аккуратно задвинула душевую занавеску и, оставив дверь в ванную немного приоткрытой, со всех ног бросилась в гостиную, схватила ключи и нырнула в тесную кухню, где встала за дверью, за которой едва ли можно было скрыться. Журнал «Гай» лежал на разделочном столике на расстоянии вытянутой руки. Я взяла его. Хоть что-то.

Он вошел в квартиру и запер за собой дверь. Сердце у меня в груди бешено колотилось, оно гроыхало так, что мне не верилось, что он ничего не слышит. Вдруг мне вспомнилось: у него букет цветов. Он сначала пройдет на кухню, чтобы поставить их в воду. О Боже, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Мое дыхание превратилось в хриплые всхлипы, в груди заломило. У меня вырвалось короткое рыдание. Я не могла с ним справиться.

Но потом каким-то чудесным образом страх исчез и вместо него появилось своего рода любопытство, словно я была посторонним наблюдателем собственной катастрофы. Считается, что перед внутренним взором утопающего мгновенно проносится вся его жизнь. В несколько секунд ожидания у меня в мозгу промелькнули картины нашей совместной жизни с Адамом; такое на самом деле короткое время, которое, однако, перекрыло собой все, что было прежде. Я смотрела, словно наблюдала за собой: тут первый взгляд через переполненную машинами улицу; первое занятие любовью, настолько лихорадочное, что теперь оно казалось почти комичным; день нашей свадьбы, когда я была так счастлива, что хотела умереть. Потом я увидела Адама с поднятой рукой; Адама с ремнем в руке; Адама, сжимавшего руками мою шею. Все образы сходились к настоящему моменту: к тому моменту, который ждет впереди, когда я увижу, как Адам меня убивает. Но страха больше не было. Я чувствовала себя почти умиротворенной. Я так давно не чувствовала себя умиротворенной.

Я услышала, как он идет через комнату. Мимо кухни. В сторону ванной, где шумел душ. Я приготовилась, ухватившись за новый замок, и напряглась всем телом.

— Элис, — позвал он. — Элис.

Сейчас. Я выскочила из кухни в прихожую и отперла дверь.

— Элис!

Вот и он, быстро идет ко мне, прижимая к груди желтые розы. Я увидела его лицо, великолепное лицо убийцы.

Я захлопнула дверь, вставила в скважину тяжелый ключ и стала лихорадочно его проворачивать. Ну, давай, пожалуйста, скорее. Замок щелкнул, я вытащила ключ и, не разбирая дороги, кинулась к лестнице. За спиной я услышала, как он барабанит в дверь. Он силен, о, Боже, он достаточно силен, чтобы выломать ее. Он с легкостью проделал это, когда вламывался в собственную квартиру, чтобы убить Шерпу.

Я неслась по лестнице, перепрыгивая через две ступени. В какой-то момент меня подвели колени, и я подвернула ногу. Но он не преследовал меня. Грохот за дверью становился все тише. Новый замок держал. Если мне удастся все это пережить, то у меня будет хоть немного горького удовлетворения от того, что он сам приготовил себе ловушку, когда сломал дверь, чтобы убить нашего кота.

Вот я и на мостовой. Я понеслась в сторону центральной улицы и, только добежав до нее, быстро повернула голову, чтобы посмотреть, не видно ли его. Не он ли это вдалеке? Я пробиралась через проезжую часть, лавируя между машинами, обегая велосипеды. Увидела злое лицо водителя, когда он выворачивал руль, чтобы не наехать на меня. У меня резко закололо в боку, но я не останавливалась. Если он догонит меня, я, конечно, стану кричать и выть, но все сочтут меня просто сумасшедшей. Ни один человек ни в коем случае не станет вмешиваться в домашний скандал. Мне показалось, что кто-то выкрикнул мое имя, но, может, это была всего лишь игра моего мятущегося воображения.

Я знала, куда направляюсь. Это находилось неподалеку. Еще несколько ярдов.

Если бы только успеть. Я увидела синий свет, несколько автобусов, припаркованных во дворе. Я собрала последние силы, вбежала в дверь и резко, до неприличия резко остановилась у стойки, из-за которой на меня смотрело скучающее лицо полицейского.

— Да? — вяло сказал он и взял ручку, а я рассмеялась.

## Глава 38

Я сидела в коридоре, ждала и наблюдала. Я видела все словно через перевернутую подзорную трубу. Далеко-далеко люди в форме и без формы сновали взад-вперед, трещали телефоны. Я не уверена, что ожидала увидеть в полицейском участке восточного Лондона: может быть, сутенеров, проституток и прочие отбросы общества, которые стаскивали сюда, как живописали авторы детективов; возможно, ожидала, что и меня будут обрабатывать в комнате с прозрачным зеркалом поочередно то хороший, то плохой полицейские... Но я не могла представить, что буду бесцельно сидеть на пластмассовом стуле в коридоре, словно меня привели в отдел несчастных случаев с раной, которую не сочли достаточно серьезной, чтобы оказать срочную помощь.

В нормальных обстоятельствах меня бы заинтриговал вид трагедий других людей, но сейчас меня все это совершенно не интересовало. Я размышляла о том, что думает и делает Адам за этими стенами. Мне нужно было выработать план. Почти наверняка всякий, кто будет со мной разговаривать, сочтет меня сумасшедшей и выбросит назад в страшный мир, находящийся за плексигласовой перегородкой приемной участка. У меня было неприятное чувство, что обвинение собственного мужа в семи убийствах в семь раз менее убедительно, нежели обвинение всего в одном, которое само по себе представляется довольно невероятным.

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы кто-нибудь по-отцовски или по-матерински сказал, что верит мне, что займется всем этим и что все мои беды закончились. На это не было ни единого шанса. Контролировать ситуацию должна была я сама. Мне припомнилось, как когда-то, будучи несовершеннолетней, я пришла домой пьяная после вечеринки и пыталась казаться трезвой. Однако я с таким невероятным трудом обходила диван и кресла, чтобы не наткнуться на них, изображала такую трезвость, что мать тут же спросила, что со мной. Видимо, от меня еще и разило детским слабоалкогольным шампанским. Сегодня мне нужно было выступить куда более искусно. Мне нужно было убедить всех. Ведь убедила же я Грега, как трудно ни было. Не важно, поверят ли они мне до конца. Главное — заинтриговать их настолько, чтобы они сочли: здесь есть что расследовать. Я не должна возвращаться в тот мир, где меня поджидает Адам.

Впервые за многие годы я страшно нуждалась в присутствии матери и отца. Не таких, какими они были сейчас — пожилыми и неуверенными в себе, закомплексованными в своем неодобрении всего происходящего и решительно закрывающими глаза на горечь и ужасы окружающего их мира. Нет, я хотела, чтобы они были такими, какими я представляла их в детстве, еще до того, как научилась им не верить: высокими, уверенными людьми, которые рассказывали мне, что правильно, а что нет, защищали меня от неприятностей, направляли по жизни. Я вспомнила мать, сидящую в большом кресле у окна и пришивающую на рубашки пуговицы, то, какой бесконечно умелой и надежной она казалась. Отца, разделывающего мясо в воскресный день, очень сосредоточенно нарезающего тонкие розовые куски говядины. И увидела себя, сидящую между ними, растущую под их крылом. Как та девочка в передничке и гольфиках могла превратиться в меня, в женщину, которая сидела в полицейском участке и тряслась за собственную жизнь? Мне захотелось снова стать девочкой, которой ничто не угрожало.

Женщина-офицер, которая меня привела, вернулась с мужчиной среднего возраста в рубашке с засученными рукавами. Она была похожа на школьницу, приведшую рассерженного завуча. Я подумала, что она обыскала весь офис, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто не висит на телефоне или не погружен в заполнение бумаг, и этот человек согласился на секунду выйти в коридор, чтобы постараться меня выгнать. Он взглянул на меня сверху вниз. Мне захотелось встать. Он немного напоминал отца, и от этого у меня на глаза навернулись слезы. Я яростно смахнула их. Главное — казаться спокойной.

— Мисс?..

— Лаудон, — сказала я. — Элис Лаудон.

— Как я понимаю, у вас есть что сообщить, — сказал он.

— Да, — подтвердила я.

— Итак?

Я огляделась по сторонам.

— Мы будем беседовать прямо здесь?

Мужчина нахмурился:

— Простите, милочка, но у нас в настоящее время проблемы с помещениями. Прошу вас с этим смириться.

— Хорошо, — сказала я. Сжала пальцы в кулаки и устроила их на коленях, чтобы он не увидел, как дрожат руки, прокашлялась и постаралась, чтобы мой голос звучал твердо. — Несколько недель назад некую женщину по имени Тара Бланшар обнаружили убитой в канале. Вы слышали об этом? — Детектив покачал головой. Мимо нас проходили люди, но я продолжала: — Я знаю, кто ее убил.

Мужчина движением руки остановил меня:

— Подождите, моя дорогая. Лучше я пойду и выясню, какой участок занимается этим делом, позвоню им, а вы сможете сходить туда поболтать. Хорошо?

— Нет, не хорошо. Я пришла сюда, потому что мне грозит опасность. Человек, который убил Тару Бланшар, мой муж.

Я ожидала, что это заявление вызовет какую-нибудь реакцию с его стороны, хотя бы недоверчивый смех, но ничего не произошло.

— Ваш муж? — повторил детектив, переведя взгляд на женщину-офицера. — И почему вы так думаете?

— Полагаю, что Тара Бланшар шантажировала или по крайней мере преследовала моего мужа, поэтому он ее убил.

— Преследовала его?

— У нас постоянно раздавались телефонные звонки поздно ночью, рано утром — в трубке молчали. И еще были записки с угрозами.

Его лицо было совершенно невозмутимым. Он вообще собирается хотя бы попытаться осмыслить то, что я рассказываю? Едва ли. Я огляделась. Мой рассказ показался бы более убедительным, если бы мы беседовали в более официальной обстановке.

— Простите, мистер... Я не знаю вашего имени.

— Бирн. Инспектор Бирн.

— А не могли бы мы поговорить в более подходящей обстановке? Беседовать в коридоре кажется немного странным.

Он устало вздохнул, демонстрируя нетерпение.

— Свободных кабинетов нет, — сообщил он. — Можете пройти и сесть за мой стол, если сочтете, что так лучше.

Я кивнула, и Бирн повел меня к себе. По пути он налил мне кофе. Я приняла стаканчик, хотя совсем не хотела пить. Я была готова на что угодно, лишь бы между нами установилось хоть подобие доверительных отношений.

— Итак, вы помните, на чем мы остановились? — спросил он, усаживаясь за

стол напротив меня.

— Мы получали записки с угрозами.

— От убитой женщины?

— Да, от Тары Бланшар.

— Она их подписывала?

— Нет, но после ее смерти я сходила к ней на квартиру и нашла в мусоре газетные статьи о моем муже.

Бирн выглядел удивленным, если не сказать встревоженным.

— Вы рылись в ее мусоре?

— Да.

— Что это были за статьи?

— Мой муж — его имя Адам Таллис — известный альпинист. Он оказался участником ужасной трагедии, которая приключилась в прошлом году в Гималаях, тогда погибли пять человек. Он своего рода герой. Как бы там ни было, дело в том, что мы получили еще одну записку уже после того, как Тара Бланшар умерла. И не только это. Последняя записка была связана с проникновением в нашу квартиру. Был убит наш кот.

— Вы заявляли о взломе?

— Да. Приходили два офицера из этого участка.

— Так, уже что-то, — устало проговорил Бирн, а потом добавил словно невзначай: — Но если это произошло после того, как женщина умерла...

— Именно, — сказала я. — Такого быть не могло. Но несколько дней назад я убирала квартиру и под письменным столом нашла порванный конверт. На нем Адам явно тренировался, прежде чем написать записку, которая была оставлена в последний раз.

— И что?

— А то, что Адам пытался ликвидировать любую возможную связь между записками и этой женщиной.

— Могу я увидеть эту записку?

Этого момента я и боялась.

— Адам догадался, что я его подозреваю. Когда я сегодня вернулась в квартиру, бумаги не было на месте.

— Как он смог догадаться?

— Я обо всем написала в письме, запечатала в конверт и отдала своей подруге на тот случай, если со мной что-нибудь случится. Но она прочла. И передала Адаму.

Бирн слегка улыбнулся, но тут же подавил улыбку.

— Может, она действовала из лучших побуждений, — сказал он. — Хотела помочь.

— Уверена, что она хотела помочь. Но этим она не помогла. Она подвергла меня опасности.

— Дело в том, э-э... миссис...

— Элис Лаудон.

— Дело в том, что обвинение в убийстве — очень серьезная вещь. — Он говорил так, словно рассказывал о безопасности дорожного движения ученице начальных классов. — И так как это серьезное дело, необходимы доказательства, а не просто подозрения. У людей часто возникают подозрения в отношении их знакомых. Они подозревают их в преступлениях, когда ссорятся. Лучше всего уладить имеющиеся расхождения.

Я ощущала, как он ускользает от меня. Я должна была продолжать.

— Вы не дали мне закончить. Причина преследований со стороны заключалась, как я уверена, в том, что она подозревала Адама в убийстве своей сестры Адели.

— В убийстве ее сестры?

Бирн недоверчиво поднял бровь. Все хуже и хуже. Я положила руки на крышку стола, чтобы избавиться от ощущения, что земля уходит у меня из-под ног; попыталась не думать о том, что Адам ждет меня за стенами полицейского участка. Он будет спокойно стоять там, не спуская голубых глаз с двери, через которую я выйду. Я знала, как он выглядит, когда дожидается того, что ему нужно: спокойный, абсолютно сосредоточенный.

— Адель Бланшар была замужем и жила в Коррике. Это деревня в Мидлендсе, совсем недалеко от Бирмингема. Она и ее муж были путешественниками, альпинистами и входили в круг друзей Адама. У нее был роман с Адамом, но она порвала с ним в январе девяностого. Две недели спустя Адель бесследно пропала.

— И вы думаете, что ваш муж ее убил?

— Тогда он не был моим мужем. Мы познакомились только в этом году.

— Есть ли какие-нибудь причины полагать, что он убил эту женщину?

— Адель Бланшар отвергла Адама и умерла. У него была длительная связь с еще одной девушкой. Она была врачом и альпинисткой, ее звали Франсуаза Коле.

— И где же она? — спросил Бирн с легкой насмешкой.

— Погибла в горах Непала в прошлом году.

— Полагаю, что ваш муж убил и ее?

— Да.

— О Боже.

— Подождите, дайте мне рассказать, как было дело. — Теперь он уже считал меня ненормальной.

— Миссис... э-э... я очень занят. У меня... — Он неопределенно указал на пачки бумаг, сваленных на столе.

— Послушайте, я понимаю, что это непросто, — быстро проговорила я, стараясь подавить нарастающую панику, которая, словно наводнение, была готова захлестнуть меня всю. Я начала всхлипывать. — Я благодарна, что вы согласились выслушать меня. Если вы дадите мне еще несколько минут, я смогу все рассказать по порядку. После этого, если вам будет угодно, просто уйду и забуду обо всем.

У него на лице появилось явное облегчение. Это, видимо, была самая здравая мысль из всех, которые я высказала с момента появления в участке.

— Ладно, — проворчал он. — Только коротко.

— Обещаю, — сказала я, но, конечно же, рассказать коротко я не могла. У меня с собой был журнал, и со всеми вопросами, повторами и объяснениями разговор длился почти час. Я изложила ему детали экспедиции, ее подготовки, связанной с цветными шнурами, рассказала о не говорящем по-английски Томасе Бенне, вызванном бурей хаоса, неоднократных подъемах и спусках Адама, в то время как Грег и Клод оказались выведенными из строя. Я говорила и говорила, пытаюсь отсрочить свой смертный приговор. Пока он будет слушать, я буду жива. Когда я выкладывала ему последние детали, все чаще замолкая, на лице Бирна появилась медленная улыбка. Наконец мне удалось привлечь его внимание. — Значит, — сказала я в конце, — единственное возможное объяснение заключается в том, что Адам специально подстроил, чтобы группа, в которой находилась Франсуаза, спускалась не по тому отрогу Близнецов.

Бирн широко улыбнулся:

— Gelb? Говорите, по-немецки, это означает «желтый».

— Совершенно верно, — сказала я.

— Это хорошо, — сказал он. — Отдаю вам должное. Это хорошо.

— Значит, вы мне верите?

Он пожал плечами:

— Я ничего об этом не знаю. Все возможно. Но ведь они могли и неправильно его понять. Или, может, он и в самом деле крикнул «Help».

— Но ведь я вам объяснила, почему это невозможно.

— Не имеет значения. Это проблема властей в Непале или где там эта гора находится.

— Я не это имею в виду. Я восстановила психологическую картину. Неужели вы не понимаете, что на основе того, что я вам рассказала, стоило бы заняться расследованием и двух других убийств?

У Бирна к этому времени на лице появилось смущенное выражение, и в комнате повисла тягостная тишина, пока он обдумывал мои слова и свой ответ. Я вцепилась в стол, словно боялась упасть.

— Нет, — наконец проговорил он. Я было начала протестовать, но он продолжал говорить: — Мисс Лаудон, вы должны согласиться, что я был достаточно любезен, позволив вам рассказать все, что вы хотели. Единственное, что я могу вам порекомендовать, это — в случае, если вы хотите дать делу дальнейший ход, — обратиться в соответствующее полицейское управление. Но если у вас не будет для них ничего конкретного, думаю, что они не смогут ничего сделать.

— Это не имеет значения, — сказала я. Мой голос был безжизненным, лишенным всякого выражения. И, конечно, это уже не имело никакого значения.

— Что вы имеете в виду?

— Адаму уже все известно. Это был мой единственный шанс. Вы, конечно, правы — у меня нет доказательств. Я просто знаю. Знаю Адама. — Я собралась встать, попрощаться и уйти. Но, поддавшись какому-то импульсу, потянулась через стол и взяла руку Бирна. Он выпучил глаза. — Как ваше имя?

— Боб, — растерянно пробормотал он.

— Если в течение нескольких ближайших недель вы услышите, что я убила себя, упала под поезд или утонула, найдется множество доказательств того, что в последние недели я вела себя как безумная, поэтому будет легко прийти к заключению, будто я покончила с собой, пребывая в психически неуравновешенном состоянии, или у меня был нервный срыв и произошел несчастный случай. Но это будет неправдой. Я хочу жить. Понимаете?

Он осторожно убрал свою руку.

— С вами все будет хорошо, — сказал он. — Поговорите обо всем со своим мужем. Вы все сможете уладить.

— Но...

Потом нас прервали. Офицер в форме отвел Бирна в сторону, и они о чем-то тихо переговаривали, время от времени поглядывая на меня. Бирн кивнул мужчине, который удалился тем же путем, каким пришел. Он снова сел за стол и очень серьезно посмотрел на меня.

— В приемной находится ваш муж.

— Конечно, — с горечью проговорила я.

— Нет, — мягко сказал Бирн. — Вы не о том подумали. Он пришел с врачом. Он хочет вам помочь.

— С врачом?

— Как я понимаю, в последнее время вы немало пережили. Вы вели себя неразумно. Нам известно о нескольких случаях, когда вы притворялись журналисткой, разговор об этом. Могу я провести их сюда?

— Мне все равно, — сказала я. Все пропало. Какой смысл сопротивляться? Бирн поднял трубку.

Врачом была Дебора. Они выглядели потрясающе, когда шли через убогий офис, высокие и загорелые, среди бледных, усталых детективов и секретарей. Дебора осторожно улыбнулась, встретившись со мной глазами. Я не ответила ей.

— Элис, — мягко проговорила она. — Мы пришли, чтобы помочь тебе. Все будет хорошо. — Она кивнула Адаму, потом обратилась к Бирну. — Вы офицер из



регистратуры?

Он выглядел озадаченным.

— Я работаю на приеме заявлений.

Дебора говорила спокойным, убаюкивающим голосом, словно Бирн тоже был одним из ее пациентов.

— Я практикующий терапевт и в соответствии с разделом четыре Закона о психическом здоровье от тысяча девятьсот восемьдесят третьего года делаю срочное заявление о необходимости взятия под опеку Элис Лаудон. На основании разговора с ее мужем, который присутствует здесь, я уверена, что она нуждается в срочном помещении в больницу и освидетельствовании ради ее же собственной безопасности.

— Запираете меня в больницу для душевнобольных? — спросила я.

Дебора посмотрела вниз, почти незаметно, на блокнот, который был у нее в руке.

— Это не совсем так. Не нужно об этом думать в такой форме. Мы хотим вам только добра.

Я взглянула на Адама. У него на лице было мягкое, почти любящее выражение.

— Моя дорогая Элис... — Это все, что он сказал.

Бирн был явно смущен.

— Это уж слишком, но...

— Это медицинская необходимость, — твердо заявила Дебора. — В любом случае требуется психиатрическое освидетельствование. Еще я прошу, чтобы Элис Лаудон была немедленно передана на поруки своему мужу.

Адам протянул руку и прикоснулся к моей щеке. Так нежно.

— Моя сладкая любовь, — сказал он.

Я посмотрела вверх, в его лицо. Его голубые глаза светили на меня, словно само небо. Его волосы, казалось, были растрепаны ветром. Губы немного приоткрыты, будто он собирался что-то сказать или поцеловать меня. Я подняла руку и дотронулась до бус, которые он мне подарил, давно, в первые дни нашей любви. Было такое ощущение, что в комнате нет никого, кроме меня и его, все остальные были просто помехами на экране. Может, я просто заблуждалась.

Внезапно желание отдаться на попечение этих людей, людей, которые по-настоящему любят меня, чтобы они заботились обо мне, стало непреодолимым.

— Прости меня, — услышала я свой слабый голос.

Адам наклонился и обнял меня. Я почувствовала запах его пота, небритую щеку, прикоснувшуюся к моей щеке.

— Любовь — смешная штука, — сказала я. — Как ты мог убить того, кого любил?

— Элис, дорогая моя, — тихо проговорил он мне на ухо, лаская ладонью мои волосы, — разве я не обещал, что буду всегда присматривать за тобой? Всегда, вечно.

Он крепко обнимал меня, и это было восхитительно. Всегда, вечно. Я думала: так и должно быть. Может, это все еще так и будет. Может, мы переведем стрелки часов назад, притворимся, что он никогда никого не убивал, а я об этом ничего не знаю. Я почувствовала, как слезы струятся у меня по лицу. Обещание присматривать за мной всегда, вечно. Место и обещание. Где я слышала эти слова? Что-то крутилось в голове, размытое и неопределенное, а потом вдруг обрело форму, и я все поняла. Я попятилась от Адама и прямо взглянула ему в лицо.

— Я поняла, — сказала я.

Я огляделась по сторонам. Бирн, Дебора и Адам стояли с озадаченными лицами. Не думали ли они теперь, что я по-настоящему и окончательно спятила? Что ж, пусть. Я опять была собрана, мысли ясные. Сумасшедшей была не я.

— Я поняла, где Адам спрятал ее тело. Мне известно, где Адам похоронил

Адель Бланшар.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бирн.

Я смотрела на Адама, а он на меня — не отрываясь, не мигая. Затем я нащупала свое пальто и достала сумочку. Я открыла ее и вытащила оттуда сезонный билет, чеки, несколько банкнот, а вот и то, что я искала: я сама, сфотографированная Адамом в тот момент, когда он предложил мне выйти за него замуж. Я вручила снимок Бирну, который взял и смотрел на него с озадаченным лицом.

— Поаккуратнее с этим, — сказала я. — Это единственный снимок. Адель похоронена там.

Я взглянула на Адама. Он не отвел взгляд даже в тот момент, однако я поняла, что он раздумывает. В этом был его талант: действовать расчетливо в кризисных ситуациях. Какие планы рождались в его красивой голове?

Бирн повернулся к Адаму и показал ему фотографию.

— Что это? — спросил он. — Где это?

Адам изобразил непонимающую, сочувственную улыбку.

— Точно не знаю, — сказал он. — Это было где-то во время прогулки. — И снова перевел глаза на меня.

В этот момент я поняла, что права.

— Нет, — сказала я. — Это не просто прогулка «где-то». Адам специально отвез меня туда, привел на это место. Он сказал, что его некогда унизили. И вот именно на этом месте он просил меня стать его женой. Место и обещание. Мы поклялись быть верными друг другу над телом Адели Бланшар.

— Адель Бланшар? — спросил Адам. — Кто это? — Он очень пристально посмотрел на меня. Я чувствовала, как его глаза пытались прочесть в моих, что именно мне известно. — Это безумие. Я не помню, где мы гуляли. И ты. Ты тоже не помнишь, не правда ли, дорогая? Ты всю дорогу спала в машине. Ты не знаешь, где это место.

Я посмотрела на фотографию и похолодела от ужаса. Он был прав. Я не знала. Я глядела на траву, такую зеленую, мучительно близкую и одновременно такую далекую. Адель, где ты? Где лежит твоё преданное, умерщвленное, пропавшее тело? И тут я вспомнила. Вот оно! Вот оно!

— Сент-Эдмундс, — выпалила я.

— Что? — одновременно спросили Бирн и Адам.

— Сент-Эдмундс с буквой "а". Адель Бланшар преподавала в начальной школе в Сент-Эдмундсе, неподалеку от Коррика, там же находится церковь Святого Эдмунда. Отвезите меня к церкви Святого Эдмунда, и я покажу это место!

Бирн переводил взгляд с меня на Адама и обратно. Он не знал, что делать, но явно колебался. Я сделала шаг к Адаму и приблизила к нему свое лицо. Взглянула в его чистые голубые глаза. В них не было ни малейшей искры тревоги. Он был великолепен. Возможно, впервые я воочию представила этого человека на склоне горы, спасающего жизни или обрекающего на смерть. Я подняла руку и прикоснулась к его щеке, как он сделал минуту назад. Адам едва заметно вздрогнул. Я должна была сказать ему что-то. Что бы ни случилось, у меня больше никогда не будет такого шанса.

— Я понимаю, что ты убил Адель и Франсуазу, потому что каким-то жутким образом любил их. И думаю, что Тара представляла для тебя угрозу. Может, сестра ей что-то рассказала? Она знала? Или подозревала? Но как быть с другими? Пит. Кэрри. Томас. Алексис. Ты и в самом деле столкнул Франсуазу в пропасть, когда вернулся назад на отрог? Тебя кто-нибудь видел? Может, просто представился удобный случай? — Я ждала. Ответа не было. — Ты ведь никогда не расскажешь, не правда ли? Не доставишь такого удовольствия простым смертным.

— Это просто смешно, — сказал Адам. — Элис нуждается в помощи. Я могу по

закону получить над нею опеку.

— Вы обязаны все зарегистрировать, — сказала я Бирну. — Я сообщила об убитой. Назвала место. Вы обязаны провести расследование.

Бирн смотрел в пространство между нами. Потом его лицо расплылось в сардонической улыбке. Он вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. Потом взглянул на Адама. — Не беспокойтесь, сэр. Мы хорошо позаботимся о вашей жене.

— До свидания, — сказала я Адаму. — До свидания, Адам.

Он улыбнулся мне, улыбка была такой сладкой, что его лицо стало похожим на лицо маленького мальчика, которого переполняет пугающая надежда. Однако он ничего не сказал, просто посмотрел мне вслед, а я не оглянулась.

## Глава 39

Женщина-офицер Майер выглядела лет на шестнадцать. У нее были коротко подстриженные каштановые волосы и круглое прыщеватое лицо. Я сидела на заднем сиденье машины — обычной синей, не полицейской, как я того ожидала, — и смотрела в ее затылок, полную шею, нависающую на белоснежный накрахмаленный воротничок. Он выглядел напряженным, неодобрительным, а ее вялое рукопожатие и быстрый пустой взгляд показались мне безразличными.

Мисс Майер не пыталась заговорить со мной, если не считать того, что в самом начале пути попросила застегнуть ремень безопасности и поблагодарила, когда я выполнила эту просьбу. Я прижалась к прохладному пластику и наблюдала за лондонским движением за окном, почти ничего не замечая. Было ясное утро, от яркого света болела голова, но, когда я прикрыла глаза, лучше не стало, так как образы проникали сквозь сомкнутые веки. Особенно лицо Адама, каким я видела его в последний раз. У меня все ныло, внутри была пустота. Было такое впечатление, что я чувствую части тела по отдельности: сердце, живот, легкие, больные почки, циркулирующую кровь, звенящую голову.

Время от времени радио женщины-офицера Майер оживало, и она начинала говорить странным, шаблонным языком о встречах и времени прибытия. Снаружи текла обычная жизнь — люди шли по своим повседневным делам, раздраженные, скучающие, довольные, безучастные, взволнованные, усталые. Раздумывающие о работе, о том, что приготовить на ужин, о том, что дочь сказала сегодня за завтраком, или о парне, который нравится, о волосах, требующих стрижки, о ноющей спине. Трудно было представить, что когда-то и я была частью той жизни. Смутно, словно в полузабытом сне, я вспомнила вечера с компанией в «Вайн». О чем мы беседовали вечер за вечером, словно время ничего не значило, словно у нас в запасе было все время Вселенной? Была ли я тогда счастлива? Теперь и не знаю. Теперь я уже с трудом могла представить себе лицо Джейка, во всяком случае, лицо того Джейка, с которым я жила, лицо любовника, как он выглядел, когда мы вместе были в постели. Все заслоняло лицо Адама, его наблюдающие глаза. Как он прокладывал путь между мной и всем остальным миром, закрывая его собой так, чтобы мои глаза видели только его.

Я была Элис-с-Джейком, потом Элис-с-Адамом. Теперь я была просто Элис. Одинокая Элис. Никто не скажет мне, как я выгляжу, и не спросит, как я себя чувствую. Не с кем строить планы, спорить, никто не защитит, не на кого положиться. Если мне удастся пережить это, я навсегда останусь одна. Я посмотрела на свои руки, безвольно лежащие на коленях, прислушалась к дыханию, ровному и тихому. Может, я и не выживу. До Адама я никогда не боялась смерти, главным образом потому, что смерть всегда представлялась чем-то очень далеким, что приходит к чистеньким седовласым женщинам, которых я никак не могла соотносить с собой. Кто, интересно,

станет обо мне скучать? Ну конечно, меня будет не хватать родителям. Друзья? По-своему... Но для них я уже исчезла, когда порвала с Джейком и прежней жизнью. Они будут качать надо мной головами, словно в удивлении. «Бедняжка», — скажут они. Хотя Адам будет скучать; да, Адам будет сожалеть обо мне. Он будет плакать, это будут искренние слезы горя. Он навсегда запомнит меня и будет вечно оплакивать. Как странно. Я почти улыбалась.

Снова достала из кармана фотографию и стала рассматривать ее. Вот она я, такая счастливая благодаря чуду, которое принесла новая жизнь, что похожа на сумасшедшую. За мной куст боярышника, трава, небо и больше ничего. Что, если я не смогу вспомнить? Я пыталась восстановить в голове путь от церкви, но на меня накатывало ощущение полной пустоты. Я даже не могла вспомнить, как выглядела сама церковь. Я пыталась не думать об этом, словно это могло растворить последние остатки памяти. Опять посмотрела на фотографию и услышала собственный голос. «Навсегда», — я тогда сказала. Навсегда. Что ответил Адам? Я была не в состоянии припомнить, но знала, что он заплакал. Я почувствовала его слезы у себя на щеке и чуть не заплакала сама — сидя в холодной полицейской машине, готовясь узнать, смогу ли победить или буду побеждена им, буду жить или буду уничтожена им. Адам теперь был моим врагом, но он любил меня, что бы это чувство ни означало. И я любила его. В одну страшную минуту мне захотелось попросить офицера Майер развернуть машину в сторону дома: все это ужасная ошибка, безумный бред.

Я встряхнулась и снова выглянула в окно, чтобы не смотреть на фотографию. Мы уже съехали с шоссе и проезжали мимо серенькой деревушки. Я ничего не запомнила из этого путешествия. О Боже, а вдруг я так ничего и не вспомню? Передо мной маячил тугой затылок офицера Майер. Я опять прикрыла глаза. Я чувствовала себя такой напуганной, что почти успокоилась, это было болезненное спокойствие, как под наркозом. Мой позвоночник показался тонким и хрупким, когда я поерзала на сиденье, пальцы были холодными и непослушными.

— Приехали.

Машина подъехала к церкви Святого Эадмунда — приземистому серому зданию. Надпись на табличке гордо извещала о том, что церковь была заложена более тысячи лет назад. Я с облегчением это вспомнила. Но здесь и начались испытания. Офицер Майер вышла из машины и открыла мне дверь. Я выбралась наружу и увидела, что нас ожидают три человека. Еще одна женщина, чуть старше офицера Майер, была одета в узкие брюки и толстую дубленую куртку, на двух мужчинах были желтые куртки, какие часто носят строительные рабочие. У них в руках были лопаты. У меня подгибались колени, но я старалась идти быстро, словно знала, куда направляюсь.

Они едва взглянули на меня, когда мы подошли. Мужчины разговаривали между собой. Они посмотрели на меня и продолжили свою беседу. Женщина вышла вперед, представилась как констебль Пейджет и, взяв Майер под руку, отвела ее в сторону.

— Это должно занять пару часов, — донеслось до меня. Значит, мне вообще никто не верил. Я посмотрела на свои ноги. На мне были полусапожки на каблучках, совершенно не подходящие для прогулки по глинистой почве. Я знала, в каком направлении нам следовало идти. Я собралась идти по дороге мимо церкви. Пока все было просто. Проблема была в том, что делать дальше. Я ощутила на себе взгляды мужчин с лопатами, но, когда я повернулась к ним, они потупились, словно смутились. Сумасшедшая. Я зачесала волосы за уши и застегнула верхнюю пуговицу куртки.

Женщины вернулись, они казались целеустремленными.

— Хорошо, миссис Таллис, — сказала детектив, кивнув мне. — Не хотите ли показать нам дорогу?

У меня в горле будто застрял ком. Я двинулась по тропинке. Одна нога за другой, каблучки застучали по тихой тропинке. В голове завертелась детская считалка: «Левая, левая, хороший дом, а я ушел. Правая, правая, она служит тебе неплохо, солдат». Констебль Пейджет шагала рядом со мной, а трое остальных немного отстали. Я не могла расслышать, что они говорят друг другу, но время от времени до меня доносился смех. Мои ноги отяжелели, словно налились свинцом. Дорога расстилась передо мной, змеилась все дальше и дальше, на ней не было никаких примет. Вдруг это моя последняя прогулка?

— Далеко отсюда? — спросила констебль Пейджет.

Я не имела об этом никакого представления. Однако за поворотом тропинка раздвоилась, и я увидела военный памятник со щербатым каменным орлом на вершине.

— Здесь, — сказала я, стараясь скрыть облегчение. — Вот сюда мы пришли.

Должно быть, констебль Пейджет уловила в моем голосе удивление, так как бросила на меня вопросительный взгляд.

— Это здесь, — снова сказала я. Хотя я и не помнила памятника, однако теперь, когда мы подошли к нему, точно знала, что мы были именно здесь.

Я повела их по узкой дорожке, которая больше походила на едва заметную тропинку. Ногам стало легче. Мое тело само подсказывало, куда идти. Где-то здесь начинается другая тропка. Я взволнованно озираясь и часто останавливалась, чтобы посмотреть, не заросла ли тропа с тех пор, когда я была здесь в последний раз. Я чувствовала, как в группе нарастает нетерпение. Один раз я перехватила взгляд офицера Майер, которым она обменялась с одним из землекопов — худым молодым человеком с длинной морщинистой шеей, — потом пожала плечами.

— Уже где-то рядом, — сказала я.

Спустя несколько минут я снова заговорила.

— Видно, мы прошли место. — Мы остановились посреди дорожки, пока я в замешательстве озираясь, и тогда констебль Пейджет довольно доброжелательно проговорила:

— Кажется, впереди будет поворот. Пойдемте туда, посмотрим.

Это была тропа. Я чуть на радостях не полезла к ней обниматься, потом неуклюже засеменила дальше, полицейские последовали за мной. Кусты мешали идти, ветви ежевики цеплялись за ноги, но я не замечала этого. Мы были именно здесь. Теперь я, уже не колеблясь, свернула с тропы к деревьям, так как узнала березу, которая выделялась среди других деревьев белизной и прямоотой. Мы стали карабкаться вверх по склону холма. Когда мы были здесь с Адамом, он держал меня за руку, помогая двигаться по скользким прошлогодним листьям. Мы наткнулись на целую полянку нарциссов, и я услышала, как офицер Майер радостно вскрикнула, словно находилась на загородной прогулке.

Мы добрались до вершины склона. Деревья расступились, и мы оказались на поросшей вереском пустоши. Я услышала голос Адама из прошлого, словно он стоял рядом со мной: «Клочок травы, который растет в стороне от тропы, идущей в сторону от дорожки, которая находится в стороне от большой дороги».

И тут я неожиданно перестала понимать, куда идти. Здесь должен был быть куст боярышника, но с того места, где я стояла, он не был виден. Я сделала несколько неуверенных шагов, остановилась и беспомощно огляделась. Констебль Пейджет подошла ко мне и стала молча ждать. Я вынула из кармана фотографию.

— Вот то место, которое мы ищем.

— Куст. — Голос звучал безразлично, но глаза говорили об обратном. Вокруг нас повсюду были кусты.

Я закрыла глаза и попыталась мысленно вернуться в прошлое. И тут я вспомнила. «Посмотри моими глазами, — сказал он. И мы стали смотреть на церковь,

лежащую под нами, и на поля. — Посмотри моими глазами».

Я словно и в правду смотрела его глазами, следовала за ним. Я споткнулась и почти побежала по кустикам вереска, и тут сквозь прогал в деревьях мне открылся вид на то место, откуда мы пришли. Там была церковь и две машины, припаркованные около нее. Были зеленые просторы полей. А здесь был куст боярышника. Я стояла перед ним, как тогда. Подо мной была ноздреватая земля, и я молилась, чтобы здесь, подо мной, лежало тело молодой женщины.

— Здесь, — сказала я констеблю Пейджет. — Здесь. Копайте здесь.

Она поманила мужчин с лопатами и повторила мои слова.

Я отошла от указанного места, и они принялись копать. В земле попадались камни, и копать было непросто. Скоро у них на лбах выступили капли пота. Я старалась дышать ровно. С каждым ударом лопаты я ждала, что что-то появится на поверхности. Ничего. Они копали до тех пор, пока не образовалась солидная яма. Ничего. Наконец они бросили копать и посмотрели на констебля Пейджет, она, в свою очередь, посмотрела на меня.

— Она там, — сказала я. — Я знаю, что она там. Подождите.

Снова закрыла глаза и постаралась вспомнить. Я вынула фотографию и посмотрела на куст.

— Скажите точно, где мне встать, — сказала я констеблю, протянула ей фотографию и встала у куста.

Она устало посмотрела на меня, пожала плечами. Я стояла перед ней точно так же, как стояла перед Адамом, и смотрела на нее так, словно она вот-вот сфотографирует меня. Прищурившись, она взглянула через плечо.

— Чуть-чуть вперед, — сказала она.

Я шагнула вперед.

— Вот так.

— Копайте здесь, — сказала я мужчинам.

Те снова принялись слой за слоем снимать землю. Мы стояли в молчании, слышался нудный стук лопат и дыхание работающих. Ничего. Ничего не было, кроме красноватой земли и мелких камней.

Они опять прекратили работу и уставились на меня.

— Прошу вас, — хрипло проговорила я. — Еще немного. — Я повернулась к констеблю Пейджет и взяла ее за рукав. — Пожалуйста.

Прежде чем ответить, она задумчиво нахмурила лоб:

— Мы можем копать здесь целую неделю. Мы копали там, где вы показывали, и ничего не обнаружили.

— Прошу вас. — Мой голос срывался. — Пожалуйста. — Я молила о жизни.

Констебль Пейджет глубоко вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. Взглянула на часы. — Еще двадцать минут, и довольно.

Она подала знак, мужчины подошли, насмешливо фыркая и отпуская шуточки. Я отошла, присела на землю и стала смотреть на долину, где трава ходила на ветру, подобно морским волнам.

Вдруг за спиной я услышала тихий разговор. Я подбежала к работающим. Мужчины прекратили копать и стояли у ямы на коленях, выбирая грунт руками. Я заглянула через их головы. Земля здесь сделалась неожиданно темной, и я увидела руку, кости, торчавшие из земли, словно подзывая нас к себе.

— Это она! — крикнула я. — Адель! Вы видите? Видите? — Я принялась сама руками отбрасывать землю, выковыривать камни, хотя почти ничего не видела. Мне хотелось прижать кости к груди, баюкать их, дотронуться до головы, которая появилась в яме — жутко оскалившийся череп, — просунуть пальцы в пустые глазницы...

— Не трогайте, — приказала констебль Пейджет и стала оттаскивать меня прочь от ямы.

— Но я должна! — завывала я. — Это она. Я была права. Это она. — Это должна была быть я, хотела сказать я. Если бы мы ее не нашли, то меня ожидала бы такая же участь.

— Это улики, миссис Таллис, — жестко произнесла констебль.

— Это Адель, — повторила я. — Это Адель, и ее убил Адам.

— Мы не знаем, кто это, — возразила она. — Нужно будет сделать анализ, провести идентификацию.

Я взглянула на торчащую руку, появившуюся из земли голову. Напряжение спало, и я почувствовала смертельную усталость, смертную печаль.

— Бедняжка, — сказала я. — Бедная женщина. О Боже! О Боже, Господи Иисусе!

Констебль Пейджет протянула мне большую салфетку, и я поняла, что плачу.

— На шее что-то есть, детектив, — сказал худой копатель.

Я потрогала свою собственную шею.

Он держал в руке потемневшую проволочку.

— Думаю, это ожерелье.

— Да, — проговорила я. — Это он ей подарил.

Все повернулись и посмотрели на меня, и на этот раз все смотрели внимательно.

— Вот. — Я сняла с себя ожерелье, серебряное, сияющее, и положила его рядом с потемневшим двойником. — Адам подарил мне это в знак любви ко мне, его вечной любви. — Я указала пальцем на спиральку. — Это тоже обнаружится на ее ожерелье.

— Она права, — сказала констебль. Другая спиралька была почерневшей, забитой землей, но, несомненно, такой же. Повисла тишина. Все смотрели на меня, а я смотрела в яму, где покоилось ее тело.

— Как, вы говорите, было ее имя? — спросила наконец констебль Пейджет.

— Адель Бланшар. — Я всхлипнула. — Она была любовницей Адама. И, я думаю... — Снова потекли слезы, но на этот раз я оплакивала не себя, а ее, Тару и Франсуазу. — Думаю, что она была хорошей женщиной. Милой молодой женщиной. О, простите меня, простите. — Я прижала к лицу испачканные глиной ладони, слезы заструились между пальцами.

Констебль Пейджет обняла меня за плечи.

— Мы отвезем вас домой.

Только где теперь мой дом?

Инспектор Бирн и одна из женщин-офицеров вызвались проводить меня домой, хотя я говорила им, что Адама там не будет и мне нужно лишь собрать вещи и уйти. Они сказали, что им так или иначе нужно проверить квартиру, хотя они уже пытались туда звонить. Им нужно было найти мистера Таллиса.

Я не знала, куда пойти, однако не стала говорить им об этом. Позднее нужно будет делать заявления, заполнять формы в трех экземплярах, встречаться с юристами. Позднее мне придется подумать о своем прошлом и оказаться лицом к лицу со своим будущим, попытаться выбраться из-под отвратительных руин моей жизни. Но не сейчас. Сейчас я просто отупело плелась вперед, пытаюсь строить фразы в правильном порядке, в ожидании, когда меня где-нибудь пристроят поспать. Я так устала, что могла бы уснуть стоя.

\* \* \*

Инспектор Бирн втащил меня по лестнице вверх, к квартире. Дверь беспомощно

болталась на петлях, выбитая Адамом. У меня подкосились ноги, но Бирн поддержал меня под локоть, и мы вошли внутрь, за нами последовала женщина-офицер.

— Я не могу, — сказала я, резко остановившись на пороге. — Я не могу. Не могу идти туда. Не могу. Не могу. Просто не могу, и все.

— Вам не нужно этого делать, — отозвался он и повернулся к женщине: — Найдите, пожалуйста, для нее немного чистой одежды.

— Сумка, — сказала я. — Мне нужна только моя сумка. У меня там деньги. Больше мне ничего не нужно.

— И ее сумку.

— Она в гостиной, — подсказала я. Мне казалось, что меня вот-вот вырвет.

— У вас есть родные, к которым вы могли бы поехать? — спросил он, пока мы ждали.

— Не знаю, — слабым голосом проговорила я.

— Позвольте вас на пару слов, сэр? — Это была женщина-полицейский, на ее лице застыло мрачное выражение. Что-то произошло.

— Что?..

— Сэр.

Мне стало все ясно. Знание прожгло меня, словно чистый поток ощущений.

Прежде чем они смогли остановить меня, я вбежала в гостиную. Мой прекрасный Адам медленно покачивался на веревке. Я увидела, что он воспользовался куском альпинистского шнура. Желтого. Рядом валялся стул. Адам был босиком. Я нежно прикоснулась к изуродованной ступне, потом поцеловала ее — так, как в первый раз. Он был очень холодный. На нем были старые джинсы и выцветшая футболка. Я взглянула в распухшее, ставшее страшным лицо.

— Ты убил бы меня, — сказала я, глядя на него.

— Мисс Лаудон, — послышался рядом голос Бирна.

— Он убил бы меня, — сказала я ему, не отводя глаз от лица Адама, моего любимого. — Он сделал бы это.

— Мисс Лаудон, пойдемте отсюда. Все кончено.

\* \* \*

Адам оставил записку. Это не было ни исповедью, ни попыткой объясниться. Это было любовное письмо. «Моя Элис, — писал он. — Видеть тебя значило боготворить тебя. Ты была моей самой прекрасной и последней любовью. Мне жаль, что ей пришлось завершиться. И вечность была бы слишком коротким временем».

## Глава 40

Однажды вечером, несколько недель спустя, после всей суматохи, после похорон, раздался стук в дверь. Я спустилась, чтобы открыть. Это была Дебора, которая выглядела очень привлекательной в юбке и темном жакете. На лице после дня, проведенного в больнице, застыло усталое выражение. Мы смотрели друг на друга без улыбки.

— Мне следовало бы раньше связаться с тобой, — наконец проговорила она.

Я отошла в сторону, и она стала подниматься по лестнице вслед за мной.

— Я принесла тебе кое-что, — сказала она. — Вот. — Достала из пластикового пакета бутылку шотландского виски. — И вот. — Она развернула вырезку из газеты и передала мне. Это был некролог по поводу смерти Адама. Его написал Клаус для газеты, которую я обычно не покупаю. — Я подумала, тебе может понравиться.

— Заходи, — сказала я.

Взяла виски, два стакана, вырезку из газеты и прошла в гостиную. Я налила нам



по порции. Как всякий добрый житель Северной Америки, Дебора вернулась на кухню, чтобы поискать лед. Я взглянула на вырезку.

Над самой заметкой была помещена фотография Адама, которой я прежде не видела. Он был запечатлен стоящим на склоне какой-то горы и улыбался в камеру, загорелый, без шапки. Как редко я видела его улыбающимся и беззаботным. У меня в памяти он навсегда остался мрачным и напряженным. У него за спиной поднимались горы, которые напоминали море на японских гравюрах, горы, снятые в момент своего сонного великолепия. Именно это мне всегда было трудно понять. Когда видишь фотографию, снятую высоко в горах, все на ней кажется таким ясным и красивым. Но все они говорили мне — Дебора, Грег, Клаус и Адам, конечно, — что настоящие ощущения от пребывания в горах невозможно запечатлеть на снимке: невероятный холод, борьба за каждый глоток кислорода, ветер, который угрожает поднять тебя и сдуть в пропасть, шум в голове, медлительность и тяжесть в мозгах и во всем теле, а главное — чувство враждебности, ощущение того, что это нечеловеческий мир, куда ты попал на короткое время в надежде, что сможешь выжить в борьбе со стихиями и собственным физиологическим и психическим умиранием. Я смотрела в лицо Адама и думала: кому это он улыбается? На кухне слышался звон льда о стекло.

Текст Клауса сначала заставил меня поморщиться. Он написал отчасти личные воспоминания о своем друге, отчасти попытался выполнить профессиональный долг журналиста. Потом я прочитала все слово за словом:

"Альпинист Адам Таллис, недавно покончивший с собой, добился известности благодаря своим героическим действиям во время страшной бури, разразившейся в прошлом году на склонах горы Чунгават в Гималаях. Он не искал этой известности и тяготился всеобщим интересом — но был притягательным и уважаемым, как всегда.

Адам был выходцем из семьи военного, против которой восстал (его отец участвовал в первом дне высадки союзников в Нормандии в 1944 году). Он родился в 1964 году, получил образование в Итоне, но не был счастлив в школе и так и не захотел подчиниться каким-либо властям или работать в учреждениях, которые считал недостойными себя. Он навсегда оставил школу в возрасте шестнадцати лет и в буквальном смысле слова в одиночку пересек всю Европу, путешествуя по суше".

Затем Клаус кратко изложил описанные в его книге раннюю альпинистскую карьеру Адама и события на Чунгават. Он отметил помещенные в журнале «Гай» поправки. Теперь тем парнем, который звал на помощь, прежде чем погрузиться в кому, был Томас Бенн. Это подводило к кульминации статьи Клауса:

"Прося о помощи, хотя было слишком поздно, Бенн взывал к гуманности, которую олицетворял Адам Таллис. Есть, особенно в последние годы, такие, кто заявляет, что обычная мораль прекращает действовать, когда мы подходим к вершинам высочайших гор. Этот жестокий подход, видимо, подпитывается новой тенденцией, существующей в области организации коммерческих экспедиций, где руководитель несет ответственность за клиента, который ему платит, к тому же клиент полностью зависит от того, сохранят ли его или ее жизнь опытные инструкторы. Адам резко возражал против этих «тропинок для яков», по которым неопытных, но богатых искателей приключений тащат на вершины, прежде бывшие царством групп элитных альпинистов.

И тем не менее — а здесь я говорю как человек, которому Адам Таллис спас жизнь, — в самый разгар ужасной бури он продемонстрировал пример высочайшей преданности великим традициям альпийского и гималайского братств. Казалось, что давление рынка захватило и этот мир разреженного воздуха на высоте выше 8000 метров. Но кто-то не стал подчиняться богу горы Чунгават. Адам Таллис показал, что в экстремальных условиях существуют более глубокие чувства, более фундаментальные ценности.

Возвратившись с Чунгават, Адам не сидел сложа руки. Человек сильных

порывов, он встретил прекрасную высоконравственную женщину, Элис Лаудон, и женился на ней...".

Дебора вернулась в комнату. Она села рядом со мной и медленно пила свое виски, изучая мое лицо, пока я читала:

"...ученой, которая никогда не занималась альпинизмом. Эта пара жила в страстной любви, и друзья Адама решили, что в семье этот беспокойный скиталец нашел стабильную основу, которую искал всю свою жизнь. Возможно, значительным является тот факт, что его запланированная на будущий год экспедиция на Эверест не имела целью восхождение на вершину, а была предназначена для уборки мусора на склонах горы, что, видимо, было его формой дани богам, которых дразнили и оскорбляли слишком долгое время.

Но этому не было суждено осуществиться. Кто может говорить о личных внутренних переживаниях людей? Кто знает о том, что движет мужчинами и женщинами, которые ищут совершенства на вершине мира? Быть может, события на Чунгават стоили ему больше, чем знали даже его друзья. Нам он казался счастливее и спокойнее, чем когда-либо в своей жизни, хотя в последние недели стал раздражительным, обидчивым и неразговорчивым. Я не могу избавиться от чувства, что мы не сделали для него того, что он в свое время сделал для нас. Видимо, когда ломаются сильные люди, они ломаются ужасно и безвозвратно. Я потерял друга. Элис потеряла мужа. Мир потерял редкий образец героизма".

\* \* \*

Я отложила вырезку в сторону, фотографией вниз, чтобы не видеть его лица, и высморкалась в салфетку. Потом отпила из стакана, виски обожгло мое больное горло. Интересно, когда-нибудь я смогу снова почувствовать себя нормальным человеком? Дебора осторожно положила руку мне на плечо, и я слегка улыбнулась ей.

— Все в порядке, — сказала я.

— Тебя это беспокоит? — спросила она. — Тебе хочется, чтобы все узнали? — Вопрос, казалось, донесся откуда-то издалека.

— Не все, — отозвалась я наконец. — Есть пара людей, которых я должна увидеть, людей, которым я лгала. Они заслуживают того, чтобы знать правду. Возможно, это поможет и мне, и им. Для остальных это не имеет никакого значения. В самом деле не имеет значения.

Дебора наклонилась вперед и стукнула своим стаканом об мой.

— Дорогая Элис, — произнесла она напряженным и официальным тоном. — Я говорю это так, потому что цитирую письмо, которое все время пытаюсь тебе написать, но потом неизменно выбрасываю. Дорогая Элис, если бы я не была спасена от себя самой, то была бы ответственной за твое похищение и Бог знает за что еще. Мне очень, очень жаль. Можно, я приглашу тебя на обед?

Я кивнула, отвечая и на невысказанный, и на высказанный вопросы.

— Пойду переоденусь, — сказала я. — Чтобы не отставать от тебя. Мне сегодня пришлось попотеть на работе.

— О, я слышала. Поздравления.

Через четверть часа мы шли по дороге, держась за руки. Был теплый вечер, и я могла по-настоящему поверить в то, что наконец придет лето, с жарой, длинными вечерами и свежими рассветами. Мы по-прежнему молчали. Мне казалось, что во мне не осталось слов, не осталось мыслей. Мы двигались плавно, подчиняясь общему ритму. Дебора повела меня в новый итальянский ресторан, о котором где-то прочла, заказала пасту, салат и бутылку дорогого красного вина. Чтобы заглушить чувство своей вины, так она сказала. Официанты были смуглыми, симпатичными и

очень внимательными. Когда Дебора вытащила из пачки сигарету, сразу двое бросились к ней с зажигалками. Потом Дебора посмотрела мне в глаза.

— Что делает полиция? — спросила она.

— На прошлой неделе я провела целый день с детективами из разных управлений. Я рассказала им примерно ту же историю, что уже рассказывала раньше, до вашего с Адамом приезда. — Дебора поморщилась. — Однако на этот раз они проявили внимание, задавали вопросы. Им все это, кажется, очень понравилось. «Другие подозреваемые в настоящее время не разыскиваются» — так вроде бы они говорили. Инспектор Бирн, тот, которого ты видела, очень обходителен со мной. Кажется, в нем говорит легкое чувство вины.

Официант торопливо подошел к нам, неся ведро для льда. Под салфеткой у него в руке раздался негромкий хлопок пробки.

— С уважением от джентльменов.

Мы оглянулись. Двое молодых людей в костюмах, улыбаясь, салютовали нам бокалами.

— Что это за место? — громко проговорила Дебора. — Что это еще за ослы такие? Сейчас вот пойду и вылью это им на головы. Боже, прости, Элис. Только этого тебе не хватало.

— Нет, — сказала я. — Это не важно. — Налила шипящее шампанское в наши бокалы и подождала, когда осядет пена. — Все это теперь не важно, Дебора. Глупые мужики жужжат вокруг, как комары, дурацкие стычки, проявления злости, все это ничего не стоит. Жизнь слишком коротка. Разве ты не видишь? — Мы чокнулись. — За дружбу.

А она сказала:

— За то, чтобы все прошло.

\* \* \*

Потом Дебора проводила меня до дома. Я не стала приглашать ее, мы расцеловались внизу, у дверей. Я поднялась в квартиру, из которой собралась съезжать на следующей неделе. В этот уик-энд мне нужно было упаковать свои пожитки и решить, что делать с вещами Адама. Они по-прежнему валялись повсюду в комнатах: его выцветшие джинсы; его футболки и грубые свитера, которые хранили его запах так, что, закрывая глаза, я могла представить, что он все еще находится в комнате и смотрит на меня; его кожаная куртка, которая, казалось, по-прежнему сохраняет форму его тела; его рюкзак, набитый альпинистским снаряжением; мои фотографии, которые он сделал своим «Поляроидом». Исчезли только его драгоценные поношенные альпинистские ботинки: Клаус — милый Клаус с распухшим от слез лицом — положил их ему в гроб. Ботинки вместо цветов. Вообще после него осталось не много вещей. Он всегда путешествовал налегке.

Сразу после случившегося я думала, что не смогу оставаться в этой квартире ни на час, ни на минуту. На самом же деле мне было до странности трудно оставить эту квартиру. Однако в понедельник я закрою очередную новую дверь, запру ее на два замка и передам ключи агенту по недвижимости. Возьму свои чемоданы и мелочь, поймаю такси и отправлюсь в свой новый дом, в уютную однокомнатную квартиру поблизости от работы, с крошечным патио, стиральной машиной, микроволновкой, центральным отоплением и толстыми коврами. Полин как-то сказала мне после того, как пережила то тяжелое расставание: если держаться так, словно у тебя все в порядке, то однажды так и будет. Чтобы выжить, нужно пройти через процесс выживания. Вода находит дорогу в каналы, которые ты для нее копаешь. Поэтому я куплю машину. Может быть, заведу кота. Снова начну учить французский и покупать одежду. Я буду каждый день рано приходить на работу и знать, что неплохо с ней

справляюсь. Буду встречаться со старыми друзьями. Какая-нибудь жизнь сможет прийти в эти приготовленные пространства; неплохая на самом деле жизнь. Глядя на меня, люди никогда не догадаются, что все это ничего не значит; что я чувствую себя такой же глубокой, пустой и печальной, как небо.

Я так и не смогла вернуться к себе прежней. К себе, какой я была до него. Большинство людей никогда не узнают об этом. Джейк, который нашел счастье со своей новой подружкой, не узнает. Он будет возвращаться к концу нашего романа и вспоминать боль, хаос и смущение, но это будет лишь смутным воспоминанием и не станет больше ранить его, если это хоть немного задевает его сегодня. Полин, она на сносях, тоже не узнает. Она попросила меня, очень стесняясь, быть крестной ее ребенка, а я, расцеловав ее в обе щеки, призналась, что не верю в Бога, но что да, буду очень счастлива. Клайв, мечущийся от одной привязанности к другой, будет считать меня женщиной, познавшей истинную романтическую любовь; он будет обращаться ко мне за советом каждый раз, когда соберется куда-нибудь пойти с женщиной или расстаться с ней. А я так и не смогу рассказать правду своей семье, его семье, Клаусу, сообществу альпинистов или кому-нибудь на работе.

Для всех них я осталась безутешной вдовой героя, который ушел слишком молодым, покончив с собой. Они разговаривали со мной и обо мне с настоящим уважением и печалью. Сильвия, конечно, все знала, но я не могла говорить с ней об этом. Бедная Сильвия, она думала, что поступает из лучших побуждений. Она присутствовала на похоронах и потом с отчаянными рыданиями просила у меня прощения. Я сказала, что прощаю ее — что еще я могла сказать? — отвернулась и продолжила разговор с кем-то еще.

Я устала, но спать не хотелось. Я приготовила себе чай и выпила его из оловянной кружки Адама, той, которая болталась на его рюкзаке, когда мы шли темной звездной ночью в медовый месяц в Лэйк-дистрикт. Я села в халате на диван, поджав под себя ноги, и стала думать о нем. Подумала о том, как в первый раз увидела его, через дорогу, когда он не отрываясь смотрел на меня, привораживая взглядом, притягивая к себе. Я подумала о последней встрече в полицейском участке, когда он улыбнулся мне так нежно, словно отпускал меня. Должно быть, он понял, что это конец. Мы так и не попрощались. Все началось в восторге, закончилось в ужасе, а теперь превратилось в отчаянное одиночество.

Несколько дней назад мы с Клайвом вместе обедали, и он после всяческих слов о душевных муках и поддержке спросил: «Разве кто-нибудь когда-нибудь сможет с ним сравниться, Элис?»

Никто и никогда. Адам убил семерых. Он убил бы и меня, даже если бы потом рыдал над моим телом. Всякий раз, когда я вспоминаю, как он смотрел на меня с такой силой концентрированной любви, или когда перед моим внутренним взором возникает его мертвое тело, медленно поворачивающееся на желтом шнуре, я думаю также о том, что он насильник и убийца. Мой Адам.

Но после всего случившегося я по-прежнему помнила любимое лицо, то, как он сжимал меня в объятиях, заглядывал мне в глаза и произносил мое имя, так нежно... Я не хотела забывать о том, что кто-то любил меня так сильно. «Только тебя я хочу, — говорил он, — только тебя». Никто больше не будет любить меня так.

Я встала и открыла окно. Группа молодых людей проходила внизу по улице, их освещал фонарь, и они пьяно хихикали. Один посмотрел вверх и, увидев меня в окне, послал воздушный поцелуй, а я помахала ему рукой, улыбнулась и отвернулась. О, это была такая печальная история, моя любовь, мое сердце.